

ISSN 0131—6656

СМЕНА

№ 4 (1362) март 1984

ПОДРОСТОК
И ТРУД.

Солдатская
сессия.

*Молодые годы
Дмитрия Менделеева.*

Обсуждаем проект ЦК КПСС
о школьной реформе

«...формирование человека начинается с первых лет его жизни... Хорошее средство воспитания—соединение обучения с производительным трудом. Надо твердо проводить курс на то, чтобы прививать школьнику привычку и любовь к полезному труду».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. АНДРОПОВА на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС

ПОДРОСТОК

Который умеет и любит

РАБОТАТЬ

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

трудно выскочить. И вряд ли нуждается в доказательстве истина, что в выборе профессии лучше не ошибаться.

В пятнадцать лет многие подростки переступают из мира детства в большую, взрослую жизнь. С этим связаны разнообразные перемены. Статистика говорит, например, о том, что пятнадцатилетние меняют место жительства примерно в десять раз чаще четырнадцатилетних. Это легко понять: общеобразовательные школы располагаются гуще, чем ПТУ, техникумы находятся главным образом в городах. Юный человек из семьи переселяется в общежитие, привычный круг друзей заменяется незнакомым окружением и т. д.

Чем развитее во всех отношениях к этому времени подросток, тем успешнее преодолевает он связанные с жизненными изменениями трудности и проблемы.

О трудовом воспитании школьников, подготовке молодежи к труду в народном хозяйстве идет речь в проекте реформы. Он вскрывает многие недостатки и намечает пути их преодоления.

Профессиональные намерения школьников резко расходятся с потребностями народного хозяйства. Сотни тысяч и миллионы школьников хотели бы стать космонавтами, летчиками, актерами и т. д. Неизмеримо меньшее число старшеклассников мечтает о профессиях доярки, телятницы, свинарки и т. д. Если потребности народного хозяйства в работниках разных профессий представить в виде пирамиды, у основания которой — самые многолюдные профессии, а у вершины — самые редкие (те же космонавты, например), то пирамида

желаний предстанет как бы «стоящей на голове»...

Недостатки реальной профориентации оборачиваются нежелательными для общества явлениями. Это, в частности, одна из серьезных причин очень высокой текучести молодых работников (не только рабочих, но и инженеров, служащих и т. д.), низкой производительности труда и невысокого его качества, неудовлетворенности не только своим трудом, но и своим положением в обществе. Здесь надо искать «ранние корни» причин так называемого отклоняющегося поведения (пьянство, хулиганство и т. п.).

Далее. Специалисты знают, что повышение образования рабочих — один из главных факторов роста производительности труда. С быстрым ростом среднего уровня общеобразовательной подготовки были связаны большие надежды экономистов. Многие полагали, что темпы роста производительности труда будут возрастать параллельно с повышением уровня образования, тем более что с середины 70-х годов страна перешла ко всеобщему обязательному среднему образованию молодежи. Однако вопреки надеждам производительность труда, скажем, в промышленности за девятую пятилетку выросла на 34 процента, а в десятой — только на 17 процентов («Народное хозяйство СССР. 1922—1982», М., 1982, стр. 167—168). Это привело к снижению темпов роста национального дохода, к известным трудностям в экономике, которые только теперь начинают преодолевать — показатели народного хозяйства страны в 1983 году были выше, чем в 1982-м, благодаря усилиям партии, укреплению дисциплины труда.

В чем причины парадоксального несоответствия?

У каждого сложного экономического и социального процесса обычно много составляющих. Но несомненно, что одна из главных причин снижения народнохозяйственных показателей — это недостаточная подготовка новых поколений работников к труду.

Высокая (а иной раз просто длительная) общеобразовательная подготовка не всегда способствовала профессиональному росту. В последние годы около миллиона вчерашних десятиклассников вливалось ежегодно в народное хозяйство, не пройдя профессионального обучения. Понятно, что работы квали-

фицированной получить они не могли. Одни становились разнорабочими, другие проходили слабую подготовку в порядке группового или индивидуального ученичества непосредственно на производстве, третьи пополняли ряды служащих, но опять же без специальной подготовки. Разумеется, заработки у таких работников были низкими. В отличие от высоких претензий и запросов. Отсюда — неудовлетворенность, поиски лучшего места, невысокое качество труда, низкая производительность. Проблемы, как видим, и экономические, и социальные, и нравственные.

В последние десятилетия в подготовке молодежи к труду произошли существенные изменения. Повысился средний возраст начала работы в народном хозяйстве. Сейчас это двадцать лет. До 17—18 лет все учатся; многие затем продолжают обучение в вузах и техникумах.

Что происходит с человеком до поступления на работу? Как готовится он к труду в той или иной отрасли?

Все мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом человек очень рано приобщался к производительному труду, причем первые его навыки он получал в семье. Хорошо помню, что когда мы, дети военных лет — я окончил сельскую семилетку в 45-м, — читали «Крестьянских детей» Некрасова, учили наизусть знаменитый отрывок о «мужичке с ноготок», то совсем не изумлялись малолетству возницы, которому «шестой миновал», — в войну ранний труд в селе был общим правилом. Одиннадцатидвадцатилетние бороили пашню на волах, четырнадцатилетние пахали на лошадях, совсем как взрослые мужики до войны. В личном подсобном хозяйстве работали и куда более младшие. А работы было невпроворот. Весь огород — а в наших местах на него выделялось 50 соток, полгектара — приходилось вскапывать и засаживать (в основном картошкой) вручную, а осенью вручную же убирать. Это был практически единственный источник пополнения продуктов питания.

Война рано оборвала детство моих сверстников и тех, кто был чуть постарше или младше. До сих пор это поколение выделяется среди соседних более низким уровнем образования; те, кто успел окончить семилетку до войны, много грамотнее.

«Человек разумный» — homo sapiens — как биологический вид создан трудом. Это мы знаем по Энгельсу. Но ведь и каждый конкретный человек формируется главным образом трудом — именно он образует фундамент личности. Понятно, что в данном случае смысл в слово «труд» вкладывается достаточно широкий. Это не только физический, но и умственный труд, не только производительный, но и учебный...

В жизни человека есть решающие, узловое, переломные моменты. Один из них приходится на возраст примерно 15 лет — границу между детством и юностью. В пятнадцать лет подростки оканчивают восьмой класс средней школы (в соответствии с проектом ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» в этом же возрасте они будут оканчивать девятый класс) и выбирают дальнейший жизненный путь. Общий поток разветвляется здесь на три главных. Часть продолжает учебу в общеобразовательной школе, другие идут в ПТУ, третьи — в техникумы. Как в сказке: «направо пойдешь...» В молодые годы многие решения можно еще пересмотреть, и даже не раз, однако за каждый зигзаг приходится «платить» — годами, здоровьем, разочарованием. Из глубокой жизненной колеи

ВЫРОС СЫН ПОМОЩНИК

Семья Борщевых живет в совхозе «Комсомольский» Половинского района Курганской области. Михаил Егорович бригадиром работает на молочном комплексе, жена его Любовь Ермолаевна — совхозный экономист. Сын... Давно ли, кажется, Толя ребенком был, а вот уже и среднюю школу окончил, права тракториста получил. И разве не радостно, что вырос сын тружеником?! Таким, как и родители. С детства пример их был у Толи перед глазами, с детства он стремился в работе не отставать от старших. Отец идет на ферму — и сын за ним увязывается, мать вскапывает огород — и сын рядом, да и в других домашних делах он первый помощник. Еще в школе Толя трактором научился управлять, в страду помощником комбайнера работал. И, конечно, мечтал о серьезном деле, о взрослой самостоятельности. А потому чуть не на следующий день после школьного выпускного вечера — заявление от Борщева-младшего в дирекцию совхоза: «Прошу принять на работу...» И какой радостью светились его глаза, когда принес он домой первую зарплату!

ВМЕСТЕ С АТТЕСТАТОМ — ПРОФЕССИЯ

Подростки, обучающиеся в Псковском межшкольном учебно-производственном комбинате, не только овладевают специальностью по своему выбору, но и выполняют вполне конкретные заказы предприятий. Девочки, которых вы видите на снимке, шьют платья по заданию псковского филиала Ленинградского швейного объединения имени Володарского. Алексей Смирнов уже неплохо овладел токарным делом. В деталях, которые изготавливают Алексей и его товарищи, заинтересован завод зубчатых колес.

Средняя школа № 239 с углубленным изучением физики и математики — одна из первых в Ленинграде, где учащимся старших классов программирование преподается как обязательный предмет. В школе оборудован вычислительный центр, оснащенный машиной «Минск-32». Практику школьники проходят в лабораториях ленинградских учебных и научно-исследовательских институтов.

В СВОБОДНОЕ ОТ УЧЕБЫ ВРЕМЯ

Для юных посетителей Московского зоопарка прокатиться в экипаже — развлечение. А для возницы — это работа. Подростки сами ухаживают за пони, сами их кормят, сами запрягают. А ведь умением таким — запрячь лошадь — могут похвастаться далеко не все и сельские ребята.

Помочь покупателю выбрать обувь по вкусу готовы Людмила Капракова и Элита Зарина, десятиклассницы 57-й средней школы города Риги. Профессии продавца они обучаются в УПК, а практику проходят в обувном магазине. В период каникул девушки работали в составе «ЛОТОСа» — латвийского отряда труда и отдыха старшеклассников.

Ребята из театрально-пластической студии «Аленушка» московского Дома культуры «Красный октябрь» давно облюбовали лесопарк близ станции Манихино для своих выездов на природу. Здесь встречают они приход зимы и лета, весны и осени, проводят репетиции и... ухаживают за лесом.

ЭКЗАМЕН ПРИНИМАЕТ ПОЛЕ

Ощущать, что твоим мальчишеским рукам послушен комбайн, видеть, как из бункера льется в кузов грузовика сверкающее на солнце зерно,— это счастье ведомо теперь и потомственному хлеборобу Сергею Бехову. Он учится в ССПТУ № 17 Оренбургской области, но уже успел прошлым летом поработать на жатве...

На сравнительно небольшом участке производственная бригада Краснооктябрьской средней школы Медведевского района Марийской АССР выращивает столько овощей, откармливает столько поросят, кроликов и кур, что этого вполне хватает для обеспечения продуктами школьной столовой в течение всего года. В общем успехе есть доля труда и десятиклассников Игоря Полякова и Игоря Балуева.

И девушки могут быть прекрасными трактористами. Это доказала Лена Соломченко, в недавнем прошлом член школьной производственной бригады в колхозе «Коммунистический маяк» Кировского района Ставропольского края. На Всероссийских соревнованиях юных пахарей она была четвертой.

ИЗ ШКОЛЬНОГО КЛАССА В ЗАВОДСКОЙ

Эти ребята — бывшие одноклассники. Прошлым летом они окончили 370-ю московскую среднюю школу и пришли на завод «Хроматрон». Впрочем, свой выбор они сделали еще раньше. Два года назад в школе был набран девятый класс, отличающийся от других тем, что специально для него была разработана программа с ориентацией школьников на профессии «Хроматрона». Теперь уже можно сказать, что эксперимент шефствующего предприятия и школы оправдал себя. Завод выбрали местом своей работы 20 из 26 выпускников. Токарь Игорь Сухоруков, монтажница Диана Измайлова и их товарищи не жалеют о том, что «пошли в рабочие».

ФОТО МАКСИМА БЛОХИНА, СЕРГЕЯ ВЕТРОВА,
БОРИСА ЗАДВИЛЯ, ЕВГЕНИЯ ЛОГВИНОВА,
ИГОРЯ МОСИНА, ВЛАДИМИРА РОЛОВА.

ПОДРОСТОК Который умеет и любит РАБОТАТЬ

Начало на 1-й стр.

Вероятно, воспоминания о собственном детстве были важной причиной «оберегания» своих детей от раннего труда. Разумеется, военную ситуацию нормой признать нельзя. Однако похоже, что в этом оберегании мое поколение зашло слишком далеко: практически до двадцати (в среднем) лет человек теперь настоящего труда не знает. Во всяком случае, в городе: в селе сохраняется личное подсобное хозяйство, требующее трудового вклада подростков. Уроки труда в школе, летние лагеря труда и отдыха, учебно-производственные комбинаты — все это очень часто далеко от настоящего, серьезного труда. Мне приходилось не раз знакомиться с официальными отчетами о летних лагерях труда и отдыха, создаваемых в селе для городских школьников. Начинаешь читать и радуешься: участников много, показатели значительные... Сделано: пропололи столько, сена сметали, ягод и овощей убрали... Но поделишь эти числа на количество человек и дней... Игра, да и только. То, что успевает старшеклассник сделать за день, нормальному работнику и на час не хватит. И невольно вспомнишь далекие годы. В 1942—1943 годах нас, одиннадцати-двенадцатилетних, мобилизовали (как тогда было принято говорить) на две недели для сбора ягод в совхозе. Помню, что норма на малине составляла 12 килограммов в день. С этой нормой, как правило, справлялись, а если ягоды было много, то собирали и по 18 килограммов, то есть выполняли норму взрослого рабочего...

Но ведь если труд нынешнего школьника малопродуктивен, то это наверняка означает, что он плохо организован. Может ли такой труд формировать профессиональные навыки, воспитывать человека? Весьма сомнительно. Скорее всего воспитательное его значение будет отрицательным. Воспитывает только напряженный, интересный, хорошо организованный, дающий положительные эмоции труд.

Однажды мне пришлось изучать занятость старшеклассников в двух больших курортных городах — Сочи и Юрмале — во время летних каникул. Вопрос этот заинтересовал меня в связи со специфическими трудностями воспитания подростков в курортном городе. Это ведь не так просто — жить «среди вечного бала».

В обоих этих городах сильно выражен летний пик потребности в трудовых кадрах, связанный с наплывом отдыхающих. Поэтому я заранее был настроен на то, что значительная часть пятнадцатилетних подростков летом работает, благо в курортном городе много вполне доступных подростку дел. Что же оказалось на самом деле?

В Юрмале работало не только множество пятнадцатилетних, но и многие четырнадцатилетние подростки, не говоря уж о шестнадцатилетних юношах и девушках. Продавали мороженое на пляжах, работали в горзеленхозе, собирали тарелки в кафе и столовых и т. д. И у меня сложилось впечатление, что сами подростки работали с большой охотой, что родители своими детьми очень довольны, что отделы кадров в ребячьей помощи крайне заинтересованы. «Да нам бы еще столько школьников», — говорил мне один из руководителей города, — мы бы отказались от сезонных услуг иногородних торго-

кулинарных училищ, происшествий было бы меньше, да и работают наши лучше».

Замечу, кстати, что у юрмальских школьников были вполне приличные заработки, а у некоторых (например, на сдельной продаже мороженого) просто высокие. И никто, сколько мне помнится, не боялся, что это школьника развратит. А ведь в лагерях труда и отдыха заработок подростку, как правило, не выдается (во всяком случае, так было везде, где я этим интересовался): вдруг оно, дитя малое, не так его использует? «А если он портвейна купит?!» — в замешательстве спрашивали меня ответственные товарищи. — Да напьется? Что на это ответить? Все возможно. Но может, не стоит гадать на кофейной гуще, а изучить вопрос оплаты труда школьников серьезно. Не так уж он сложен — «не бремя Ньютона», как говорил один известный литературный герой. Думаю, что с воспитательной точки зрения все-таки лучше платить зарплату работающему старшекласснику — это важно для его нравственного, социального взросления. Ах, с какой затеанной гордостью и показной небрежностью покупали в той же Юрмале билеты на танцплощадку себе и своим подружкам мальчишки, получившие деньги за свой труд, с каким достоинством приглашали одноклассниц в кафе!

А в Сочи было «все наоборот». Среди работающих не только пятнадцатилетних, но и шестнадцатилетних — то почти не было. Родителям казалось, что «мальчик устал за зиму, надо ему лучше отдохнуть», да и сами подростки не рвались поработать, а в отделах кадров предприятий и организаций, где их могли бы взять на временную работу, в меня обычно «выстреливали» вопросом: «А зачем нам с ними возиться?!» Нам-де надо, чтобы по восемь часов в день работали, а им сокращенный день обеспечивать. Материально-ответственными они не могут быть — разве можно на них положиться? Да и трудовое законодательство запрещает-де работу несовершеннолетних.

Позже я специально взял соответствующие кодексы РСФСР и Латвийской ССР. Статьи о работе несовершеннолетних были сформулированы практически одинаково: пятнадцатилетних можно принимать на работу с разрешения местных профсоюзных органов; в отдельных случаях это возможно и для четырнадцатилетних.

В Юрмале эти статьи понимались как **разрешение** работать всем, в Сочи — как **запрет**.

Трудолюбие всегда было обязательной, непрменной чертой традиционной системы ценностей. Помните, у Некрасова о деревенской русской женщине: «по будням не любит безделья»? Да я и сам хорошо помню поколение моих девчонок, которое праздным и предвстать невозможно; человек просто чувствовал себя крайне неловко, если не работал. Труд сам по себе был ценностью. Именно в отношении к труду в последнее время происходят изменения. Недавно мне пришлось участвовать в международной конференции, обсуждавшей отношение молодежи к труду; оказывается, ценностное восприятие труда снижается.

Думаю, это не те изменения, которыми можно гордиться. Этим негативным

тенденциям надо противопоставить целенаправленное воспитание трудолюбия, в котором школа должна играть одну из главных ролей.

Ведь одна из главных задач общеобразовательной школы — подготовка своих питомцев к сознательному и правильному выбору профессии. До сих пор примерно половина школьников выбирает профессию после 8-го класса, в пятнадцать лет. Этот вопрос встает перед всеми, кто идет в ПТУ и средние специальные учебные заведения.

В обязанности школы входит, по определению академика Академии пед. наук С. Я. Батышева, «профессиональная ориентация — целенаправленная деятельность, связанная с формированием у подрастающего поколения профессиональных интересов и склонностей в соответствии с личными способностями, потребностями общества и пригодностью к той или иной профессии...».

Дело это, понятно, непростое. Специалистами по профессиональной ориентации школа не располагает. Эту работу должны вести учителя-предметники и классные руководители. Для успешной ориентации нужно знать, с одной стороны, мир профессий, с другой — самих школьников. Мир профессий учителя знают мало. Не говоря уж о сотнях и тысячах профессий и специальностей, обычно учитель имеет весьма смутное представление и о самых массовых профессиях — о том, что эти профессии собой представляют, каких качеств и навыков требуют. А знают ли учителя самих школьников — с тех сторон, которые важны с точки зрения выбора профессии? Обратимся к мнению специалиста. «Школа, учитель не располагают отлаженными методиками, посредством которых можно было бы если не безошибочно, то с большой долей вероятности выявить способности и склонности школьников к рабочим профессиям», — пишется в только что выпущенной книге «Школьники выбирают рабочие профессии».

Добавлю, что то же самое можно сказать и о других профессиях.

Приведем еще одну цитату из той же работы: «Выводы о способностях и склонностях учащихся требуют от педагогов соответствующих знаний. Обладают ли ими современные учителя, классный руководитель? В большинстве случаев — нет». Поэтому «советы учителей и классных руководителей не имеют для школьников сколько-нибудь существенного значения».

Добавлю, что современная общеобразовательная школа неудовлетворительно выполняет и задачу **социальной ориентации**, то есть выработки у учащихся определенного, нужного обществу отношения к главным социальным ценностям, в том числе к труду вообще, труду физическому и умственному, определенному социальному положению, жизни в городе и селе и т. д. А ведь социальная ориентация — фундамент ориентации профессиональной. Если, допустим, сельская школьница твердо решила, что жить она будет обязательно в городе, а работа у нее должна быть «чистой» и легкой, то усилия школы ориентировать ее на профессию, скажем, доярки едва ли будут успешными. Заметим, что социальные ориентации школьников складываются обычно много раньше, чем профессиональные. Между тем в деле социальной ориентации школу никто заменить не может, в то время как в профессиональной ориентации «возможны варианты» — ею могли бы заниматься и подразделения Государственного комитета по труду и социальным вопросам и другие организации.

Можно, конечно, возразить, что школа ведет работу по профессиональной ориентации не в одиночку, а вместе с ПТУ, отделами кадров предприятий, строем и учреждениями. Формально это так. А на деле? Участникам семинара «Совместная работа школы, ПТУ и предприятия по ориентации учащихся на рабочие профессии» был задан вопрос:

«В чем вы видите смысл профориентационной работы?» Буквально все кадрики дали ответ — «набрать рабочих», а 98 процентов работников ПТУ — «укомплектовать училище». Это ведомственный, чрезвычайно узкий, прагматический подход, весьма далекий от настоящих задач действительной профессиональной ориентации.

Как видим, настоящей системы профессиональной ориентации в стране пока нет. Подавляющее большинство молодых людей выбирают профессии вслепую, не зная ни самих профессий, ни потребностей общества, ни своих возможностей. И никто в этом пятнадцатилетнем человеку помочь очень часто не может: ни школа, ни ПТУ, ни завод, ни семья. Отсюда, естественно, множество ошибок и неизбежных впоследствии переделов, связанных с большими экономическими и социальными издержками. Как справедливо сказано в проекте ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», «система трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся призвана подвести их ко времени окончания неполной средней школы к обдуманному выбору профессии и соответствующего учебного заведения для продолжения образования».

Коренным образом изменить положение можно только путем создания государственной службы профессиональной ориентации. Для этого нужны специально подготовленные кадры.

Специфические трудности выбора профессии пятнадцатилетним связаны с тем, что к этому возрасту у человека еще слишком мал житейский опыт, что он еще смутно знает мир и себя, с тем, что он еще не сформировался социально. Поэтому, помимо усилий школы, нужны дополнительные формы работы с детьми и молодежью, способствующие накоплению жизненного опыта. «Наши дети, как правило, учатся в одном коллективе с первого по десятый класс... Уже одно это резко ограничивает рамки приобретения социального опыта. Может быть, это и есть одна из причин некоторой инфантильности нашей молодежи?» Это я процитировал членкорреспондента АН СССР В. М. Титова, члена совета по проблемам образования Сибирского отделения АН СССР.

Именно Сибирское отделение Академии наук СССР, руководящие работники которого проявили высокую гражданскую заинтересованность в состоянии образования и вообще подготовки молодежи к трудовой жизни, накопило определенный, на мой взгляд, весьма ценный опыт внешкольного воспитания.

Двадцать лет назад при Новосибирском академгородке по инициативе первого председателя Президиума СО АН СССР Михаила Алексеевича Лаврентьева был открыт КЮТ — клуб юных техников. Расположен он в специальном лабораторном корпусе, где в шестидесяти самых разнообразных кружках (механиков-конструкторов, физиков-радиоэлектронщиков, астрономов, авиа-, авто-, судомоделистов и т. д.) занимается более 700 школьников первых — десятых классов.

КЮТ финансируется СО АН СССР и его профкомом (это очень важный пункт!).

Ребята занимаются здесь тем, что их привлекает, тем, в чем полнее всего раскрываются их способности. Занятиями руководят специалисты.

Очень многие школьники добились в КЮТе выдающихся технических и научных успехов, многие из них именно здесь определили свой жизненный путь, выбирая профессию, как правило, с полным знанием дела. Одни бывшие кютовцы стали техниками, другие — инженерами, третьи — научными работниками, четвертые — рабочими. Продолжили дело, начатое в КЮТе, около 80 процентов его выпускников. Показатель потрясающий.

Постановлением ВЦСПС клуб юных техников СО АН СССР стал методическим центром по детскому техническому творчеству в Сибири и на Дальнем Востоке. Но... «применять рекомендации КЮТа СО АН СССР, использовать его богатейший опыт могут немногие: из 1500 клубов (страны.—В. П.) лишь около десяти по материальной базе могут сравниться с ним» (журнал «ЭКО» № 10, 1983 г., стр. 116).

Как могут и должны строиться отношения общеобразовательных школ и клубов юных техников? Чем могут КЮТы помочь школе?

Вот что думает по этому поводу весьма компетентный человек — В. В. Магро, более 15 лет работавший зав. роно Советского района Новосибирска, где расположен КЮТ:

«Сегодня школа неспособна решать задачи развития технического творчества детей. Для этого там нет ни материальной базы, ни подготовленных кадров... По этим причинам слабо решаются задачи политехнизации обучения, профориентации и вообще трудового обучения... КЮТ СО АН СССР способен взять на себя задачи, которые школе не по плечу... Целесообразно создать в Академгородке учебно-производственный комбинат и объединить его с КЮТом. Именно такой союз позволил бы решать задачи трудового воспитания школьников... Пора переходить к укреплению всей системы клубов юных техников в стране. Это не доведет к школе... это новая организационная форма, за которой большое будущее».

В стране есть, несомненно, много других примеров успешного решения сложных и острых проблем подготовки детей, подростков, юношей и девушек к будущей трудовой жизни: этот опыт, видимо, будет достаточно полно учтен при подготовке и проведении реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

Но дело не только в целенаправленном воздействии на подростков «сверху», не только в школе и клубах. Возможно, не меньшую роль в трудовом воспитании, в подготовке молодежи к будущему профессиональному труду в народном хозяйстве сыграло бы разрешение подросткам работать — и не только в каникулы, а также создание необходимых для этого условий.

Напомню, что у нас есть давние традиции работы учащихся. Знакомая с биографиями выдающихся деятелей прошлого (ученых, инженеров, писателей), сплошь и рядом узнаешь, что в свои гимназические годы они занимались репетиторством (трудом, кстати, сложным)

Почему бы, скажем, четырнадцатипятинадцатилетним городским подросткам (а может быть, и меньшим) не разносить почту и телеграммы... не доставлять продукты и лекарства на дом, не убирать лестничные клетки и дворы и т. д.? Занятий можно придумать много. В жизни города и его систем есть резко выраженные часы пик. Почему бы подросткам не потрудиться именно в эти часы — глядишь, и очереди поменьшились бы и перегрузки семейных женщин поубавились бы. Да и деньги были бы нелишни — самому подростку и его семье. А главное — труд благотворно сказался бы на личности готовящегося выйти в большую взрослую жизнь человека.

Не меньшие возможности занять подростка делом есть и в селе. Впрочем, сельские подростки и заняты больше. И, наверное, это главная причина большей социальной зрелости сельской молодежи по сравнению с городскими сверстниками и большей ее стойкости во всех отношениях. Так, бывшие сельчане — лучшие работники на заводских конвейерах (горожане часто такой работы не выдерживают). Нередко бывает, что сравнительно плохо подготовленный сельский школьник, попавший в вуз только благодаря «льготам», быстро нагоняет студентов-горожан, а затем оставляет их позади. Привычка к труду,

приобретенная в труде психическая устойчивость ему помогают.

Сейчас условия для труда подростков в народном хозяйстве складываются благоприятно еще и потому, что страна испытывает острый недостаток в трудовых ресурсах. В десятой пятилетке население страны в «рабочем» возрасте — от 20 до 60 лет — увеличилось на 13,8 миллиона человек, в нынешней пятилетке возрастет на 7,7 миллиона, а в двенадцатой уменьшится на один миллион человек, то есть граждан этого возраста в 1990 году будет на миллион человек меньше, чем в 1986 году. Да и до конца нынешнего столетия значительного прироста трудовых ресурсов ожидать не стоит.

С этой точки зрения важен даже не столько трудовой вклад подростков (хотя важен и он), сколько выработка у подрастающего поколения определенных качеств, которые позволят потом молодым работникам быстрее и лучше адаптироваться к условиям производства, к трудовым коллективам, быстрее получить высокую профессиональную подготовку и добиться высокой производительности труда. Ну, а трудовые успехи должны положительно сказаться на всех других сторонах жизни молодежи.

Практические меры, необходимые для решительного улучшения трудового воспитания, изложены в проекте ЦК КПСС о реформе школы. Думаю, что некоторые пункты этого документа будут существенно усовершенствованы в ходе всенародного его обсуждения. Вы скажу здесь лишь некоторые соображения по организации службы профориентации.

В проекте намечено предусмотреть изучение студентами педагогических учебных заведений основ современного производства и методов профессиональной ориентации школьников. Это, конечно, хорошо. Однако такая общая подготовка не создаст еще **специалиста по профориентации**. Нужен, на мой взгляд, **профессионал** профессиональной ориентации, имеющий специальное образование в этой области. И если профориентацией школьников по-прежнему обязана заниматься школа, то такой специалист должен быть введен в ее педагогический штат. Эти специалисты должны быть и в «центрах профориентации для организации работы со школьниками, учащимися и родителями», которые намечается «создать в порядке опыта в ряде городских и сельских районов». Без специалистов трудно ждать хороших результатов и от деятельности «межведомственных советов, городских и районных комиссий по профориентации молодежи», которые должны, как сказано в проекте, активизировать свою деятельность.

Но одной активностью без серьезного знания дела мало, чтобы изменить нынешнее положение. — накопленный опыт якобы ориентационной работы свидетельствует об этом убедительнее всего. Поэтому следует, на мой взгляд, в будущий закон о реформе школы внести пункт о массовой подготовке **специалистов по профессиональной ориентации** и о направлении их во все другие организации, причастные к этим вопросам. Дать же необходимые знания попутно, в нагрузку к основной специальности вряд ли возможно. Дело слишком важно, чтобы именно в этом пункте экономить, без него — не будем себя обманывать! — особого положительного эффекта ждать не приходится. Дополнительные затраты окупятся многократно.

Как сказано в проекте ЦК КПСС, «реформа школы, намечаемая в соответствии с программными установками июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, имеет своей целью поднять ее работу на новый качественный уровень, соответствующий условиям и потребностям общества развитого социализма. Это дело большой важности, затрагивающее интересы каждой семьи, всего советского народа».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1362) ФЕВРАЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА.

Наша обложка:
программа
полетов
на сегодня
окончена.

- 1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС О ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЕ. Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ПОДРОСТОК, КОТОРЫЙ УМЕЕТ И ЛЮБИТ РАБОТАТЬ».
- 8 Сергей БАРДИН. «ПРИНИМАЮЩЕМУ МЯЧ». Рассказ.
- 10 ДОВЕРИЕ НАРОДА. Владимир АНИСИМОВ. «ОБЯЗАНА МНОГИМ...»
- 12 СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ! «ПОЛИГОН». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 НАВСТРЕЧУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ. Владимир СТАРШОВ. Стихи.
- 18 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ: «КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?» «СЕБЕ В УБЫТОК».
- 20 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ». Евгений ОСЕТРОВ — Владимир ЛАЗАРЕВ. «ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?»
- 23 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24 К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА. Письма, воспоминания современников, документы.
- 27 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 28 Повесть Олега ШМЕЛЕВА «СКАТЕРТЬ НА ТРАВЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

ПРИНИМАЮЩЕ

Сергей БАРДИН

РАССКАЗ

так, Шармах движется слева к штрафной площадке, а Лято мечется где-то гораздо правее, защитники обложили его, как зверя, он припадает на правую ногу, рывок — попытка — и снова неудача: обвести себя они не дают. Это полсекунды. Шармах слегка растерян, он резко отходит назад влево и как бы снова начинает свой же рывок в штрафную без мяча. А Лято перебросил мячик через высокого перуанца, сам подался туда же, к мячу, и подхватил его на ногу. Четверть секунды. И он медлит. Он замедляет время в штрафной, и защитники, подчиняясь этому тормозящему ритму переброски мяча, вцепившись в Лято, вцепившись взглядами, нервами, как загниотизированные, медленно качаясь, замедляют себя тоже. Все замедляется... Опять полсекунды. Шармах же клонится во вратарскую (здесь полно игроков защиты), клонится левым плечом, выбросив в стороны руки для равновесия, — он живет быстрее защитников, сейчас в два, в три раза быстрее, потому что их тормозит Лято. И мячик с ноги начинает делать свою плавную дугу вдоль ворот; а Шармах упирается левой стопой в грунт, распрямляет длинные мышцы бедра, и руки уходят назад, увеличивая скорость; вот его голова соприкасается с мячом почти в полуметре от земли, мяч взмывает, Шармах продолжает горизонтальный полет. И снова, теперь где-то впереди, вратарь ученически повторяет его летательное движение, руки впереди тела летят к мячу, но не встречаются с ним, и мяч тихо, как цветок в реке, впадает в ворота, вратарь пропльывает следом, на секунду закрыв его. А Шармах уже на ногах, ястребино зафиксировал он момент влета мяча и уже развернулся, округлил глаза, надул губы, усы висят в самоизумлении — руки разведены. Ну!

Что тут можно сказать? Повтор. В пять примерно раз медленнее. Но уже без Лято. Проворонили операторы его медленное гипнотическое топтание.

Теперь, значит, только Шармах. Так и вижу: два миллиарда привставших у своих телевизоров, дыхание сбито, а миг этот не забудется уже никогда!

Значит, Шармах. Опять левая длинно распрямляется в медленном своем движении, и голова нежно трогает мяч, и мяч в благодарность впадает, впадает, впадает под сень ворот, и наперерез ему долго течет слева направо тень, слишком длинная для человеческого тела. А потом Шармах — крупно, хорошо видимый! — разводит и разводит в стороны бесконечно свои кисти со сложными пальцами (большой палец отставлен), поднимает плечи, как бы оглядывая со стороны безукоризненность, совершенство ситуации и себя, и обалдевает: лучше сделать этого нельзя. И он разводит руками. Ну-у!

Проснулся от стука в дверь, потом долго соображал, поднимался, бежал к телефону, потом поговорил с Сабуровым и ничего не понял. Потом сразу пришло знание происходящего, сразу вернулись ему картинки последних дней. И он пошел умыть лицо и звонить.

Петровича, конечно, уже не было, и он немного поговорил с теткой Аней, она его помнила, даже заплакала, кажется. Она всегда моментально переходила от слез к смеху, и поэтому никто к ее слезам не относился с испугом. Наоборот, если тетка Аня плакала, то это было хорошим признаком. Ребята говорили, мол, она своим ревом приносит удачу.

Когда Егора привезли тогда, тетка Аня была где-то в турпоездке по городам Золотого кольца, жалеть было некому, и Егор сразу почувствовал это и сказал себе: со спортом все. И не ошибся.

Петровича не было. Он ушел к себе на стадион в шесть утра. Так он делал каждый день, чтобы спастись от домашних, купить и перечитать все газеты от доски до доски. Довоенные привычки заставляли Петровича, а потом фронтовые: он уважал газеты, приходил за час до работы и наслаждался знаниями, которые ему давала пресса. Потом он уйдет на тренировку.

Егор знал это и не стал спешить. Он спокойно позавтракал в городе, там, на Невском, где булочки в вазах стояли прямо на столах, так что он успел их съесть три штуки до прихода официантки, до личницы, кефира и помидорного салата. Потом он долго спорил с официанткой и хотел заплатить за пять булок, и она растаяла, стала смеяться. В кафе было пусто, полутемно и холодно, плотные шторы закрывали свет улицы.

«Смотри, вон, — сказала официантка подружке, толстой Варе, которая обслуживала Егора позавчера. — Твой-то побрился, сухой, правда, глист табачный, но красивый, зараза». Егор помахал им правой рукой, кольцо обручальное толсто блеснуло на безымянном пальце.

«Ладно. Не могу без дури, а дело стоит». Но чувства вины не было. Деловой человек, он сам распределял время. Он допил кофе и пошел к машине.

Он ехал медленно, как бы туристским ходом, оглядывая Невский, потом поехал на Дворцовый мост, проскочил Васильевский остров. Набережная, Тучков мост. Уже над ним торчали сутулые опоры стадионной подсветки с сотнями слепых прожекторов. Он отыскал, где бы приткнуться, поставил машину и пошел внутрь.

Дежурная сидела справа от входа и смотрела переносной телевизор. Он облокотился на стойку и сразу принял такую позу, словно провел здесь около дежурной и ее телевизора сто лет. Посмотрел мультяш.

— Приехал Петрович-то? — спросил Егор, не отрываясь от экрана.

— Какой такой Петрович?

— Ну Корчмарев! Сказал: буду.

— В третьем зале, — сказала дежурная.

Он покрутил ключи, досмотрел, как котенок ловит бабочку, сидевшую на его хвосте, потом вздохнул и лениво отправился наверх. Видел бы это Сабуров, сказал бы, что надо было вызвать тренера. Рациональный человек! Нельзя было Егору вызвать Петровича, потому что ученик из учителю всегда остается в подчиненном положении. А насчет того, что, повзрослев, дети становятся значительнее родителей, это бредня и есть. Да и разговор серьезный. Сам-то товарищ Сабуров не поехал, Егора послал.

Он пошел по мягким палатам, которыми были теперь устланы коридоры. В тупиках стояли импортные машинки «Тенант», похожие на маленькие трактора. Высокий парень на вопрос Егора только махнул рукой вдоль коридора и побежал, прыгая через ступеньки: опаздывал на тренировку.

Егор почувствовал привычное возбуждение, как в те годы, когда Петрович орал, что будет выбрасывать из сборной «козлов, которые не могут вовремя приходиться на тренировки». Петрович был мягчайший человек, тишайший в доме и в отношениях с людьми. Но превращался в зверя на тренировках и крыл без разбору.

Егор вошел в зал тихо, потому что не хотел услышать громовое: «Закрой дверь и проваливай!» Петрович был сильно близорук, он очков не носил — стеснялся. Особенно перед ними. Потому что они были его первой любовью — его первый большой набор. Много соли съели они вместе, ребята даже подарили ему на день рождения рюкзак, и в нем шестнадцать пачек соли — пуд. Петрович хохотал и плакал — такой это был человек. Соль отправил на деревню родне, которой у него под Дмитровом водилось великое множество.

Залы были теперь иные, что и говорить. Опять у входа увидел он малый уборочный трактор, большие сетчатые стаканы на колесах, набитые апельсины, словно огромные апельсины, баскетбольными мячами. Прозрачные пластиковые пилты были навешаны по всем стенам. Окна защищены веревочным плетением, похожим на рыболовные сети. Высоко по бокам поднимались панели из темного дерева.

Егор подумал, что если бы тогда, в шестьдесят четвертом, они увидели такой зал, то решили бы, что попали на «Каллисто». Этим тогда зачитывались все — фантастическими романами. В них говорилось про большие и светлые города, где дома и стадионы возвышались в густой зелени и было очень малолюдно.

Пол в зале был зеленый, расчерченный белыми и желтыми лентами пластика. Сквозь высокие проемы окон, через отворенные рамы ветер и свет широко проникали в помещение; сквозняк ерошил волосы девчонок, которые быстро и плавно перемещались по корту.

Сразу же Егор определил, что тренируются мастера, по тому, как мерно и лениво, стараясь не сбить себя с правильного ритма, поднимали они мячи, как ровно, все увеличивая шаг обводки, посылали их через сетку. Девчонки были одинаково одеты в адидасовские безрукавки и белые юбочки. У той, что играла ближе к Егору, волосы сзади были схвачены красной визаной ленточкой. Она на секунду обернула горячее лицо, дернула головой, и Егор моментально вспомнил, что раньше, в пору их юности, такие завитые пряди волос на висках назывались «завлекалки».

— Привет, — сказал он.

— Иди сюда, не мешай ей! — крикнул Петрович из дальнего угла.

Да, среди всего этого спортивного великолепия сидел тот же затрапезно одетый в физкультурном его старый тренер И. П. Корчмарев. Заслуженный мастер, заслуженный тренер, заслуженный деятель, кавалер орденов, автор учебников, наставник и прочая и прочая.

— Ну, здравствуй! — закричал он радостно и обцеловал Егора. — Как ты постарел! Сухой, седины нет, на щеках морщины. Девки мрут, наверное, как мухи.

Он уже отвернулся от Егора и кричал в зал:

— Что? Что такое? Надоело играть? Убирайтесь. Нет? Тогда еще раз и мягко-премягко...

Егор почувствовал, что он дома. Будто и пятнадцать лет не прошло, вышел на минутку и вернулся. И вот дома. Но как тут вести себя и как начать разговор, он не знал. Врать Петровичу он не мог, потому, может быть, что Петрович сам никого из них не обманул ни разу.

— Видал? — сказал шепотом Петрович, подсев рядом и положив ему руку на плечо. — Видал, какая? Мартынова.

Он говорил о той девчонке с ленточкой. Но Егор и сам понял все сразу. Он уже видел, что зал здесь с мягким пластиковым покрытием — не теннисный. Мяч здесь летит стремительно и низко, скользит в отскоке, создавая непередаваемое сочетание низкого травяного и быстрого бетонного корта. Это требовало от игроков максимального напряжения. Егор усмехнулся: он понял, почему Петрович тренирует девчонок в этом зале, а не на улице. «Динамо — это сила в движении».

Егор смотрел на тренера, а тот на девушку. Старик тоже очень постарел и сморщился лицом, стал похож на блондинистую обезьянку. На девчонку Егор не смотрел. Сабуров сказал: «Ты мне купи е!» Черт гнутый, он думает, что тут ему Америка! Сам не поехал за грязным делом — Егора послал. «А может, это и есть разрешение его жизненной задачи — эта маленькая теннисистка? — думал Егор. — Разрешение твоей собственной задачи, оправдание неудавшейся жизни! Выход из тупика, свет в конце долгой ночи... За чей счет, интересно?»

— Петрович, надо поговорить, — сказал он старую, привычную для старика формулу. Тот глянул на Егора с благодарностью:

— Пошли ко мне.

Они пересекли зал, а девчонки терпеливо и вежливо ждали, пока они пройдут. Петрович ворчал, что нехорошо, идет человек в обуви по залу, портит покрытие, мол... Егор внимания не обратил.

В тренерской конуре он спросил:

— Можно закурить?

— Еще чего! — прошипел Петрович с яростным свистом. Егор отодвинулся от него и подумал, что нет, ни черта он не постарел. И еще подумал, что правильно сделал, что пришел. Старик разберется.

Еще несколько секунд он думал, что говорить старику, а про что молчать. Он думал ровно столько, сколько потребовалось для начала. И потом подробно и обстоятельно рассказал ему, что хочет набрать здешних ребят.

Старик сразу спросил:

— Хочешь найти готовенькое?

Егор подумал, что ведь это Корчмарев приохотил его к быстрым решениям на корте, научил создавать точную аналитическую геометрию движения на плоскости корта. А уж потом были и два курса математического факультета, поездка, армия и нынешняя профессия неудавшегося спортсмена Егора Фролова.

— Да, — сказал он. На корте привычно шлепали мячи о ракетки.

— Ты всегда был такой, — сказал старик.

— Какой? — спросил Егор.

— Везучий в мелочах. А в главном тебе всегда не везло.

Он вынул из кармана и закричал:

МУ МЯЧ

— Кончаем, девы. Машка, зайди!
И она пришла. «Ну как сказать, на что она похожа, на лань, что ли?—думал Егор.— В жизни не видел ланей, даже в зоопарке». Девушка стояла и держала за спиной ракетку. Она вся состояла как бы из плавных углов. Брови она вздернула высоко и улыбалась надменно. Одна нога ее была слегка согнута, она постукивала носком туфли об пол.

— Машка, это Фролов,— сказал старик. Егор хотел встать. Он смутился: старик так никогда никого не представлял, он люто ненавидел церемонии.

— Да?— сказала она и покраснела. Потом справилась и подала ему прямую руку.— Маша.

— Тот самый Фролов. Поняла?

Она кивнула. «Хорошо, когда есть место, где ничего не надо объяснять»,— думал Егор.

— Так, ты теперь иди переодевайся, потом придешь. Надо будет тебе поговорить с ним, ступай, ладно?

Она повернулась и ушла. Дверь, выходящая в зал, была заполнена светом: от зеленого пола солнце отражалось дымными бликами. Ее силуэт еще долго висел в воздухе. И слышались шаги: она шла по залу.

— Значит, ты думаешь, что сумеешь. Что ж, бог в помощь, вам теперь и карты в руки. Как же мы намучились с этим, помнишь? А теперь— олимпийский вид! Теперь все по-другому пойдет. Я понимаю. А у тебя последний шанс. Ты не женат? Развелся?..

Петрович посмотрел на Егора.

— Кончил ты заочно, это хорошо. Тренер теперь. А что ты умеешь? Ты и сам не знаешь. Как Сабуров твой, что ли...

— Я твою школу кончил,— сказал Егор.

Старик посмотрел на него серьезно и внимательно.

— Это было давно,— сказал он.— Это было очень давно. Хорошо. Я тебе дам сейчас записку к человеку, который у нас этим занимается. Проскураков. Ты с Машкой поезжай туда, это ей по дороге к дому, покажет.

— Я на машине,— сказал Егор.

Старик кивнул. Он водрузил уже на нос железные очки и писал на вырванном из журнала листке записку своим огромным и кривым почерком. Привычки его с годами не изменились. Егор подумал, что если завтра сделают какие-нибудь суперэлектронные залы с хрустальными полами, то в них будет по-прежнему приходить старик в довоенных шароварах и орать на пацанов и девчонок. И это будет хорошо.

— А с Машкой-то понял?— спросил старик ревниво.

— Понял, понял.

— Какой у нее удар-то плоский, а? Заметил... Твой. Второй раз в жизни вижу, господи! Эту бы хоть сбережь.

— Петрович!— сказал он.

Старик уже подталкивал его к дверям зала. Он пошел по мягким синтетическим покрытиям коридора.

— Эй!

Егор остановился, оглянулся.

— Дело ты затеял не очень-то... Сабуров твой. Ладно. Ты там на машине Машку вези осторожнее. Не нарвись, понял? Головой мне ответишь за нее. Вот так.

Егор кивнул и пошел к лестнице.

И уже у машины, подходя к асфальтовой площадке, вспомнил. Точно так было. Он уезжал в стройбригаде, на шашку. Мать лежала после операции дома. Они с братом решили сделать дачный участок. Брат подался на заработки в Кемерово, а он, Егор, в Хакасии— за длинным рубльником. Петрович не хотел его отпускать. И тоже тогда сказал: «Не нарвись, ты мне за себя головой отвечаешь».

Теперь это неважно.

Егор подошел к машине, открыл дверь с надписью «спортивная». И поднял глаза. Маша стояла около него и улыбалась вежливо. И ему даже нехорошо сделалось. Сердце стеснилось...

Волосы ее прямо падали на плечи, вокруг головы шла одна косичка, на индийский манер. На ней было короткое голубое платье, как бы один кусок легкого шелка обнимал ее. Белье гольфы и легкие босоножки были на ней, в них она была выше его. Но еще она успела чуть подмазаться: ослепительно яркие глаза, темный рот.

Он отвернулся и сказал:

— Куда едем? Садись.

— Ты что, действительно тот самый Фролов?— спросила она и не двинулась с места.

Ну о чем с ней можно было говорить? Ведь она еще не знает, что значит настоящий проигрыш. Вспоминать историю своей героической спортивной молодости Егору не хотелось, и он молчал. Сказать, что у нее коленки такие, каких он в жизни не видел никогда?

Она кинула сумочку на заднее сиденье, а сама решительно открыла переднюю дверцу и села с ним рядом. Потом повернулась:

— Ну, рассказывай же, как все было.

Он понимал, что ей хотелось знать. Старик им уши прожужжал об этой истории, но ничего конкретного не рассказывал, конечно. И ей знать об этом ничего не следовало. Петрович отпустил его тогда. Сам отпустил! Потому что считал: спорта нет самого по себе и никакого другого дела нет самого по себе. Человеку нужно быть человеком, а дело он себе найдет— вот так. Это была воспитательная работа, и она провалилась, раз Егор сидит сейчас с этой девочкой, которая ничего о себе не знает и не знает себе цены, и раз он собирается предложить ей бросить старика и начать тренироваться у Сабурова. Это будет не провал старика— это будет конец: господь-бог тренер создал Адама и Еву, и они бросили его.

— О чем ты?— спросила она.

— Так. Ну и что рассказать?

— О тебе,— сказала она.— Я хочу все знать.

— Зачем?— Они выехали со стоянки. Она покусывала кончики крепких и длинных пальцев.— Не грызи ногти, это дурная привычка.

Она не откликнулась и не отреагировала никак. Казалось, на одну минуту она вообще забыла о нем. Потом очень по-детски тяжело вздохнула.

Рисунок
Игоря СУСЛОВА

ОБЯЗАНА

**С кандидатом в депутаты
Верховного Совета СССР
комсомолкой
Аллой ШЕЛУДЯКОВОЙ
беседует специальный
корреспондент «Смены»
Владимир АНИСИМОВ**

В пятнадцатом цехе ленинградского объединения электронного приборостроения «Светлана» со бытие: бригадир комсомольско-молодежной бригады по сварке полупроводниковых приборов и микросхем Алла Шелудякова выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Кандидату в высший законодательный орган страны всего двадцать четыре года. Комсомолка. Ранее в Советы не избиралась. ...Странная у нас получается беседа с Аллой Шелудяковой, странная, потому что обстановка необычная. Думал, выкрикнем, как обычно бывает, свободное время во время смены или после нее.

— А вы садитесь рядом, — просто предлагает Алла, — будем работать и говорить. Для начала Алла объясняет, чем занимается сейчас. Показывает кристалл — кремниевый плоский квадратик площадью примерно в миллиметр. Гладкая блестящая поверхность — ничего больше. Но Алла на минуту уступает место у микроскопа, и я вижу в ярком свете причудливый лабиринт дорожек: это нанесенная на кристалл микросхема. Надо мгновенно рассмотреть все дорожки микросхемы, отсортировать годные кристаллы. Эта операция так и называется — сортировка.

— Не слишком утомительно, Алла?
— А мы с Зиной меняемся местами.
— Все же однообразно...
— Так ведь у нас бригада комплексная, — отвечает Шелудякова. — Можно перейти на другую операцию — сварку ультразвуком.

Алла обязана по плану сдать за смену три тысячи кристаллов; бригада хозрасчетная, наряд на всех единый, поэтому о каких-либо «перекурах» не может быть и речи. И беседем мы так: Алла привника к окулярам микроскопа, я примостился рядом с блоком на колене. Обстановка для разговоров не самая удобная, но Алла, замечая постепенно, без труда справляется с двумя задачами сразу.

Вначале с некоторым чувством неловкости пытаюсь извиниться: дескать, пришел вам мешать работать...
— Вы ведь тоже работаете, — прерывает меня Алла. Она немногословна, но доброжелательна, суть своей работы разъясняет терпеливо, если не очень понимаю — повторяет без раздражения. Чувствую, она просто уважает работу постороннего человека. И ощущение неловкости уходит. Поколебавшись, рассказываю все-таки о том, что слышал:

— Алла, когда вас и вашу бригаду сегодня фотографировали, одна пожилая женщина с удивлением сказала: «Почему выдвигают Шелудякову? У нас много людей не хуже ее».

Алла на секунду отрывается от микроскопа, и я вижу ее спокойные глаза.
— А ведь она права. Я действительно ничего такого особенного не совершила. Если по работе — так многие поопытнее меня. Что сказать? Комсомол всегда привлекали к работе в Советах, учили управлять делами общества. Теперь придется учиться и мне...

Жизненный путь Аллы, судя по анкете, простой: школа — ПТУ — завод. Такая пря-

мая, короткая и ясная линия. Без проблем, без трудностей?

— Все корреспонденты спрашивают о проблемах и трудностях, — улыбается Алла, — и все удивляются, что их нет.

— Что вас привело в ПТУ — призвание, другие причины?

— До восьмого класса мечтала стать воспитателем в детском саду.

— Не жалеете, что не сбылось?

— Так ведь детские мечты почти всегда меняются... А школа у нас была восьмилетка. После экзаменов многие из моего класса подали документы в радиотехнический техникум. Я тоже.

— Видимо, точными науками увлекались?

— Наоборот... Любимым предметом у меня была литература. Просто переходить в другую школу не хотелось, подалась за, своими — в техникум.

— Как понимаю, не поступили?

— Провалилась. Не повезло на математике.

— Растроились?

— Даже плакала.

— Но почему — ПТУ, и именно «светлановское»?

— Случай. Пришла я в техникум забирать документы и увидела там на стенке объявление о приеме в ПТУ-38. Какие условия, какие специальности. Стою, читаю — и вдруг ко мне женщина подходит. Оказалось — мастер из этого самого училища, Галина Алексеевна. Познакомились. Рассказала она, что за училище, как и чему учат у них... Так и попала я в тридцать восьмое.

— А как дома отнеслись к вашему решению?

— С пониманием. Мама никогда, как говорят, не вставала у меня на пути, пятнадцатилетней девочке предоставляла право решать, как поступить. Сказала лишь: делай, как тебе лучше, сама выбирай.

— Раз мы этой теме коснулись, расскажите немного о семье.

— Родители познакомились в Ленинграде после войны. Отец, Виктор Михайлович, приехал из Воронежской области. Мама, Анастасия Лазарева, — из Белоруссии. Вообще-то мама приехала учиться на закройщицу, но здесь ей предложили стать строителем: вы же знаете, город лежал в развалинах, его надо было восстанавливать. И мама согласилась. Сейчас она бригадир штукатуров, имеет за работу орден «Знак Почета». Ведет капитальный ремонт жилья — в Ленинграде ведь много старых зданий. Отец — водитель в «Лентрансагентстве», а брат Вадим выучился в ПТУ на автослесаря. Сейчас в армии служит. Словом, обычная семья.

— Алла, когда вы перешли из школы в училище, почувствовали разницу в качестве или стиле преподавания?

— В школе бывает так, что складывается группа сильных учеников — преподаватели в основном на них и ориентируются. В ПТУ все иначе. Здесь преподаватели разъясняют предмет, пока его не усвоит каждый ученик. В училище я получила, пожалуй, даже больше, чем в техникуме.

— Вы же туда провалились?

— Да, но как только начала работать на «Светлане», так и поступила на вечернее отделение.

— В тот же техникум?

— В тот самый. И, между прочим, математика все пять лет учебы шла хорошо. Это, наверное, заслуга ПТУ — там нам очень подробно, глубоко преподавали теорию. Училище научило учиться — вот почему я говорю, что оно дало мне больше, чем техникум.

— Какая же у вас теперь специальность?

— Что, очень хочется быть самой-самой? — спросил он и тут же пожалел об этом. Глупо и бездарно. Она тут ни при чем. И он, Егор, ни при чем.

— Ладно, — сказал он. — Слушай.

И сам увидел краем глаза, что она слушает. У нее был этот дар — слушать и знать только то, что нужно было ей. А остальное не слушать или не замечать.

— Ладно. Значит, набрал нас старик по тому же принципу, что и вас. И с такими же далеко идущими идеями. Тоже никого из секции не выгонял, не то что теперь, считал, что раз взяли всех, то все вместе должны и дальше идти. Слабым не во вред, а сильным от этого польза. Ну ты знаешь: принципы старого физкультурника. Хожение со знаменами, спортпраздники, дивчины грудастые строем в белых майках и все такое...

Она кивнула и быстро и уверенно: да, знаю. «Откуда ты можешь это знать?» — думал Егор.

— Система тренировок с бегом сложилась у него уже тогда. Тогда же он придумал ложный рыбок, большую диагональ, доводку кистевую — все то, что потом так или иначе возникло в мировом теннисе. Это его укрепило в правоте. Он начал из нас готовить мировых чемпионов. Он считал, что каждый может стать чемпионом. Каждый. Он хотел доказать, что сделает спортивного «гомукула» из любого ленинградского пацана. Это тоже была ошибочная идея физкультурпросвета, но старик был дьявольски наблюдателен. Проваливаясь по всем параметрам, он искал и находил необходимые и достаточные условия для отбора теннисиста. Он ходил и искал такого человека, пока же продолжал выматывать нас. Сама знаешь. А потом заметил, что такой человек у него уже есть — под рукой. Он заметил, только еще не был уверен в этом.

Она слушала сосредоточенно, как ученица в школе, и он подумал, что она, быть может, и есть еще школьница.

— Ну вот. Никому об этом не говорил, но начал вытаскивать этого человека на большие удары. Для проверки скорости подач притаскивал камеру и снимал, потом прокручивал, потом считал скорость полета мяча, сравнивал с предельными. Он буквально помешался на цифрах. Но и тогда еще не было ничего решено. Ты в школе учишься? — Она подняла на него взгляд.

— В институте. А зачем вам?

Он подумал, что вот она перешла на «вы». И что, значит, все правильно — дистанция. Она чувствует.

Старик считал, что спортсмен должен выстрелиться, как пружина, но не в ранние годы, чтобы сломаться не успел. Он действительно ни в чем не изменил себе, старик.

— Ну вот, тогда я всего этого не понимал. Психовал. Временами чувствовал, что могу переиграть любого, но Петрович меня придерживал, не пускал. Со мной он тогда не разговаривал, потому что это был у него трудный момент, он боялся ошибиться. А я играл себе, ничего не боялся и ничего не замечал.

Он замолчал. Уже въезжали они на Малую Охту, и дома катили назад, назад. Потом повернули к северу.

— Летом надо было мне поехать в стройбригаду на шабашку. Он не хотел отпускать, но потом отпустил. Я поехал. Под самый конец положили плотники доски гильды на мостках. Я упал в пролет третьего этажа, раздробил плечо. Правое. Вот и все.

— Понятно, — сказала она сразу, не делая паузы, положенной для приличного сочувствия. И от этого ему вдруг сделалось легко и весело. Он улыбнулся ей.

— Как ты думаешь, зачем старик послал тебя со мной?

— Наверное, чтобы вы рассказали мне все это.

— Ты его последний шанс, я это сразу увидел там, в зале.

Она кивнула:

— Не гоните, тут сейчас направо. А у вас дело к Проскурякову, да?

Она говорила это таким тоном, как говорят пай-девочки из хорошего дома. Да как оно и есть на самом деле. Кого теперь в теннис отдадут? Только отличников и хорошистов.

И Егор почувствовал вдруг, что сейчас наступает важнейшая минута. Это трудно объяснить словами. Он увидел все мгновения этой минуты, они были невесомы и горячи и падали, как капли воска. Он видел и Петровича, который не ушел домой, который теперь сидел у себя в тренерской комнатке, Петровича, отпустившего Машку с Фроловым и знавшего, что сейчас Егор Фролов, начинающий тренер и негодий, будет покупать Машку. И ему есть чем платить: сборная, поездки и как сияющий шар солнца вдали — Олимпийские игры, ура!

Сабуров сказал: «Ты мне купи ее».

Егор ясно понял вдруг, что хотя он и не сказал Корчмареву ничего про Машу, тот понял. Понял, что именно за ней приехал он, а не для того, чтобы набрать ребят посposобнее. И все же послал ее с ним. Он так и не отказался от старых принципов.

Егор косов взглянул на нее. Ничегошеньки не понимает. Ничего. Поманить сейчас, и побежит. Не поманит он, поманит другой. Надо начинать. Сабуров поставил на него, неудачи быть не может. Сабуров даст ему тренировать Мартынову. Все нормально. «Тренер Мартыновой неизвестный в прошлом теннисист Егор Фролов. Раньше Мартынова тренировалась у Корчмарева». Все выстраивается, надо начинать.

— Слушай, у меня к тебе разговор, — сказал он.

— Нет! — ответила она.

— Ты о чем?

— Об этом самом. Жаль, что ты стал об этом говорить.

Егор сидел, опершись на руль, и молчал.

— Знаешь, от чего отказываешься? — спросил он.

— Да. И проиграли вы не тогда, когда уехали, а сейчас. До свидания.

Она вышла из машины, хлопнула дверью. Егор смотрел ей вслед, положив голову на обод руля. Потом он вздохнул, включил указатель поворота, «воткнул» скорость и медленно поехал вдоль тротуара, обгоняя ее и потом дальше, не останавливаясь и не поворачивая головы. Потом она появилась в зеркале заднего вида, он видел, как она вышагивала на прямых ногах, гордая в своей дури, молодости и непобедимая в своей правоте. Впереди какой-то маньяк выскочил на проезжую часть, подняв руку, пытаясь остановить машину. Егор медленно и аккуратно обехал его.

Из гостиницы позвонил Сабурову, все разобрал и, когда тот стал «давить», спокойно положил трубку на рычаги. Включил телевизор, смотрел в нагревающий экран, думая о той главной победе, которую одержал старик над маленькими подлостями жизни, слышал уже знакомый шум трибун, выкрики, свист, хриплый голос диктора. И вот изображение заголубело, разъехало, лицо вратаря словно вспыхнуло и лопнуло, потом заверещал строчник гостиничного телевизора, и голос кричал: «Уд-дар! Гол! Гол!» Но экран смирно темнел. Он наклонился, стукнул по корпусу и стал вертеть ручки настройки, щелкать, переключать.

Экран не проявлялся, и голос, голос все надрывался, все кричал, все кричал.

МНОГИМ...

Фото
Дмитрия ХАРЬКОВА

— Техник-технолог. Но работу менять пока не собираюсь. Институт? Мне и мама об этом говорили. Теперь трудно ответить. Соберусь ли с духом засесть за учебники еще на шесть лет, да и будет ли время?

— А первые ваши дни на заводе помните?
— Еще бы! Сплошные слезы. Это я про первую практику говорю. Привели нас, практиканток, на сборку приборов. Работаем, стараемся. Сдадим партию в ОТК—вроде все нормально, думаем,—а нам ее назад возвращают. Я начинала реветь первой, а глядя на меня, и вся наша четверка практиканток ударилась в слезы. Уйти тогда совсем хотела... Да, спасибо, отговорили меня, успокоили. А после училища попала в бригаду сборки Валентины Ивановны Котовой. Замечательный она человек, моя первая наставница. Работали мы вместе всего около двух лет, но до сих пор с любым вопросом к ней бегу. Валентина Ивановна меня выучила, а теперь поднялась на собрания и в Верховный Совет выдвинула...

Из рассказа
Героя Социалистического Труда
В. И. КОТОВОЙ, бригадира сборки:

— Алла пришла в нашу бригаду после ПТУ. Прибор, который мы тогда собирали, был первым полупроводниковым. Начинала Алла робко, хотя надо сказать, что забот доставляла меньше, чем другие подростки. Была как все, но одна черта характера у нее сильно выражена—настойчивость. Быстро освоила несколько операций. А когда создавался новый участок—для более сложных приборов, мы рекомендовали туда Аллу.

В депутаты я ее с материнской гордостью выдвигала. Мы рады за Аллу, но понимаем, какая ответственность на нее ложится. А тем, кто позавидует «высокому посту», могу сказать, что судьба вывела Аллу на очень нелегкую дорогу: такой человек уже не принадлежит себе, не может жить для себя...

— Можно сказать, Алла, вам с самого начала повезло. В семьдесят седьмом, когда для нового прибора создали новый участок, сюда направили лучших работников?

— Я бы так не сказала. Скорее тех, кто помоложе и у кого зрение поострее. А первым бригадиром у нас была Люда Феденкова. Именно при ней бригада завоевала звание имени 60-летия комсомола. Спустя два года Люда, к нашему общему сожалению, ушла—так уж сложились обстоятельства, и тогда девочки выбрали бригадиром меня... Вначале нас было шестеро. Совсем недавно бригада выросла до тринадцати человек.

— Я бы, наверное, сменила профессию,—говорит Надя Баскова,—если б не такая бригада.

— Какая?
— Самая дружная. Мы всегда вместе. И вне работы—тоже. Вместе отмечаем все дни рождения, все праздники.

— Ну, а после выдвижения Аллы кандидатом не появлялось у вас чувства...—подыскиваю слово поделкатней.

— Зависти?—подсказывает Ира Милова.—Нет. Алла хорошо понимает, что ее успех, ее сила—в бригаде, и никогда об этом не забывает. Какие черты характера мы в ней ценим? О, их много... Общительная,

добрая, никогда голоса не повысит. Принципиальная. Был у нас случай—помнишь, Надя?—года два назад у Аллы пропали комсомольские взносы бригады. Кто это сделал—не знаем, только не с нашего участка. Мы, конечно, собрали взносы снова, но Алла отказалась взять, внесла свои деньги...

— У нас все девочки—очень хорошие,—твердо говорит Алла.—Три Ирины—Белобородова, Сметанина, Милова. Четыре Нади—Баскова, Смирнова, Ткачева и Иванова, Люда Анжилова, Зина Васильева, Марина Егорова—они, как вы говорите, старожилы, Света Беликова...

— А еще...—называю фамилию. Алла слегка хмурится, ей неприятен вопрос. Но не хочет обходить и острых углов.

— Она пришла к нам несовершеннолетней, но уже успела поработать. В парикмахерской. Там, рассказывала, по полдня ничего не делали. У нас, сами видите, так нельзя. Хотя и недолго там поработала, но перестраиваться уже трудно. Никогда не войдет в ритм, никак не настроится на дело. Сколько по душам разговаривали, даже КТУ снижали. Пока ничего не помогает.

— Думаете, уйдет со «Светланы»?
— Сейчас точно сказать не могу. Мы, наверное, еще не все средства испробовали.

— А вы говорили—нет проблем.

— Это жизнь... Я вспомнила, был когда-то похожий случай. Новенькая тоже не справлялась с работой. Норму-то выполняла, но качество... Долго мучились, пока сообразили предложить: походи по другому участку, посмотри, какие там операции. Девушка присмотрелась и попросила перевести ее... И, знаете, на другом участке дела у нее сразу пошли хорошо. Нет, мы из бригады никого никогда не выгоняем. Но бывает же так, что работа—не по характеру человека? Если бригада помогла ему найти свое дело—что тут плохого?

— С момента образования бригады вы работаете на единый наряд, применяете коэффициент трудового участия...

— Если вы о снижении КТУ—то это редчайший случай. Он зависит у нас от двух показателей: выполнения норм выработки и качества продукции. Практически все годы у всех одинаковый коэффициент.

Небольшая справка. Бригада коммунистического труда А.Шелудяковой задание 1983 года выполнила к 7 ноября. Среднее выполнение норм—104 процента (это много, если учесть, что нормы технически обеспокоены). Процент сдачи продукции с первого предъявления—96,6 (по плану—95 процентов).

Хочу заметить, показатели бригады—не самые высокие в цехе и объединении («одни из самых высоких»,—уточняли мои собеседники). А ведь если вдуматься, это и хорошо, что бригаде не удается далеко оторваться от соперников в соревновании, не удается всегда побеждать. Это говорит об общем высоком уровне мастерства ленинградских приборостроителей. «Маяки», конечно, тоже нужны, но плохо, когда они светят в гордом одиночестве... Массовый высокий уровень определяет успех всего многотысячного коллектива приборостроителей.

Не было случая, чтобы «Светлана» не выполнила план или просила «скорректировать» его.

Здесь самая низкая в городе текучесть кадров. Это лучше всяких слов говорит о благоприятном микроклимате, творческой обстановке, о том, что объединение умеет заботиться о своих работниках.

В 1984 году бригада Аллы Шелудяковой решила перевыполнить задание по росту производительности труда на три процента.

Из рассказа партгорта цеха
Лидии Николаевны РАСПОРКИНОЙ:

— Мы судим не по одним процентам... Алла—хороший, душевный, приятный в общении человек. Не ошибетесь, сказав о ней любое хорошее слово. Исполнительна, но не слепо исполнительна. В любое дело, которое может быть нейтральным, сумела вкладывать душу и творчество. У Аллы также немалая школа комсомольской, общественной работы. Сначала избиралась членом заводского, областного комитетов комсомола. На XIX съезде ВЛКСМ стала членом ЦК...

— Алла, а какая у вас обычная, повседневная работа в комитете комсомола «Светланы»?

— Работаю в комиссии по трудовому воспитанию молодежи, занимаюсь профориентацией. У нас шесть подшефных школ, в каждой надо периодически бывать.

— Случается, рабочие профориентаторам некоторые школьные администраторы и поворот от ворот дают...

— Только не в Ленинграде! У нас учителя сами просят прийти, побеседовать с учениками. Сначала было трудно, непривычно. Придишь в класс—настороженное внимание, молчание... Ну, теперь освоилась. Знаю: стоит начать рассказывать о своей работе—потом сами забрасывают вопросы.

Работа в комсомольских организациях мне многое дала. Начиная с малого, проходишь как бы по ступенькам управления: в заводском комитете—одни задачи, в областном уже шире ориентируешься в проблемах рабочей молодежи. Кроме того, учишься общению с людьми, учишься разбираться в разнообразных жизненных ситуациях.

— А когда выдается свободный вечер?..

— Очень люблю театр. Особенно оперу, балет. Кроме того, я ведь член худсовета Театра имени Ленсовета. Этот театр—наш шеф. Артисты часто приезжают к нам с концертами прямо в цех. Ну, а мне минимум два раза в год приходится бывать в театре. Худсовет принимает спектакль, а потом у главного режиссера обсуждают новую постановку...

— И последний вопрос, Алла. Во время выборов вы получите немало наказов избирателей. К вам пойдут самые разные люди за помощью, советом. Каждый со своими заботами, трудностями, бедами. Не страшна такая ноша?

— Признаюсь, боязно... Знаете, о чем думаю? До сих пор моя жизнь складывалась довольно спокойно. Почти все намеченное удавалось. На работе проблем нет, отношения с людьми хорошие. Но, если выберут, совсем другой спрос с меня будет, совсем другая мера ответственности; не только за бригаду—за всех людей, кто оказал мне такое доверие. Оправдаю ли? Каждый день придется выкладываться, все силы приложить, чтобы оправдать. Придет мне уверенность то, что знаю: мои товарищи по «Светлане» всегда помогут, если будет трудно.

Обычная рабочая биография... Но, может быть, главная особенность Аллы Шелудяковой в том и заключается, что при всех индивидуальных чертах характера она типичный представитель сегодняшнего комсомольского поколения. Поколения образованного, трудолюбивого, ответственного за свои дела. Потому и доверяют ей люди.

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный корреспондент
«Смены»

Внезапно и стремительно на полигоне упала ночь. Тьма растворила белые оконечности гор, рассыпавшуюся по каменному плато военную технику, людей, уже разгруженной снаряжение. И тут же, словно по чьему-то сигналу, из далеких ущелий вырвался и пошел хлестать по полигону ветер, неистовый, пронизывающий холодом каждую клетку уставшего сопротивляться тела, леденящий лицо и руки. Он скручивался узлом на голом и ровном, как стол, плато, бил справа и слева, и укрыться от него не было никакой возможности. Между машинами на тесном пятнышке металась тень, звенело железо, слышались коротки, как хлопки, команды.

В какой-то момент ветром вырвало из рук солдат тяжелое полотнище палатки, отнесло метров за двадцать, с хрустом налепило на борт БМП. Тогда Алавердов взял еще двух человек, и палатку все-таки поставили. Первую. А всего их требовалось пять или шесть. И это было только начало.

После нескольких часов работы, когда уже заканчивали КП, Алавердов разрешил пятиминутный отдых. Солдаты его взвода зашли в палатку, единственную уже оснащенную печкой. Для ее растопки нужна была бумага. Я достал газету и, чиркнув спичкой, машинально посмотрел в угол страницы, где обычно печаталась программа телевидения: в это самое время транслировали доведиль.

Мы все заворожено смотрели на разгоравшееся пламя, не обращая внимания на хлопающий по нашим спинам брезент палатки. Александр Алавердов бинтовал кисть, пораненную об камень. Я подумал, что, возможно, в это самое время в Ленинграде, на улице Космонавтов, его мама Лидия Георгиевна сидит в

семейном плюшевом кресле (он рассказывал мне о своем доме) и смотрит телевизор. А трехлетняя дочь Алавердова Аня играет с розовощекой Клу (так зовут ее любимую куклу). Отблески голубого экрана пляшут на книжных шкафах, заставленных довоенными изданиями французских классиков. Их Александр по семейной традиции начал читать в подлинниках в четырнадцать лет. Вряд ли Лидия Георгиевна представляет себе, где сейчас находится и чем занят ее сын, с отличием окончивший иняз и преподававший французский в школе.

Два реальных, почти осязаемых состояния человеческого бытия. Одно — в атмосфере интеллигентной одухотворенности, в тепле и покое дома. Другое — в холодной пустоши военного полигона, в изматывающей солдатской работе, в подчинении бесстрастному боевому приказу. Есть ли между ними причинная связь, оправдывающая необходимость сопряжения в нашей жизни этих столь разных состояний и понятий?

8 мая 1945 года Лидия Георгиевна Алавердова присутствовала при подписании акта о капитуляции фашистской Германии в Берлине. Как советский военный переводчик, она помогала в работе представителям французских союзных войск и до сих пор хранит часы, подаренные ей на память главой французской делегации. То было время величайшей радости и величайших надежд. Победители верили, что, разгромив фашизм, они подписали смертный приговор войнам как таковым.

Прошло совсем немного времени, и мир, стиснутый военным противостоянием, ощутил себя обманутым. Западная Европа приняла на свою землю американские ракеты. И ныне среди сотен и сотен ядерных боеголовок, запрограммированных на поражение целей на территории СССР, в ряду других есть и с французским клеймом. И не исключено, что у пультов управления ими дежурят дети и внуки тех, кто в 1945 году искренне радовался победе над фашизмом. Что же это? Алогизм истории? Противоестественная, античеловеческая диалектика? Как бы там ни было,

не мы тому виной. Но возможно, что мир когда-нибудь убьет наконец войну. Когда-нибудь... А пока преподаватель французского, а ныне гвардии сержант, замкомвзвода Александр Алавердов руководит подготовкой командного пункта. У него и его товарищей глаза воспалены от ветра и усталости, а кожа на руках потрескалась и загорела. Уже неделя, как его рота на полигоне.

Сутки расколоты не на привычные понятия дня и ночи, а на марш, маскировку, подготовку позиций, атаки, стрельбы, чистку оружия, короткий сон, караулы... И все это требует постоянного напряжения воли, мобилизации всех физических и духовных сил, всего запаса человеческой выносливости, военных навыков. И ответственности. В самой высокой мере. У каждого из солдат она персональная. Ее нельзя переложить на плечи другого, слишком усложнен, раздроблен на множество звеньев, если хотите, этапов современный бой.

Бой концентрирует техническую выучку и мысль штабов, реализует возможности систем связи, огневых и скоростных качеств боевой техники, работы армейских тылов, индивидуальной военной эрудиции офицеров, командующих подразделениями... Пусть все это будет на самом высоком уровне; без личной подготовленности солдата победа в бою немислима. Солдат наводит оружие на цель, управляет машиной, разминировать проходы, готовит позиции, прокладывает трубопроводы для заправки техники, словом, выполняет труднейшую военную работу. И от того, как он ее делает, зависит исход боя. Как быстро он может вырыть окоп, поймать в перекрестие шкал прицела движущийся танк, занять удобную для стрельбы позицию, поставить палатку, пробежать от одного укрытия до другого, найти способ утолить жажду в пустыне, сориентироваться ночью на местности и прочее. Всему этому нельзя научиться в классе — только на полигоне.

Уж не скажу, чем мне запомнился с первой встречи Юрий Соснов. Невысо-

кий, широкое, скуластое лицо, прямой взгляд, короткий ежик светлых волос. На полигоне он начал отсчет второго полугодия своей службы. Шесть месяцев — не срок. Будем реально смотреть на вещи. Новичок на заводе за это время едва осваивает азы профессии, простейшие операции на станке. В армии мерки несопоставимо выше. За несколько месяцев человек проходит путь от новобранца до специалиста, владеющего современными приемами боя, знающего военную технику, солдата, уже закаленного в работе, в решении боевых, тактических задач, в преодолении, выражаясь современным словом, дискомфортных ситуаций.

Столь малый срок вживания в военную роль оправдан необходимостью как можно быстрее заменить уходящих в запас товарищей. Почему в армии на адаптацию большинству хватает полугодия? Потому что за вычетом часов на сон остальное время солдат учится. В классе, на полигоне, на спортплощадке, в строю он проходит военные университеты раздел за разделом. Даже в свободные от службы часы солдат продолжает оставаться в военной среде, и эта среда незаметно для самого человека продолжает влиять на него, выковывая воина.

Вернемся к Соснову. Он быстро стал отличным гранатометчиком, наверное, тут отчасти сказалась общая техническая подготовка: Юрий до службы окончил автомеханический техникум. И еще дар быстро схватывать суть любого нового дела.

Соснов именно из таких неизбалованных, привычных ко всякому труду парней. Но в тонкостях овладев военной специальностью гранатометчика, он стал еще и солдатом в высшем смысле

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ПОЛИГОН

этого слова. Представьте ситуацию: целый день стрельбы. Учебные цели возникают перед бойцами непрерывно. Никто, кроме руководства полигона, не знает, какая и на каком удалении покажется очередная. Но все должны быть готовы к любой неожиданности. Соснов ждал, когда среди желтых иссеченных снарядами холмов возникнет его цель — танк или БТР. Вокруг него грохотал учебный бой, вздымались тяжелые пыльные фонтаны взрывов, со свистом секли воздух осколки камней. Соснов ждал, сосредоточась на главном — черед сменяющихся целей.

И он дождался. В разрезе между двумя холмами показался фанерный танк. И понесся по направляющим вдоль сопки. Соснов рассчитал все верно и послал светящуюся пламенем гранату точно в движущуюся мишень. С максимального расстояния. Следующей целью был БТР. И Юрий поразил его тоже первым же выстрелом. Это не было везением, это было военное мастерство.

...Позже, уже в Москве, листал словари, книги, гадал, откуда и как пришло в нашу военную терминологию это слово — «полигон», вмещающее в себя столь объемное понятие. Итак, оно существовало всегда, по меньшей мере с той поры, как существует армия. Ибо армию нужно было учить воевать, то есть атаковать, обороняться, совершать перестроения, избирая в каждом случае наиболее эффективный маневр и способ поражения врага. И чтобы военная тактика не стала достоянием противни-

ка, обучение войск совершалось в специально выбранном месте — по-нынешнему на полигоне. Так было испокон веков.

В исторических хрониках можно отыскать упоминание о том, как великие и не слишком великие полководцы проводили в походах обучение войск. И чем ретивее они этим занимались, тем, по свидетельству той же истории, имели больше шансов одолеть противника.

Более или менее стройная система обучения войск была создана в русских войсках при Петре I. От первого Потешного войска, поначалу вызвавшего смех при дворе бесконечными маневрами близ реки Яузы, до регулярной мощной армии вел петровский ум и кулак российской рать, подчинил единому Уставу. Введены были в войсках постоянные военные упражнения, кои совершались на ближних от лагерей полях. Там же стреляли из единорогов по целям, пугая, а иногда и калеча окрестных мужиков. Но все же до специально обустроенных полигонов руки Петра не доходили. Да и к чему, земли кругом сколько хочешь, войска в учебных маневрах большого урона хозяйствам и пашням не творят.

Дальше многих, и Петра тоже, пошел Суворов. Вспомним его крылатые слова: «Тяжело в ученье — легко в походе». Великим талантом истинного полководца видел Суворов пользу ежедневных военных занятий, изнурительных порой маршей, особо почитаемых им штыко-

**ГЕОМЕТРИЯ
РИСКА.**

**ТОЧНЫЙ
ПРИЦЕЛ.**

**ПЫЛЬ
ВОЕННЫХ
ДОРОГ.**

**БОЙ —
КУЛЬМИНАЦИЯ
УЧЕНИЯ.**

**ЦЕЛИ
ПОВЕРЖЕНЫ.**

Навстречу VIII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Владимир СТАРШОВ

НОВОЕ ИМЯ

Владимир Старшов живет и работает в городе Ангарске Иркутской области. Ему тридцать лет, за его плечами суворовское и высшее военно-политическое училища, непростая служба замполита роты. Испробовал молодой поэт и другие профессии: был монтажником, слесарем, оператором... Жизненный и душевный опыт Владимира Старшова отражен в его стихах. Особенно точно и неожиданно пишет он об армии, о ратном труде.

Стихи Владимира Старшова публиковались в периодике, он лауреат ежегодной областной конференции «Молодость, творчество, современность...». В скором времени увидит свет первая книга поэта.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Мечта

Разойдутся полки и роты,
разодеются в свитера,
и останутся

без работы
оружейных дел мастера.

Сбросят танки литые башни,
сплюнут пушечные замки,
приударят

по вешней пашне
с тракторами вперегонки.

И свирепый военный атом
встанет пайкой у станков.
И не станет военкоматов,
и не будет

призывников...

Если вдруг такое случится—
осчастливит эпоха нас,—
я попробую разучиться
по-солдатски

прищуривать глаз.

Весна на полигоне

Искрясь, сверкал в прицелах день.
Уже ручки вонсю звенели.
И не хотелось эту звень
глушить разрывами шрапнели.

В минутных паузах вела
хмельную партию кукушка,
и срезом жаркого ствола
принюхивалась

к небу пушка.

Неудержимо таял мир.
Такое в нем взошло сиянье,
что было даже у «мортир»
и зрение

и обонянье!

И в тон с сигнальной трубой
раздался звонкий бас комбата,
и в слове уставном «отбой»
послышалось:

«Весна, ребята!»

Береза в секторе обстрела,
она сейчас — ориентир.
Короткую цифирь прицела
выкрикивает командир...
Стреляю! — Цель поражена.
Я рад, что мой огонь был метким
и не упала ни одна
березовая ветка!

Утро на «гражданке»

Не давит плечи мне вещмешок,
без всякой выкладки «марш-бросок».
Зеленый воздух пахуч и чист,
тропинка вьется сквозь птичий свист.

На сопку в кедах взбегаю круто,
как на ладони лесное утро.

И до чего же легко ногам!
Спасибо кирзовым сапогам.

Мишень прострелена навывлет
и распласталась на траве.
Над ней седой фонтанчик пыли
повис и тает в синеве.

Опять встает солдат фанерный
над полигонною травой.
Он мне не действует на нервы,
невозмутимо неживой.

И в горстке боевых патронов
как будто не таятся смерть...
Но в вышине кричат вороны,
почувявши свинцовый смерч.

Разбрелись по городу деревья,
приручили диких, берегут.
И в тайгу они, как мы в деревню,
никогда уже не убегут.

Лиственнице тихий двор достался.
Но забудет ли, как ей жилось
в чаще той, где о нее чесался
теплым боком мимоходный лось?

Сосны исхудали и поникли:
корни не пульсируют весной.
Тротуар. А было от брусники
зелено, потом красным-красно...

Шорохом, скрипением и стоном
по ночам друг друга окликают,
бродят в лабиринтах из бетона
деревя лесные неприкаянные.

А вослед, под фонарями млея,
шепчутся дворняжки-тополя:
«Дикари... О чем они жалеют,
отчего стволы у них болят?..»

вых учебных атак и ружейных экзерциций. Выбирал для этого разные местности — с крутыми подъемами, вязкими болотами. Наставлял солдат не только военным премудростям, учил терпению и преодолению трудностей похода, прививал осознание необходимости регулярных учений, ибо видел в этом главный залог будущих побед.

Уже в ту пору предпочитал Александр Васильевич максимально приближенные к боевым условия для проведения учений. Порой в пылу не считался с условиями. Так, велел однажды полку взять штурмом крепостенный монастырь, чем привел в немалый испуг обитателей оного. И взяла с криком «Ура!», по всем правилам суворовской науки, за что настоятелем была подана жалоба императрице на чересчур воинственного полковника.

В 1765 году на первых в истории русской армии красносельских маневрах Суздальский полк под началом Суворова показал образцы военной выучки, превзойдя многие иные полки скоростью передвижения и выполнения маневров, а также обученностью солдат.

Он же, Суворов, перед штурмом Измаила велел построить в отдалении от крепости вал со рвом наподобие измаильских и учил самолично солдат одолевать их быстро и умно. Учил, как и все делал, преследуя цель безукоризненно поставить учебное военное действие накануне боевой премьеры. И ведь именно потому побеждал противника с меньшим, чем у того, войском, потому и потерь нес не в пример прочим полководцам мало, что каждый его солдат до тонкости знал свою военную роль, был готов победить психологически.

Так что же тогда нынешний полигон, если не репетиция боя, где каждый, от солдата до генерала, разучивает, совершенствует свою боевую роль?!

Многokrратно усложнились способы ведения военных действий, возросли масштабы их; испытание современных видов вооружения, проверка их боевых качеств требуют неизмеримо больших свободных территорий, но суть полигона, как понятия, та же, что и прежде, — создание обстановки, максимально приближенной к боевой. И жесткость условий полигона, каждый бой на нем, каждое испытание, выпавшее на долю людей и их техники, следует рассматривать как необходимую репетицию подлинных боев и испытаний. Независимо от того, состоятся они или нет.

...В ту ночь подразделение Соснова меняло место расположения на полигоне. Надо было собрать имущество роты, погрузить его на машины, а после марша вновь «выстроить» военный городок на абсолютном голом поле. Нелегко было всем. Но никто не сетовал на усталость и недосыпание, люди работали, понимая, что на отдых они могут рассчитывать только после того, как закончат устройство лагеря.

Я наблюдал за Сосновым. Он был занят маскировкой техники, спокойно и сосредоточенно делал все, что требовалось. Закончив с маскировкой, сам, без лишних слов, без всякой команды принялся помогать соседнему отделению в подготовке батальонного КП. Потом я видел его на разгрузке боеприпасов. А когда уже под утро решалось, кому идти в караул, Соснов неторопливо шагнул вперед из строя и сказал, что готов. Хотя думаю, что устал он к тому времени не меньше других. Чем можно объяснить поступок Соснова? Великое человеческое качество — брать на себя самую трудную работу, не оглядываясь на других, не дожидаясь, когда назовут твою фамилию, просто идти и делать. Проявляя его не напоказ, а по внутренней необходимости, человек выявляет

самую высокую свою духовную сущность.

И Алавердов и Соснов служат в одном подразделении. В части его называют «клочковская рота». Уже многие годы в списке роты первой стоит фамилия легендарного политрука-панфиловца Василия Клочкова. Особая рота? Да, особая. Верностью своим традициям, корнями которых — там, у развезда Дубосеково, под Волоколамском. Они впились в землю неглубоких окопов еще осенью 1941 года, когда 28 солдат своими жизнями и своим мужеством заслонили путь гитлеровским танкам. Эти корни дали начало древу воинской доблести потомков.

Клочковская рота много раз объявлялась лучшей в части, сдавая на «отлично» итоговые проверки. Клочковцы — инициаторы патристического движения «Традиции отцов — продолжим и умножим!». Рота сильна своими шефскими связями с ветеранами-панфиловцами, на ее счету немало ценных починов, поддержанных войсками округа.

Трудно быть на виду, держать марку. Прошлые заслуги не идут в счет, надо каждый день доказывать делом право на лидерство, уметь точно поражать цели, быстро совершать марши, преодолевать препятствия. Словом, учиться воевать в горах, на равнине, в песках, в стужу и в зной.

Гвардейская мотострелковая Режицкая ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова, о которой наш рассказ, расположена на стыке ландшафтов и климатических зон. Случилось так, что, переезжая из одного подразделения в другое, мы попадали из одного времени года в другое. В одном случае это было высокогорное плато, где практически не

утихает свирепый, холодный ветер, в другом — тихая теплая неподвижность долины, в третьем — снежная круговерть ущелья. За один день можно побывать в мягкой среднеазиатской осени и в поистине арктической зиме.

Чем выше поднимаются подразделения, тем труднее дыхание у людей, тем больше усилий требуется на преодоление каждого склона, напряженнее работают двигатели военных машин.

Ясным утром мы поднялись из долины на горный полигон. Тихо журчал арык, легкий ветер шевелил кусты желтой облепихи. Маленький серый ослик лениво тыкался мордой в колючку. Дальше — только лешком. Наш провожатый гвардии старший лейтенант Владимир Мымликос предупредил, чтобы внизу оставили все лишнее, до разведчиков идти порядочно.

Мымликос на полигоне четвертый месяц, исходил, извездил, исползал его вдоль и поперек. Спрашиваю, есть ли поблизости интересные места. Улыбается.

— Есть. Там, где грунт помягче.

Шутка, конечно. Но старшего лейтенанта можно понять: за три с лишним месяца солдаты его подразделения перерыли столько грунта на полигоне, что на природу невольно начинаешь смотреть под определенным углом. Впрочем, как бы ни были специфичны задачи, которые решают военные на этих выжженных солнцем склонах, они, насколько это возможно, стараются уберечь от уничтожения любые ростки жизни. Мымликос рассказал, что однажды перед стрельбами к нему обратились солдаты артвзвода с необычной просьбой. Оказалось, что в сектор их стрельбы попадает дерево, невысокая горная арча. «Пришлось менять сектор, — вздыхает старший лейтенант, — у нас тут деревьев раз-два — и обчелся».

Рукопожатие

Я из казармы невзначай,
скорее даже поневоле
попал в одну семью на чай.
Там были:

папа, мама, Оля.

Сидел,

напуганный уютом,
краснел сквозь полевой загар,
как приглашенный
в люкс-каюту
в рабочей робе кочегар.

А Олин папа

между тем
вел разговор со мной степенный,
касаясь самых разных тем,
по преимуществу
военной.

Все знать хотелось старику—
войну прошел он
до Берлина,—
какая техника в полку
и крепкая ли дисциплина...

Я отвечать старался с толком,
но поперхнулся и умолк.
Я в этот день был в самоволке
и, значит,
свой позорил полк...

Гвардейский знак

краснознаменный
прожег, казалось, до ребра.
Вскочив, я Оле удивленной
сказал:
простите, мне пора.

Меня патруль

не задержал.
Другое было наказание:
седой гвардеец на прощанье
мне руку от души пожал...

Прощание друзей...
Скупые речи,
извечный праздник грусти и тоски.
Как это трудно—не сутулить плечи,
когда разлука их берет в тиски.

Один уехал. Не до арифметики.
Но двое на перроне в этот миг
остались в одиночестве без третьего.
В таком же, как и третий без двоих.

Пора другому. В створе с часами
судьба повторно руки развела.
Растет пространство между небесами,
вагонной мглой и краешком стола.

А сигаретный чуть хмельной дымок,
колючий, как азот высокогорья,
сжимается в невидимый комок.
В тот самый, что подкатывает к горлу.

О службе солдатской

С последней поверкой
перед отбоем
мы отдали смене
свои рубежи,
отвоював
готовностью к бою
еще на два года
мирную жизнь.

И пусть на ученьях
кочки утюжили,
на дзоты учебные
молча ползли—
понять довелось нам
взаимную нужность
солдатской шинели
и русской земли.

Третьяковка

В Третьяковке скрип паркетный,
сдержанный и теплый гуд.
Там пейзажную, портретную
Россию берегут.

Там народ по залам бродит
и с картин глядит народ,
а при всем честном народе
живописец не сохнет.

И торопимся с вокзалов
в дом, где осеняет нас
гениальность, но не заумь,
красота,

но без прикрас.
Хочешь плачь, а хочешь пой—
день сердечной перегрузки!
Словно жил я как слепой,
и лишь здесь прозрел:

я—русский.

Ночь. Лаврушинский. Морковкой
похрустывает снег...
Есть в России Третьяковка—
есть душа одна на всех.

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Походка у Мымликова легкая, упругая, сам он поджарый, как снежный барс, быстрый. На лице и руках бронзовый загар, а шея под воротником рубашки белая— сразу видно: загар приобрелся неспециально. Три дня назад его подразделение сдавало боевой экзамен в горах. Сначала сорокакилометровый марш на БМП, стрельбы ночью из машин, потом спешились— и без всякой технической передышки— цепью по горным склонам, с полными подсумками, противогазами, прочим солдатским имуществом. 18 километров. Перепад высот 2 тысячи метров. И не просто шли, а непрерывно вели бой, атаковали, поражали мишени, имитирующие солдат противника. До последних рубежей ребята уже доползли, и вдруг наверху, на самом гребне, показались новые мишени. И откуда только взялись силы на последний бросок вперед. Встали все до единого и пошли опять. В учебном бою, по своим нагрузкам рассчитанном на максимальные человеческие возможности (это был эксперимент), мотострелки поразили 70 процентов мишеней, значительно выше норматива.

— Много солдат было последнего призыва,— рассказывает Мымликов,— никакой специальной горной подготовки. Обычные ребята, даже не спортсмены. После первых двух километров марш-броска у них дыхание сбивалось. Полигон сделал из них настоящих солдат, закалил физически, духовно, психологически. Дело даже не в том, что эти ребята сейчас умеют быстро окапываться, держать дыхание, метко стрелять, полигон им дал уверенность в себе, расширил их представление о возможностях человека вообще, научил самостоятельности, товариществу. Полигон— своеобразный рубикон, который надо перейти каждому мужчине на пути во взрослую жизнь...

Мымликов— военный, мыслит он своими, может быть, излишне жесткими категориями. Но во многом он прав. Я знаю, что человек, прошедший «обкатку танками», становится чуть взрослее того, кто этого не испытал. Понятие полигона растягивается в бесконечную вереницу таких «обкаток».

Часа через полтора пути Мымликов кивнул на родник, бывший из расщелины между валунами.

— Может, передохнем?

— Нет,— сказали мы в один голос упрямо, но и с тоской поглядывая на валуны.

— Дело ваше,— улыбнулся гвардии старший лейтенант.

...Разведчиком Николая Волчка мы разыскали на высеребрянном инеем плато. Гвардии лейтенант проводил занятия по топографии. Он сидел на корбке из-под макарон, вокруг сидели бойцы в масках. В руке у офицера был тоненький пруттик, и он, как указкой, водил им по горизонту.

— Поехали дальше... Ну, а какое расстояние отсюда до вершины вон той острозубой скалы, Чеслав?

Гвардии ефрейтор следит за прутиком лейтенанта, беззвучно шевелит губами, на мгновение задумывается.

— Восемьсот с небольшим.

— Так, гвардии сержант Шпехт.

— Восемьсот тридцать пять.

— Так уж и пять,— с сомнением произносит Волчок.

— Ну, восемьсот сорок,— улыбается сержант.

— Оба ошиблись. Брели, наверное, ориентир по кустам рядом с вершиной. А кусты-то больше человеческого роста. До них не меньше девяносто пятидесяти метров. В горах надо прибавлять, особенно в ясную погоду.

— В море тоже расстояние обманчиво,— замечает Шпехт.— Помню, подхо-

дили мы к острову, а у них там крест здоровенный на самом берегу. Поспорил я со вторым штурманом, сколько от нас до того креста. Я говорю: кабельтовых десять, не больше, а штурман: все восемнадцать будет. Он прав оказался... Море есть море.

— Все ясно, Шпехт, не будем отвлекаться,— останавливает сержанта Волчок.— Сегодня у нас разговор о другом...

Уже неделя, как разведчики на полигоне. Каждое утро пятикилометровый кросс по горам с перепадом высот до 1000 метров. Потом занятия по тактике. Потом скалолазание. Потом военная топография, отработка практических навыков, необходимых для разведчика: умение определять тип машины по звуку мотора, работать на рации, водить боевую технику, наносить на карту места сосредоточения «противника». Потом отработка приемов рукопашного боя. И опять кросс... Спят на земле. Скупой водный паек. Предельные физические нагрузки. Ночные разведывательные дозоры. Ориентировка на местности по звездам. Все это называется «практические занятия на полигоне».

— Нравится?— спрашиваю у Юрия Шпехта.

— Конечно. Настоящая мужская жизнь. Все по делу, расслабляться некогда.

Я уже знаю, что Юрий из Керчи, до армии ходил матросом траловой команды на рыболовном траулере «Казантип» в Атлантику за скумбрией и ставридой.

Юрия наградили грамотой как лучшего матроса. Но у него еще долго не заживали ладони от тралов.

В разведоте Юрий не так давно, хотя просился туда с самого начала службы. Наконец зачислили. Ему надо было

совсем немного времени, чтобы стать душой коллектива. Он неунывающий фантазер, рассказчик, знает бездну анекдотов и «жизненных случаев», но, помимо этого, отличный разведчик и командир отличного отделения. Портрет улыбающегося Юрия помещен на Доске почета части.

— Юра,— спрашиваю,— а по морю не скучаешь?

— Скучаю. Отслужу, вернусь на траулер. Это, как первая любовь, никогда не проходит.

Я посмотрел на его ладони, когда он чистил автомат. На обеих мозоли содрались. Юрий перехватил мой взгляд.

— Страховал ребят над карнизом в горах... На страховку, сами понимаете, слабачка не поставят, ну, а ладони заживут, не впервой...

Его перебивает ефрейтор Чеслав Герфольведен:

— Это подо мной камень поплыл, я и повис, а Юра держал.

— Сочтемся, Чеслав, жизнь полна неожиданностей.

Юрий Шпехт встает и уходит. Ему в дозор. Со мной остается Чеслав, он из отделения Шпехта, наводчик-оператор. Серьезный парень, степенный, немногословный. Я у него уже допытывался, как ему удается каждый раз стрелять из орудия БМП без промаха. Чеслав краснел, хмурил лоб, что-то бормотал про себя, но мне ответил единственное: «Отыскиваю точку прицеливания, наводжу и стреляю». «И все время в яблочко?» «Да, так уж получается».

Чеслав до призыва на службу окончил с красным дипломом ПТУ, работал электриком 4-го разряда на одном из вильнюсских заводов. Ему доверяли ремонт самого сложного оборудования.

«Какого?»— спрашиваю. «Разного»,— отвечает. «И что?» «Пускал». Вот и весь сказ.

Про командира рассказывает охотнее:

— Летом были ротные тактические учения. Нам надо было за сутки пройти 50 километров. Жара. Выпили всю воду из фляг. До ближайшего родника двадцать километров. Через два часа говорить уже не могли, губы распухли. Юрий достал свою флягу: «Пейте». Почти полная. «А ты как?» — спрашиваем. «Я, — говорит, — как верблюд, на неделю вперед наливаюсь». А у самого губы потрескались от жажды. Такой он человек, наш командир.

Поздно вечером идем с гвардии лейтенантом проверять посты. В пути говорим о том же — армейском товариществе, взаимовыручке. Волчок рассказывает:

— После стрельб вызываю сержантов Шпехта и Булку. Говорю, что сегодня двое наших бойцов отстреляли на «тройку», для разведчиков это не оценка. Сержанты спрашивают: кто? Назы-

ваю. Они мне: «Ясно, товарищ гвардии лейтенант». А что им ясно, не говорят. Ну, думаю, подождем, посмотрим. Через неделю зачетные стрельбы. Я шесть дней в командировке был. Приехал, интересуюсь у Петра Булки, как, на его взгляд, «троечники» сработают. «Сейчас увидим», — отвечает. Словом, те двое отстреляли на «хорошо». Не знаю, как сержантам удалось за неделю научить бойцов точно брать прицел, но факт был налицо. Уже потом выяснил, что Шпехт и Булка поочередно каждый день с ними занимались в оружейной, на стрельбище, даже в ленинской комнате.

Мы некоторое время шли молча. Потом Волчок сказал:

— Наверное, иначе и нельзя в армии. Мы ведь все за одно дело отвечаем. Как вы считаете?

Лейтенант еще очень молод (как большинство лейтенантов вообще). У него совсем мальчишеское лицо. Его не спасает даже нарочитая серьезность.

СОЛДАТСКАЯ ПРАКТИКА.

КОГДА ВОДА — НАГРАДА.

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ.

ОЧЕРЕДНОЙ РУБЕЖ.

НОЧНЫЕ СТРЕЛЬБЫ.

Когда тебе двадцать два года, открытие многих истин еще впереди. Но первую и главную он уже открыл: да, они все отвечают за одно дело — разведчики и артиллеристы, операторы ракетных комплексов и планшетисты, подводники и гранатометчики. Это одно дело — наша способность отразить нападение врага. Но я бы расширил круг тех, кто за это отвечает, потому что военные люди — это первая линия нашей обороны. А все мы — вторая, которая тоже при необходимости может стать первой.

На узкой тропе, стиснутой с обеих сторон нависшими валунами, нас окликнули:

— Стой. Кто идет? Пропуск?

— «Курок»...

...Колонну вел гвардии майор Мартынов. Весь путь от лагеря до перевала он простоял в люке БМП, и теперь глаза его покраснели и слезились от встречного ветра, а лицо было серым от пыли. У горного перевала майор остановил

колонну и прыгнул на землю. Сделал несколько приседаний, разминая затекшие ноги, подошел к группе офицеров.

— Глупо атаковать всеми силами в лоб, — быстро и без предисловий начал он, — считаю, что надо послать в обход через перевал усиленную группу — несколько танков и БМП. Она навалится с фланга, а мы ударим в лоб. Мнения?

Офицеры переминались с ноги на ногу, молчали. Мартынов — человек решительный, спорить с ним трудно. Наконец кто-то заметил:

— Группа через перевал может не пройти. Тогда зря время потеряем. Да и не ставили перед нами такой задачи, товарищ гвардии майор. Приказано было атаковать во столько-то, и все.

Мартынов сверкнул глазами, подошел к офицеру вплотную.

— Да, не ставили. А нам самим думать запретили, что ли?! Полигон — это школа, военная школа. А в школе, помимо повторения, еще и новый мате-

риал проходят... В общем, так: группу возглавит гвардии старший лейтенант Турсуналиев. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Нурдин Турсуналиев, гибкий, как лоза, с девичьей талией, с черным от загара лицом, вспрыгнул на головной танк и весело закрутил в воздухе рукой: «Поехали». Мартынов знал, кому доверять командование группой. Турсуналиев, киргиз по национальности, родился и вырос в этих горах, командир отличного взвода, энергичный, эрудированный как специалист. Про таких говорят: военная косточка. Дед Нурдина, пехотинец, погиб в 42-м под Сталинградом. У него осталось девять детей. Но не все из них пережили войну, умирали от недоедания и болезней. Нурдин в пятом классе знал, что будет танкистом. И отец сказал ему: «Правильно, Нурдин, нашей Родине нужны смелые солдаты. Учись. А потом и Нурбек, твой младший брат, пойдет по твоим следам».

Мы забираемся все выше и выше по ущелью. Из-под траков во все стороны брызжут осколки камней. Дорога узкая, и танковая броня то и дело трется о гранитные выступы. Но отряд упрямо идет вперед, оставляя позади одинокие, заброшенные кошары, песчаные осыпи, глубокие борозды, прорытые селями, нижнюю кромку облаков. Моторы работают на пределе.

— Знаете, за что я люблю танки? — говорит Турсуналиев. — За их красоту и мощь. Посмотрите, какое совершенство линий, ничего лишнего. Но настоящая красота моего оружия открывается в бою. Танковая атака — это лавина огня и стали...

...Они все-таки прошли. И в свой час отряд Турсуналиева ударил по флангу «противника» сверху, с гребня горного перевала. Через двадцать минут все было кончено. Ради этого батальон больше суток шел ускоренным маршем по дорогам и бездорожью полигона; люди недосыпали, ели всухомятку, по нескольку часов кряду не отпускали рычагов управления... Только ли для того, чтобы выиграть учебный бой?

Чтобы быть готовыми к настоящему.

СЕБЕ В У

Два молодых человека, почти ровесники. Но какие разные их интересы, их жизни! Один, Юрий Качалин, в пьяном угаре совершил тяжкое преступление — избил и ограбил человека. Другой, Николай Дружинин, мечтает стать революционером, готов добровольно поехать в ту страну, где патриоты с оружием в руках сражаются за свободу.

Перед нами не просто две жизненные истории — два типа человека. Один подвержен любому влиянию, не отдает отчета в собственных поступках. Другой твердо знает, чего хочет в жизни, верен своей мечте. Размышления об этом легли в основу статьи писателя Диаса ВАЛЕЕВА, с которой началась очередная наша дискуссия («Смена» № 2). На материале читательских писем журналистка Ирина ОВЧИННИКОВА продолжила разговор: как преодолеть неблагоприятное стечение обстоятельств, стать хозяином своей судьбы («Смена» № 3).

Острые, жгучие вопросы, поставленные в этих публикациях, не оставили равнодушными наших читателей. В редакцию поступают отклики, часть которых мы публикуем сегодня.

Замкнутый круг

«Если я как человек сложился, состоялся как личность, то, какими бы большими и страшными ни были волны, набегающие на остров моей жизни, мои отношения с миром будут вполне ясными и четкими», — пишет Д. Валеев.

С этим нельзя не поспорить. Потому что когда личность сложилась, то, конечно, легче выстоять и не поддаться искушениям, но ведь личность формируется именно среди бурь, неудач, несчастий. И если в первую бурю не выстоять, то становишься легкой добычей для любых идей и обстоятельств.

Расскажу об одной обыкновенной девушке, которая живет в большом сибирском городе.

Каждое утро она ездила на завод, трудилась, а затем в переполненном автобусе ехала назад, в общежитие, где ее ждали обычный шум, гам, пьянки. Ольга уже не искала общения, как прежде, она жаждала уединения. Ей все труднее было читать, сосредоточиться. Комнаты общежития были почти точными копиями друг друга. Цветочки, подушечки, картинки, обязательные куклы, медведи, чебурашки... Ах, как любили девушки этих чебурашек! А где же здесь книги? Не стоит искать их, ведь все уже окончили или школу, или училище, или техникум. Теперь книги ни к чему. Теперь можно жить на проценты от капитала времени, затраченного на учебу. Книжки сделали свое дело...

Над Олиной кроватью висит репродукция картины Пикассо «Любительница абсента».

— Опять ты эту самогонщицу повесила! — возмущается подруга.

— Мне бы достать еще одну подушку, — говорит другая девушка, которая живет в той же комнате. — Мама обещала перину к свадьбе сделать.

Начинается долгий, но никогда не надоедающий разговор о будущем замужестве.

Да, стремление девушек выйти замуж естественно, но почему-то многие говорят об этом столь samozабвенно, что не хотят замечать ничего иного вокруг, с презрением отмечают все, не относящееся к этой теме. Под подобные разговоры еще можно читать, если бы подруги всякий раз не попрекали Ольгу: «Брось ты свою книжку, отдохни, а то ведь так и свихнуться недолго».

В словах подруг были и снисхождение и насмешка. И уверенность в своей

правоте: ведь в этом общежитии чтение вообще считалось дурным тоном, ненормальностью.

Не подумайте, что Ольга какой-то «синий чулок». Нет, она любит веселье, шутку, ходит в кино, на выставки, у нее много друзей. Но постоянные упреки начинали действовать. Она уже не читала при подругах, чтобы не казаться белой вороной, а вскоре и совсем перестала интересоваться новинками литературы. Подруги жили бездумно, легко, а ей, чтобы читать, думать, размышлять, нужно было напрягаться, преодолевать свою лень и внешние «помехи». Не проще ли жить, как все? Так постепенно ее затягивала эта монотонная, серая жизнь общежития с вечерними застольями и разговорами о тряпках и парнях.

Ольга не выдержала, прекратила борьбу, хотя сама не осознает своего поражения. Она-то все еще думает, что в ней горит прежний огонь, но, увы, это лишь остывающие угли. Она стала такой, какое ее окружение, — частью толпы. Теперь она готова откликнуться на все, примкнуть одинаково равнодушно к добру и злу. Она стала — воспользуясь этим словечком Д. Валеева — примыкающей.

А что же делать?

Беда молодых в том, что жить так, как они жили раньше, учась в школе или в техникуме, уже невозможно, а как жить иначе, неизвестно. Хочется чего-то нового, интересного, но чего? Вот и начинают жить «как все» — девушки стремятся выйти замуж, а парни пьют...

Конечно, сильные натуры, как Николай Дружинин, находят применение своим духовным устремлениям. Но находят ли они счастье? Допустим, поедет Николай туда, куда стремится, добьется своего, ну, а что впереди? Опять обыкновенное существование, от которого хотел уйти?

Наиболее счастливы те, кто принимает действительность такой, какова она есть. Те, кто спокойно повторяет жизнь своих родителей, идет по тому же кругу и не считает, что надо жить как-то иначе. Ведь человеку с высокими идеями труднее жить, потому что окружающая посредственность во что бы то ни стало старается втиснуть его в свои узкие обыденные или даже мещанские рамки. А человек бездуховный, живущий по обстоятельствам, всегда может заявить: его жизнь как на ладони. Например: накопил — купил, напил — подрался. Последователи всегда найдутся, раз есть многочисленные примеры для подражания. А много ли лю-

дей, живущих идеями? Из своего окружения я могу назвать лишь двоих, возможно, есть и еще, но я их не знаю, ведь они никак не выявляют себя.

Лидия ГИЗ,
г. Куйбышев,
Новосибирская область.

Путь к идеалу

Как жить? Каким быть? Эти вопросы волнуют и будоражат душу.

Вот Ю. Качалин. Он живет по инерции старых привычек, традиций, взглядов. Они, как путы на ногах, мешают нам ускорять шаг. Это «ржавчина», но устранить ее одним ударом, конечно, нельзя. Она будет «очищена» и изжита в процессе строительства новых отношений между людьми, при большой работе по духовному изменению и обновлению человека.

И такое обновление происходит на наших глазах. Человек, мыслящий с позиций высших, — это Н. Дружинин. Он мечтает быть революционером. И это созвучно духу времени, нашему укладу жизни.

Сегодня, говоря словами В. И. Ленина, всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером. Революционером в труде, в науке, в культуре. Быть новатором, бойцом. И таких людей в нашей стране великое множество.

«Есть только две формы жизни: гниение и горение», — говорил Максим Горький. — Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую».

Человек должен гореть, должен жить высокой идеей. Идеал — это цель, мечта. Но идеал, как в фокусе, вбирает представление о смысле жизни и позволяет видеть будущее в настоящем, каждодневном. Движение к идеалу и есть жизнь со всеми ее противоречиями, неизбежными проблемами, недостатками и неудачами.

Вспомним слова Маркса и Энгельса: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». В этом диалектика жизни.

Человек ищет красоту. Через страдания и борьбу он добивается радости, счастья. Поистине красив человек труда, красив душой, умом, пониманием величия наших задач, красив своими делами, своим активным участием в борьбе.

Много лет посчастливилось мне работать вместе с Иваном Михайловичем Виноградовым. Это удивительный человек. Открытый, принципиальный, кристально чистый, правдивый, простой. Я проникся к нему глубочайшей симпатией. Он прошел большую жизненную школу. Был на разных участках партийной и хозяйственной работы, ныне начальник отдела Госплана РСФСР.

Для Ивана Михайловича общение, беседы, наблюдения — как хлеб и воздух. Он любит людей, умеет видеть каждого человека в отдельности, вежлив, доброжелателен, искренен, слово у него не расходуется с делом.

В годы Великой Отечественной войны Иван Михайлович — политкомиссар части, проявил мужество и героизм. Был в разведке, в сложных условиях добывал

«языков». Не случайно солдаты называли его «отцом разведки».

— На фронте, — говорит Виноградов, — как и все советские люди, я выполнял свой долг. И в мирных условиях надо честно трудиться. Ведь сейчас мы живем в героическое время — строим коммунизм. Впервые в истории. Когда-то об этом только мечтали, а теперь это — дело практики.

Для меня идеал человека — боец, — сказал в заключение Иван Михайлович. — Не терплю равнодушных. Эти люди легко перерождаются в мещан, в жестоких эгоистов, деляг. Болезнь равнодушия — пожалуй, самый опасный людской недуг. Тут требуются большие общие усилия. Даже Качалина и качалинцев можно и нужно перевоспитывать.

Владимир РУДНЕВ,
пропагандист,
Москва.

Выбираю неуют

Наверно, как и все, в юности я много думала о вопросах, которые поставил Диас Валеев. Главное в его статье — проблема выбора. Уверена, что до конца дней эта проблема существует и встает ежечасно, ежеминутно перед человеком.

Кажется, это сказано про душу ребенка — «чистая доска», а речь у нас идет отнюдь не о детях: в 16 лет человек получает паспорт, он уже полноправный гражданин. О своем пятилетнем малыше мама радостно сообщает: «Он у нас все понимает». Почему же в 16 лет о нем же говорят: «Глуп еще, подрастет, поймет»?

Душу юноши или девушки я бы сравнила не с чистой доской, а с лакмусом, который выявляет противоречия нашей жизни. Душа молодого человека — это пока еще ничем не замутненное зеркало человеческих отношений; молодежь еще не научилась искусству компромисса и лицемерия.

Прежде чем осуждать, посмотрим на себя: «А судьи кто?» Все ли мы честны, принципиальны и добры? Нет, к сожалению. Вот где корень зла!

Ложка дегтя портит бочку меда — известная истина. Чтобы драться за молодежь, за будущее, надо безжалостно вытравить недостатки, которые мешают нам жить: хамство, разгильдяйство, взыточничество, очковирательство. Нужно непримиримо бороться с нарушениями советских законов, с нарушениями трудовой дисциплины, ибо это благодатная почва для ростков зла. Давайте сделаем нашу жизнь чистой!

Думаю: откуда возникла эта «бродячая идея» легкой жизни? И прихожу к выводу: люди, испытавшие страшные трудности, сами подбрасывают эту мысль своим детям. Не потому ли многие молодые люди не стыдятся тратить родительские деньги не только в 16, но и в 20, а то и в 30 лет?

А легкой жизни не бывает, ее просто не существует в природе. Каждый рано или поздно это поймет. Чем раньше, тем лучше. Обидно, если вся жизнь пройдет в погоне за миражами. Жизнь слишком коротка, чтобы расточать ее бездумно, только на себя. С таким

БЫТОК

расточительством неизбежно приходят скука и пресыщение.

У многих молодых людей сложилось убеждение, что они могут претендовать на все лучшее, на все готовое. А готового ничего нет, необходимо самому отыскать свое место в жизни, создать себя и выстрадать в поте лица.

Человек рождается дважды: сначала физически, потом нравственно. А часто получается так, что мама и папа устраивают жизнь подростка сына, дочери. Но разве от жизни кого закроешь, уберечь? Она настигнет каждого. Кем-то сказано, что есть дела, которые нельзя поручать другим. Жизнь тоже нельзя поручать другим. Ты ее делаешь сам. Сотвори себя Человеком!

Можно быть личностью и казаться ею. Люди раскрываются перед теми, в ком они не чувствуют превосходства. Все броское, вызывающее привлекает лишь внимание, но не интерес. Из собственного опыта знаю: чем человек умнее, тем он проще и доступнее; амбиция — маска глупцов, шелуха все равно слетит. Можно не выделяться из «толпы» и иметь собственное мнение, а можно, красуясь собой, быть «как все» — это и есть «стадный» конформизм.

Мне не совсем понятен тряпичный бум, разговоры о котором захлестывают молодежные газеты и журналы: модная одежда, стереоаппаратура, записи, ансамбли... Кажется, многое здесь надумано, такой «углубленный» подход к молодежным проблемам запутывает, дезинформирует. Молодость не может жить без музыки, песен, танцев, стремления быть красивым. Бабушки тоже натерли туфельки мелом и надевали белые носочки. Надо радоваться, что мы можем позволить себе такую роскошь, как разводить дискуссии о моде.

Главное — не запутаться в тряпках, потому что в нашем непростом и яростном мире молодой человек, думающий только о вещах, и жалок и смешон.

Жизнь — борьба. Каждый знает это крылатое выражение, но понимать его можно по-разному. Для кого-то это борьба за престиж, за материальный достаток, за сытость желудка. Такие в борьбе идут по головам и часто в житейском смысле кое-чего добиваются. Их цель — брать от жизни все. Другие — равнодушие «премудрых пескарей», плывущих по течению, всеядных и аморфных. Их цель — лишь бы физически сохраниться. Эта категория особо опасна, потому что замаскирована, потому что равнодушна до предела, из таких «пескарей» выходят предатели.

Но человек живет не сам по себе, он существо социальное, поэтому жизнь — это борьба идей, борьба жестокая, непримиримая. Недаром же гений Достоевского представил мир как всеобъемлющую битву добра и зла, а поле этой битвы — сердца людей. А наш, современный мир? Где добро? Где зло? Согласно какой идее жить? Ответить на это очень непросто. Зло многолико и тоже умеет побеждать не только в частном случае.

Научить бороться должна школа. Но, к сожалению, в школе мы учимся в лучшем случае рассуждать, но плохо учимся думать.

В современном мире, мне кажется, можно жить только на двух полюсах: если ты равнодушен — ты против нас.

Равнодушие — не просто не заметил, не сказал, отвернулся, не помог; это позиция, имеющая свою философию. «Не можешь» и «не хочешь» — вещи разные. Равнодушие — ледяная, неуязвимая крепость, разрушить которую может лишь страдание и сострадание.

Вспоминаю разговор со знакомым, он эрудит, интересуется йогой и индийской философией. Было так: требовалось помочь незаслуженно обиженному человеку. «Эрудит» предпочел остаться в стороне. Свою позицию он обосновал с помощью индийской философии: она, дескать, учит — не вмешивайся, если у ближнего неприятность, горе. Он наказан... Если же ты примешь участие в его делах, вина перейдет и на тебя, ты тоже будешь наказан. «Что же, — спросила я его, — ты проповедуешь открытое мещанство?» «Да, — ответил он, — я за мещанство. Это такой слой общества, который выживает в любых условиях и дает потомство. А герои погибают, они одиночки, и после них ничего, кроме легенды, не остается».

Бороться за справедливость тяжело, иногда это подвиг, иногда — вся жизнь. Не каждый обладает достаточной стойкостью, кто-то отступит, кто-то приспособится. Но ведь прогресс человечества есть преобладание сил добра над силами зла. Быть равнодушным не значит при каждом удобном случае вмешиваться в чужие дела. Оглянитесь вокруг — имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит. Чем живет твой ближний — отец, мать, друг, сосед? Чем люди живы?

Вспоминаются плакаты: «Родина-мать зовет», «А ты записался добровольцем?». Сейчас хочется видеть везде плакат-напоминание «А что ты сделал для защиты мира?». (Может быть, стоит объявить конкурс на создание такого плаката среди молодых художников?)

Нет, корчагинские времена не прошли!

Любовь ВЕДЕРНИКОВА,
г. Горький.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Каждый ли способен преодолеть себя, те жизненные обстоятельства, которые сковывают развитие личности? Где найти силы, чтобы, несмотря на преграды и потери, идти к идеалу? В каких делах наиболее полно проявляются сегодня высокие идейные устремления человека? Помогает ли определению вашей жизненной позиции участие в общественной работе, в жизни комсомольской организации?

Эти вопросы, затронутые в опубликованных письмах, волнуют всех нас. Ответить на них непросто, да одному человеку это, пожалуй, и невозможно. Вот почему важно и интересно мнение каждого.

Как бы вы ответили на эти вопросы? Какова ваша точка зрения?

Дискуссия продолжается. Ждем писем, дорогие друзья.

Прежде чем подвести итоги этого конкурса, напомним читателям, что с 1964 года по 1975-й «Смена» определяла одиннадцать лучших дебютантов чемпионата СССР по футболу путем опроса специалистов и обозревателей. По просьбе читателей в прошлом году традиция была возобновлена, однако с существенным нововведением: лучших дебютантов определяли сами читатели журнала — любители футбола.

И вот подчитаны их голоса и определена команда лучших дебютантов чемпионата СССР. В нее вошли:

вратарь — **Вацлав ЮРКУС** («Жальгирис», Вильнюс); защитники — **Евгений МИЛЕШКИН** («Спартак», Москва), **Вальдас КАСПАРАВИЧИУС** («Жальгирис», Вильнюс), **Владимир ПАРХОМЕНКО** («Шахтер», Донецк), **Сергей ПУЧКОВ** («Днепр», Днепрпетровский);

полузащитники — **Олег АЛЕКСЕЕНКО** («Динамо», Минск), **Стасис ДАНИСЯВИЧИУС** («Жальгирис», Вильнюс), **Валерий ЧЕРНИКОВ** («Динамо», Киев); нападающие — **Яго ЖОРЖИКАШВИЛИ** («Динамо», Тбилиси), **Юрий ТАРАСОВ** («Металлист», Харьков), **Сигитас ЯКУБАУСКАС** («Жальгирис», Вильнюс).

Наибольшее количество читательских голосов получили Якубаускас — 314, Милешкин — 305, Юркис — 296 и Каспаравичюс — 236. Самый старший из дебютантов — вратарь Юркис, которому в прошлом году исполнилось 30 лет. Самые молодые — Пучков и Черников, им по 21 году.

В определении одиннадцати дебютантов приняли участие более тысячи читателей журнала, приславших нам свои открытки с именами футболистов. 15 читателей правильно определили тех

игроков, кто вошел в состав символической футбольной команды дебютантов 1983 года. Эти читатели и стали победителями. **А. Зиновьев** (Рига), **Н. Багдасаров** (Ставрополь), **В. Иванов** (Мурманск), **В. Михалев** (Ступино Московской обл.), **А. и Л. Пятыхины** (Арсеньев Приморского края), **К. Решетов** (Канск Красноярского края), **Л. Шницер** (Жилево Московской обл.), **Ю. Тюрин** (Тула), **С. Данченко** (Бердянск), **А. Горчаков** (Тула), **А. Ананьев** (Харьков), **А. Струков** (Люберцы Московской обл.), **С. Сверкунов** (Куйбышев), **М. Пронин** (Москва).

Дипломы «Смены» получают 20 читателей, которые верно назвали десятерых дебютантов: **В. Науменко** (Воркута), **А. Неделько** (Москва), **В. Ульянов** (Нельск Псковской обл.), **П. Чепарухин** (Тюменская обл.), **И. Брунец** (Львов), **А. Барашкин** (Брежнев), **А. Барский** (Николаев), **О. Васильев** (Москва), **С. Вассерман** (Флорешты), **Б. Джамаев** (Ташкент), **И. Кузев** (Кишинев), **С. Захаренко** (Канск Красноярского края), **С. Мошкин** (Дзержинск Донецкой обл.), **Д. Маккаев** (Москва), **В. Яшан** (с. Серафинцы Ивано-Франковской обл.), **А. Соколов** (Москва), **А. Стульник** (Кишинев), **А. Орлов** (Суджа Курской обл.), **К. Кичигин** (Глазов), **А. Мальков** (Великие Луки).

Напоминаем, что каждый читатель в течение футбольного сезона может присылать неограниченное количество открыток с пометкой «11 дебютантов», называя в каждой открытке одного, двух, трех; но не более одиннадцати понравившихся ему игроков, тех, кто, по мнению любителей футбола, достоин войти в число лучших дебютантов.

ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН

«Мне очень нравилась наша пара фигуристов Черкасова — Шахрай. Из газет узнала, что Сергей Шахрай перешел на тренерскую работу. А какие планы у Марины? Увидим ли мы ее снова на льду?»

Н. ИЩЕНКО, Херсон».

Марина Черкасова, экс-чемпионка мира по фигурному катанию:

— Увидеть меня на льду можно: я теперь артистка Московского балета на льду. В наших программах катаюсь и с партнерами и одна: в балете нет разделения на «одиночников» и специалистов парного катания. Работать очень интересно. Танцы разнообразны — как по характеру, так и по музыкальному сопровождению. С удовольствием тружусь и на тренировках, правда, теперь они у меня называются репетициями. Все лучшее, что было мною «выучено» для спортивных программ, вошло сейчас в артистический репертуар. В балете есть, конечно, свои особенности и сложности, но, честно говоря, здесь легче, чем в спортивном катании: нет обязательных элементов, ограниченный во времени, придирчивого судейства.

Помимо выступлений и репетиций, много времени уделяю учебе в институте физкультуры. Так что и со спортом, как видите, не расстаюсь. Ну, а кроме коньков и учебы, свободное время поглощает музыка: классическая и современная, в зависимости от настроения. Стану ли тренером, пока не знаю. Сейчас план один: выступать как можно дольше, ведь это — мое любимое занятие, а теперь и любимая работа. Недаром говорят, счастлив человек, чье увлечение стало его делом.

«Я слышала, что в некоторых странах появился женский футбол, разыгрываются турниры, чемпионаты, в том числе и международные. А будет ли развиваться женский футбол у

нас? Может ли девочка любить футбол по-настоящему? Прошу ответить кого-нибудь из известных футболистов.

Галля Л., г. Элиста».

Геннадий Логофет, мастер спорта:

— Галля не совсем права в том, что женский футбол только что появился. Попытки организовать команды и провести турниры делались уже давно, и не только за рубежом. Хотя в некоторых странах проводятся соревнования, как правильно пишет Галля, даже есть и международные турниры, все же пока это лишь эксперименты. Мое же твердое убеждение: футбол — игра не для женщин. Это агрессивный силовой вид спорта, в нем неизбежны жесткие единоборства, возможны и нередки травмы. Нужно ли это женщинам?

Любой девушке я бы посоветовал в первую очередь заняться художественной гимнастикой. Вот где царствуют пластичность и грация! Впрочем, о вкусах не спорят, и женщины занимаются множеством самых разных видов спорта, в том числе и такими, которые требуют мужества, смелости, ну, скажем, парашютный или авиационный спорт.

Футбол же как зрелище, по моему, женщины вполне могут любить по-настоящему. Раньше на трибунах стадионов бывало немало женщин, сегодня же приходят на матчи единицы, в чем легко убедиться, сравнив кадры кинохроники пятидесятых годов с нынешними телевизионными. Может быть, это из-за того, что футбол тех лет был, так сказать, более романтичным, а нынешний — излишне рационален. Я уверен: чем ярче и красивее будут играть наши мастера, тем больше зрительниц прекрасного пола увидят они в качестве своих болельщиц на трибунах. А Галле еще раз посоветую: любите футбол, занимайтесь спортом, но все же лучше не футболом.

Евгений Осетров. Московским утром, когда только-только занимался рассвет, я шел пустынной московской улицей. На моем пути оказались школы, в которых проходили, точнее, заканчивались, выпускные торжества-радости десятиклассников. Вчерашние школяры встречали зарю последний раз в школьных стенах, оставляя позади детство и отрочество... И первая и вторая школы буквально сотрясались от звуков музыки. Впрочем, была ли это музыка? Скорее, какой-то невероятный шум, издаваемый устройствами, для этого приспособленными. Не было слов, не было музыки, а сотрясение воздуха.

Разумеется, юнцам было весело гулять и под эти звуки. Но я в душе их как-то пожалел: а где же песня? Где мелодии, остающиеся потом в памяти.

выкрик вместо **напева**? А вместо всего остального голый (причем не оригинальный) ритм, знаете, точно оголенный пляшущий электрический провод, такой ритм... С этим явлением приходится встречаться последние 10—15 лет. В этот период такого рода песенный вал, принимая некий тотальный характер, шел по нарастающей кривой, не знаю, возможно, пик даже прошел? Некоторые люди переносили это наваждение болезненно, считая, что вообще вся песня стала такой. И это подавляло. Ведь если такого рода «песни» широко поют молодые люди, то это все-таки что-то должно выражать, даже если в самой песне нет сколько-нибудь разумного содержания.

Однако наряду с бессмысленными музыкально-словесными выкриками существует и сейчас прекрасная, умная, сердечная, мелодичная песня, не только старинная или прошлых лет, но и нынешняя. Правда сейчас она, честно говоря, не царствует, находится как бы в

евич Исаковский всю жизнь создавал песенную лирику. Постоянно он задумывался над тем, что слушает и поет народ. Более того, все наши встречи, а они десятилетия были постоянными, никогда не обходились без разговора о песне. Народность, по мысли Исаковского, тесно, можно даже сказать, неразрывно, связана не только с распространением в народе, но и с протяженностью во времени. Сегодня все могут петь какую-нибудь песню, и есть соблазн объявить ее (что и делается) народной, но — увы и ах! — завтра ее будут помнить лишь немногие, послезавтра — никто... А подлинный фольклор, постоянно утверждал Исаковский, не является «однодневкой», он существует довольно долгое время. С этим нельзя не согласиться. Если взять, например, пословицы, то многие из них существуют не только целые десятилетия, но даже столетия. Да и песня тоже... И в этом смысле путь песен, обретавших одновременно популярность, со временем

ческого образа. За этим строго следили сами мастера, на это указывали. Что же произошло? Возможно, потеряв свое прежнее генеральное значение, песня утратила и строгих мастеров? Не только для самостоятельных авторов — а их теперь стало тысяча, особенно с возникновением вокально-инструментальных ансамблей, — но и для профессионалов, кажется, перестало существовать это чувство ответственности за оригинальность, самобытность мелодии и слова. В связи с этим во многих случаях больших мастеров сменили мелкие, безличностные жучки-текстовики и поставщики «музычки», этикие процветающие карлики, умеющие прямо на ходу стащить понравившуюся строчку или музыкальный оборот у другого. На клейме таких жучков-карликов не слово «самобытность» значит, а «чем пошлее, тем лучше». Их неутомимая массовая деятельность привела к укоренению в песенном мире так называемого «торгового направления», того самого направ-

ВЕРНУТСЯ МЕЛОДИЯ

ДИАЛОГ КРИТИКА И ПОЭТА.

Приходилось ли вам, Владимир Яковлевич, сталкиваться с подобными явлениями, когда слова и музыка вытесняются оглушительной какофонией, сумбурным нагромождением звуков?

Владимир Лазарев. К сожалению, приходилось, Евгений Иванович, как всем живущим в современном мире людям. Даже очень занятым, погруженным в серьезное дело, вообще весьма далеким от увлечения эстрадной песней. Скажем, есть люди, которые свободное время отдают хоровому искусству, любят слушать народные песни, камерные произведения, классическую оперу — находят в этом радость и отдохновение. Есть ревнители консерваторских концертов, самозабвенные ревнители симфонической и фортепьянной музыки, ораторий, вокальных циклов, получающие от всего этого высокое наслаждение, радость... Для таких громкие имена многих эстрадных звезд — пустой звук; они их попросту не знают, на концерты их не ходят, по телевизору не смотрят — не слушают. Я это к тому говорю, что даже такие люди не в силах минимизировать громокипящую вокально-инструментальную смесь, о которой вы говорили. То она обдаст вас из открытого окна соседней квартиры, то в парке из проплывающего мимо транзистора или походного магнитофона, то догонит в вагоне поезда... Одним словом, встречи не избежать!.. Волей-неволей начинаешь прислушиваться и чаще всего приходишь в ужас от бессмыслицы, безмелодичности этих музыкально-словесных образований. Скажем, в песне случается мелодия неоригинальная, так слова выручают. Или наоборот. Добро бы так было, а то ведь в целом ряде современных эстрадных песен ни слов, ни мелодии нет, ни даже какого-либо общего смысла: расхлябанная, искусственно взвинченная музыка, в которой мелькают отдельные плохо связанные друг с другом слова. А не слишком ли много это для одного, условно скажем, произведения, когда в нем нет ни мелодии, ни пластично звучащих слов, ни сколько-нибудь здравого смысла? Что это за песенный язык, в котором

полутени, но существует. Бытует и то и другое. Это как бы сосуществующие стихи. Причем надо сказать, что назойливая, кричащая, безмелодичная песня агрессивна, наступательна, самоуверенна. Что это за стихия? Я соотнес бы ее со стихией неумеренного поклонения некоторым подросткам популярным видам спорта. Знаете, наверно, появились такие фанаты спорта, пишущие на заборах названия команд, за которые болеют. Такого рода стайные группировки образуются и при песнях-выкриках. Это своего рода также «фанаты» (так они себя сами именуют).

Евгений Осетров. Но я видел однажды на рассвете и другое. Семьями — дедушки, бабушки, отцы, матери, тети, дяди вместе со стайками современных молодых людей — шли по улице, провожая сыновей в армию. Юноша покидает отчий дом... Проводы всегда большое событие — и до Великой Отечественной и, конечно, во фронтовую годину, и они всегда были связаны с песнями. Они неизбежны, они — обычай. И я заметил, что толпы провожающих чаще все-таки поют песни, которые я бы назвал традиционными. Я слышал, как пели «Катюшу»: «Ой туманы мои...», «Раскинулось море широко...». То есть не надо думать, что музыкалоподобная чепуха полностью вытеснила из народного быта настоящие музыкально-литературные явления. Я бы даже не сказал, что возникла ситуация музыкально-литературных сумерек. Нет, песня жива. Но то, что происходит агрессивное наступление антипесни на песню, несомненно. Хотя, может, нельзя не согласиться с вами в том, что в какой-то степени девятый антипесенный вал миновал.

Владимир Лазарев. Я думаю, что мы с вами и собрались здесь потому, что оба занимаемся исследованием песни, а я сам хоть и нечесто, но все-таки пишу стихи, которые становятся песнями. И вместе с тем мы встретились не для того, чтобы давать рецепты. Наша задача носит скромный характер: поразмыслить о характерных чертах нынешней песни.

Евгений Осетров. Михаил Василь-

расходился: одни так и кончали жизнь на эстраде или даже продолжали жить на эстраде, другие становились воистину народными, укоренялись. Этому-то направлению полностью и отвечает творчество Исаковского.

Владимир Лазарев. Мы не будем давать те или иные рецепты; есть настоящая необходимость еще раз пристально взглянуть в существующую проблему и поразмыслить о некоторых характерных чертах возникновения и бытования современной песни. Поразмыслить вслух. Повторю, не поучать и не спорить даже, а искать разъяснения прежде всего для себя, искать правду. В этом, как я понимаю, зерно, корень нашего разговора. И вот, знаете, я продолжу вашу мысль, если говорить о прежних годах, то есть о военном и послевоенном времени, то можно и даже необходимо обозначить такой феномен, как общепризнанная массовая советская песня. Песня каким-то единым дуновением охватывала миллионы людей, становилась дорогой для людей разных возрастов, профессий, разной образованности. Такая массовая песня как бы сама в себе заключала массовую информацию: от приказа до заклинания, от прощания на вокзалах до наказа, заветного слова, обождения верно ждать, до надежды встретить живым... Итак, такого рода песни — многие из них можно припомнить — сами были как бы средством обобщенной массовой информации, переходящей из вагона в вагон, от окопа к окопу... В таких условиях песня обретала некий генеральный смысл и значение. И при этом в лучших своих образцах она была неким цельным организмом, где и слова и музыка обладали определенным неповторимым очарованием. Такая песня требовала мастерства, оригинальности, личности творца. Мне приходилось не раз беседовать со многими корифеями песенного жанра (а с иными из них и работать в творческом союзе). Раньше было так, я помню: мастера всегда искали неповторимый мелодический и поэтический обороты. Ценились непохожесть, свежесть, незаемность музыкально-поэти-

ления в литературе, против которого страстно выступали еще Жуковский, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок... С «торговым направлением» в песенном мире справиться и в наши дни трудно, но противостоять ему надо постоянно.

Песня очень сильно связана с тем или иным состоянием среды, в которой она бытует. Об этом не следует забывать. Сейчас, мне кажется, та массовая песня, которая в нашем сознании адекватна таким песням, скажем, как «Соловьи» или «Одинокая гармонь», вроде бы вовсе перестала существовать? Что же, массовая песня зашла в тупик?

Сейчас и у бардов явно песенный спад; по стране разгуливает стихия ВИА-песни, о чем говорилось выше. Меня недавно в поезде по дороге в Москву преследовала повторенная несколько раз, исполненная ненатурально-гнусавыми голосами любовная песенка, все содержание которой сводится к следующему: была бы Земля не круглой, а плоской, мы сразу узнали бы — разглядели друг друга. Мы вот беседуем с вами, а она вертится — имею в виду не Землю, а эту самую песенку, герой которой мечтает о «плоской Земле». Подобного рода изделий сейчас появилась тысяча. Нет, что ни говорите, это все-таки тупиковое состояние.

Вы вот хорошо знали Михаила Васильевича Исаковского, многие стихи которого стали народными песнями. Было бы бесполезно всем нам вспомнить сейчас его отношение к песенному жанру.

Евгений Осетров. Без лирики Исаковского у нас не обходится ни один праздник. В этом смысле он сопоставим, пожалуй, только с Алексеем Кольцовым. Опыт Исаковского — драгоценное достояние. У Исаковского имеется многочисленная переписка с любителями песни. Он годами писал трудовым людям, далеко не всегда оставляя копии. И потом он много записей делал в книжках, которые мне не раз читал.

Владимир Лазарев. Мы опубликовали в третьем номере «Дня песни» (есть такой ежегодник!) высказывания о мас-

совой песне Дмитрия Шостаковича. Как важно в наши дни напоминать о том, что думали и творили мастера!

Евгений Осетров. Михаил Васильевич Исаковский постоянно переживал за состояние и достоинство песни, хотя в шестидесятые — семидесятые годы положение еще не было в такой степени напряженным.

Одна певица в Западной Европе гастролировала в различных странах и снискала себе имя. Она и теперь исполняет песню, которая пользуется особым успехом. Что это за песня? Это действительно песня без слов, хотя слова вроде бы в ней есть. Я попросил перевести, что она произносит в микрофон. Дива выходит на эстраду, раздаются ударные звуки, и она раздельно выкрикивает слова. В переводе это означает полный перечень месяцев: январь, февраль, март и т. д. Все! Говорят, что в этом есть много смысла, работает подтекст, но забывают, что подтекст возникает только при наличии текста.

зилось в определенный момент времени? Разуверенность молодых людей в мелодичности, в слове, если говорить в мировом масштабе, а здесь мы имеем дело, на мой взгляд, не только с отечественным, но и с мировым явлением. Может быть, само песенное слово в чем-то скомпрометировало себя, а не только плохи новые вкусы? Вот в чем вопрос, и притом серьезный. Ведь примеры, которые мы с вами приводили, не единичны. Они, как говорится, в воздухе носятся. Тысячи полуграмотных, мягко говоря, самовыражений.

И вот меня беспокоит: есть ли в этом отзвук некоего разочарования молодых душ, не подготовленных к трудностям жизни? Или здесь сказалась в какой-то мере тяга новых молодых к скоморошеству, к пародированию серьезных чувств — стремление, неудачно выраженное, разумеется?

В развитие предыдущей своей мысли хочу сказать, что в определенной среде молодежи — и, надо признать, в доста-

зыкальной стороны — дело неизбежное и необходимое. У нас много солнечных кладовых. Надо сказать, что нечто подобное было предпринято в самом начале века, когда возник Митрофан Пятницкий, которым некогда восхищался В.И. Ленин. Тогда ходили разговоры, что возникли на селе и в фабричной среде частушки, которые вытеснят и погубят песню. Даже появился трактат, озаглавленный «Конец песни». Митрофан Пятницкий создал русский народный хор, которому удалось в переломную пору сделать многое. Мы еще не оценили вклад Пятницкого в отечественную культуру. Появление песен Исаковского было неразрывно связано с деятельностью хора имени Пятницкого, с именем его многолетнего руководителя Владимира Захарова. В наши дни появилось в Москве такое глубоко своеобразное явление, как фольклорный коллектив Покровского, выступающий с огромным успехом: его принимают все, и старые и молодые. О многом в подходе

вал частушки на Смоленщине. Их напечатили в послевоенном Смоленске. В свое время мы обменялись книгами.

Частушка у нас, на Владимирщине, в послевоенную пору широко бытовала. Но на Владимирщине есть и другое. Под Ковровом сохранилось многоголосое хоровое пение без сопровождения инструментов. Им некогда восхищался композитор Танеев. Почему оно так мало известно?

На Владимирщине я еще застал сказительницу Елену Васильевну Волкову, записал ряд сказов и песен с ее слов. И я знаю, что, когда Твардовский эту книжку увидел, прочитал ее, он попросил привезти бабушку Олену на встречу с молодыми писателями. Песенница-сказительница рассказала о жизни, как она во время войны ездила в район Курской дуги и там выступала перед теми, кто уходил в бой. 9 Мая, в День Победы, из Москвы за ней приезжали для того, чтобы она выступила на Красной площади: пела старинные пес-

И В ПЕСНЮ И СМЫСЛ?

А ЧТО ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОМ ВЫ?

В Тбилиси друзья меня пригласили в ресторан, чтобы «блеснуть» грузинским гостеприимством. Но никакой разговор оказался невозможен, потому что оркестр создавал бессмысленный шум, и только по движению губ можно было понять, что говорит собеседник. В таком же положении были все окружающие. Собралось общество, но общество должно общаться, а разговаривать было невозможно. И даже танцы проходили сами по себе, а музыка эта — сама по себе.

Владимир Лазарев. Что это такое? Разуверенность молодых людей в слове? Может, слово скомпрометировало себя? Что это за глухонемая песня?

Евгений Осетров. В этом я с вами, пожалуй, не согласен.

Начнем с того, что современная идеологическая действительность снабдила слово глубокой информативностью и глубоким смыслом. Последнее время периодика подчеркивает, что воспитание художественного вкуса не кратковременная кампания; задуманное требует длительного претворения в жизнь. Произвести перемены во вкусах одним махом невозможно. «Пора эстрады» искажила представления о том, какими должны быть поэзия и музыка. Многолетняя работа с различными и умелыми подходами может дать богатые плоды.

Здесь я бы вспомнил, что было сказано несколько лет назад, запечатлев собой эпоху:

В глубинах мирозданья слышу слово —

*Его еще никто не смел найти,
С невыносимой маетой немого
Я вслух его хочу произнести...*

Песня и жизнь связаны неразрывно. **Владимир Лазарев.** Вот и задумываешься: что это такое? Естественный кризис жанра? Многократная использованность, захватанность однозначных тем, слов, мелодий и потому недействительность на чувства слушателей... Эта утраченная свежесть чувств и мыслей не может и не рождает в нас душевный отзвук. Песня, созданная механическим образом, не становится родной многим, не роднит людей... Что же в этом выра-

точно широкой среде — в течение ряда лет происходил, да и сейчас происходит, некий внутренний процесс разрушения эстетических ценностей. Другими словами, существует некая болезнь. Отмахнуться от нее невозможно, в противном случае мы коснемся проблемы поверхностно... Что сопутствует этой болезни? (Повторяю: разочарование в упорядоченном слове — как отражении жизни? Разочарование в мелодическом рисунке песни?) Неумение выдержать длительное восприятие духовной информации, всегда нелегкой для неподготовленных. Что это? Броситься вниз головой, образно говоря, чтобы разрушить художественный канон, глубокую традицию? Дать разгул безвкусице?! Но ведь это в конечном счете приводит к разрушению восприимчивости души.

В противодействие этому процессу может быть направлен (как некое благотворное врачевание) характер творчества подлинных мастеров. И тут важен характер мастера. На таких, как поэт Исаковский, никакая взбесившая стихия низкопробного искусства не влияла; ни в каком роде она не влияла и не может повлиять, скажем, на композитора Георгия Свиридова. Но есть, к сожалению, известные мастера — разумеется, ниже рангом, — которые поддаются искусству быть популярными во все моменты быстротекущей жизни. (Один из характерных признаков «торгового направления» в искусстве!) Такая бесхарактерность, нестойкость иных профессионалов играет далеко не последнюю роль в процветании пошлых вкусов, в распространении песенных поделок.

Между тем существуют подлинные кладовые поэзии — перефразируя М.М. Пришвина, — скажем, солнечные кладовые истинной поэзии, подчас почти не тронутые. Это можно сказать о поэзии А. Прокофьева, Н. Рыленкова, Н. Рубцова, А. Жигулина... А какие возможности для вокальной музыки заключены в поэзии Николая Заболоцкого.

Есть же солнечная кладовая стихов! **Евгений Осетров.** Мы подошли к основе основ. Постигание поэтов с му-

Покровского к фольклору можно спорить, но несомненно одно: он показывает современное состояние песни, бытующей в давних песенных гнездах России. Старинное пение отлично пропагандирует ансамбль «Мадригал».

Владимир Лазарев. Частушка не только не мешает, а, наоборот, помогает. Сейчас эти огненные частушки берегают крепкие, ядреные, незахвачанные слова, которые ушли из массовой песни. Частушка — одно из драгоценных сберегательных явлений нашей словесной культуры.

Евгений Осетров. Здесь я хотел что сказать, что произошло открытие музыкально-песенных областей страны. Пятницкий некогда совершил свой решительный поворот, опираясь на воронежскую народную песню. Нечто подобное делает Покровский.

Владимир Лазарев. Вот и Мария Николаевна Мордасова — воронежская. Лучшие ее частушки берегут самородное слово. Хочу добрым словом отметить и Юлию Евгеньевну Красовскую, многие годы собирающую, записывающую былины печорского края... Наслаждение доставляют былины, когда их исполняют Красовская вместе с потомственным сказителем И. Чупровым.

Евгений Осетров. Я хотел сказать, что в песенно-музыкальном отношении должна быть открыта владимирская земля. Она сберегла изумительное зодчество — это наша русская античность. Но во владимирском крае от времен Андрея Боголюбского сохранились рожечники. Перед первой мировой войной был создан коллектив рожечников, он выступал в Париже и имел большой успех. Рожечники, появившись в Нижнем Новгороде, вызвали восторг Максима Горького. Их любил композитор А.П. Бородин. Он много лет общался с владимирскими пастухами-музыкантами, что плодотворно «аукнулось» в «Князе Игоре». Владимирцы сохранили старинные мелодии, охотно исполняют и современные народные мелодии. На мою долю выпало счастье записать и выпустить в свет книжку владимирских частушек. Николай Рыленков записы-

ни и рассказывала свои сказы. Обращаясь к молодым поэтам, бабушка Олена пожурила их, что-де... они жалуются на житейские невзгоды, надо же все искать в себе. Эти слова потом цитировал Твардовский.

Владимир Лазарев. В моем сердце, например, живет тульская земля во всем разнообразии ее песенных родников. Напомню, что И. Сахаров, выпустивший в 1841 году «Сказания русского народа», — уроженец тульского края, что знаменитый собиратель народных песен, племянник поэта Жуковского, Петр Васильевич Киреевский тоже родом оттуда. Участники кружка Киреевского записывали песни от крестьян в трех уездах Тульской губернии: в Белевском, Новосильском, Черномском. Я не случайно назвал эти места (вы правы, необходимо по-настоящему открывать эти регионы!): в июне 1983 года на тульской земле прошли два незабываемых праздника — «Тургеневское лето» в Черномском районе и праздник поэзии, посвященный В.А. Жуковскому, у него на родине, в селе Мишенском Белевского района. Народные праздники, естественно, включили в себя соревнования сельских хоров: песни звучали в Мишенском и в Колотовке, и на Бежином лугу, над Окой и Снежедьей... Не так давно в Туле вышла примечательная книга «Свадебные песни Тульской области». Тут что важно? Важно само возрождение духа народной эстетики, народное отношение к жизни, к искусству. Это то поистине драгоценное зерно-сердцевина, о котором настоящие художники-профессионалы никогда не забывают. И дело вовсе не в повторении внешних признаков. Глубокая мысль Николая Карловича Метнера о том, что не копирование, а подлинное освоение народной традиции важно, творческая трансформация ее в своем неповторимом. В общем, эта мысль была близка и М.И. Глинке и М.П. Мусоргскому. И сейчас близка, как мы видим, нашему современнику Георгию Васильевичу Свиридову, композиторам его школы, скажем, ленинградцу Валерию Гаврилову... Замечательны песни и романсы

этих композиторов и, конечно, стоят резко в стороне от разбушевавшейся стихии антипесен, о которых мы говорили раньше.

Евгений Осетров. О многом надо подумать. Для меня дорого имя композитора Георгия Свиридова. Когда «Библиотека Всемирной литературы» выпустила составленный мной том «Русская поэзия начала XX века», то, по сути дела, были пущены в читательский обиход многие поэтические произведения, которые находились под спудом и долгое время не были доступны. Свиридов позвонил мне и попросил помочь достать ему этот том. Я из своих последних экземпляров подарил книгу Свиридову.

Опыту Свиридова, обращение к тому, что пережило время и что должно сегодня действовать, заслуживает поддержки и распространения. Ко многому следует обратиться и восстановить в законных правах.

В семидесятых годах в Перми была выпущена «Чердынская свадьба». Это, по сути дела, народная музыкальная опера. Если бы что-то из этих богатств удалось довести до новых поколений, это было бы большое дело.

Вы правы, что с песней произошло то же явление, которое произошло в нашей стихотворной жизни. Возникло стандартное домостроение, выходит в свет 9—10 стихотворных книг, которые сами по себе неплохи, но они, как стандартные дома, приспособлены к жизни и явлением культуры не являются.

Возникло явление, которое никогда литература не знала: стандартный лирический герой. Это единый герой многих стихотворных книг: у него хорошее детство, он любит свои березы, весну, осень, ходит в школу, почитает сверстников и учителей, куда-то едет, скачет о своих березках. Или отправляется в геологический поход, пишет письма возлюбленной, колыбельные куплеты...

Владимир Лазарев. Важно разобраться в существе вопроса. Поэт Николай Клюев, глубоко знавший народную культуру, в письме к Александру Блоку писал в начале века: «...народная песня всегда однообразна, действует не физиономией, не словосочетаниями, а какой-то внутренней музыкой». Заметим, что эстетика так называемого шлягера полярно противоположна этому, ибо шлягер действует прежде всего экстравагантной «физиономией». Два разных содержания жизни просматриваются за названными непохожестью художественного видения и выражения. Можно ли в один момент, пусть даже способно человеку, перестать сочинять ходкие пошлые песенки и начать писать, скажем, в духе Свиридова? Ни в коем разе. Тут одного усилия рассудка мало. Должно измениться содержание жизни творца на большом протяжении времени. И тогда, быть может, возникнет новое качество песни.

Несколько лет назад в разговоре о массовой песне в нашей стране мной было введено такое понятие, как песенная индустрия. Она и по сей день в какой-то мере существует. Сотни, тысячи песен сходят как бы с конвейера... На этот раз, для того чтобы объективнее разобраться в механизме этой песенной индустрии, не будем или почти не будем называть имен ее верных «рыцарей». Вот пример. Весьма популярный композитор написал в одной из вечерних газет так: «Успех песни превзошел все наши ожидания. По письмам слушателей, она стала чемпионом года». Спрашивается, что значит — «чемпион года»?.. Чемпион месяца?... Атмосфера накаляется, напоминая некие «тараканы бега». Самозвание авторов — постановщиков низкопробных шлягеров вырастает с невероятной скоростью, еще бы: чемпионы месяца! Чемпионы года! Эта атмосфера способствует и разномыслию вокруг некоторых эстрадных исполнителей поклонников-фанатов. Жаль, что и некоторые издания вместо того, чтобы без ненужного ажиотажа, как следует, спокойно разобраться по поводу того

или иного эстрадного явления (скажем, существуют же в общем потоке и талантливые, самобытные исполнители и высококлассные ВИА), устраивают на своих страницах своего рода гала-представления, отдавая под это целые полосы. В угоду какому вкусу? А чего стоят печатающиеся таблицы перемещений песен с места на место по месяцам?! Такое ощущение, что перед тобой некие листки «эстрадной биржи», где то и дело подсакаивают и падают цены на низкопробную по сути песенную продукцию. Рядом с этими таблицами помещаются материалы под рубриками типа «Музыкальный парад» и «Парад звезд эстрады». Таким образом, разгулявшаяся эстетика шлягера, найдя точку опоры, пытается «перевернуть мир», поставить его с ног на голову. И в данном случае иные издания, сами того, может быть, не желая, выступают как рупор маскульта. А маскульт всеяден и бесконечен в формах выражения пошлости. Недавно, например, многие города были заклеены афишами, извещающими о концертах мюзик-холла, посвященных 1500-летию основания Киева. На афишах из-под огромного славянского воинского шлема торчали полуголые, в красных чулках танцующие ножки — все из-под одного шлема! — участниц предстоящего представления. Типичная эстетика шлягера — завлекательная публичность... Так шлягерпропагандирует сам себя, но если всмотреться поглубже, то шлягер агрессивен: он спешит захватить и смежные области. Скажем, в славном городе Туле можно у кого-нибудь в гостях увидеть набор шоколадных конфет под общим названием «Ясная Поляна». Разворачивай, вкушай сладость... На первой же конфетной обертке — затейливая надпись: «Дом Волконского» и соответствующее изображение. Что-то не припоминают кондитеры в роду Льва Николаевича Толстого, не говоря уж о всем прочем. Бесцеремонная, бестактная, назойливая навязчивость «маскульта» вызывает отвращение и решительный протест у всякого образованного, хоть сколько-нибудь прошедшего через «воспитание чувств» человека.

Не всякое поле можно отдать под «посев» шлягера. Помните, у Ярослава Смелякова стихи:

*Должны быть все-таки святыни
В любой значительной стране.*

Евгений Осетров. Надо подумать о том, что делать дальше. В частности, о том, как необходимо улучшить преподавание литературы и музыки. Только вчера говорилось о том, что учебники и хрестоматии по литературе становятся год от года хуже. И я боюсь, что у нас дело пения в школе обстоит не очень хорошо. И здесь надо использовать опыт Свешинова.

Я вспоминаю свою учительницу пения в начальной школе. Она учила нас понимать Глинку и Чайковского, она знала много народных песен, и она учила нас петь.

И необходимо издать хорошие книги для школьников. Надо восстановить биографию песни. И, конечно, нужна песенная энциклопедия, которая заложит основы и сохранит лучшее.

Владимир Лазарев. Многие, разумеется, зависит от мастеров культуры, просветителей, учителей, библиотекарей, клубных работников. Важно каждому из нас иметь упругую пружину духовной жизни. Очень полезное в этом смысле, благое дело делает, скажем, музыкальный комментатор Ольга Доброхотова. Вечера в доме Неждановой, которые по телевидению ведет Доброхотова, непроизвольно воспитывают у слушателей высокий вкус... А вот досадный случай. Недавно я был в Мурманске и решил осмотреть областную научную библиотеку. Прекрасное новое здание, обширные книжные фонды. Но вот в читальном зале, в котором представлена литература по искусству, на рекламных стендах были выставлены пластинки с записями низкопробных эстрадных песенок, не имеющих никакого отношения к подлинному искусству. Я спросил

у библиотекаря, милостивой девушки в очках: «А разве к вам не поступили новые записи С. Рахманинова и Д. Шостаковича? А где романсы и хоры Г. Свиридова? Музыка А. Эшпая и Е. Доги? Народные песни, лучшие сочинения современных композиторов? Где Образцова, Нестеренко, Биешу?...»

«Знаете, мы выставляем то, на что спрос» — ответила библиотекарь. Но, во-первых, не может же быть такой убогий вкус у всех посещающих крупнейшую научную библиотеку за Полярным кругом. В это невозможно поверить. А во-вторых, каждому работнику культуры необходима все-таки духовная пружина. Без нее стихия антикультуры может захлестнуть. Вот ведь не только библиотекарь или, положим, клубный работник иной раз пропагандирует низкопробную эстрадную продукцию, но и известный автор, бывает, такое напишет в качестве текста песен, что просто диву даешься: как можно было обнаружить подобное?! А сам автор, очевидно, считает это в порядке вещей, да еще в трехтомное собрание своих сочинений включает. Приведу в качестве примера «Мужскую колыбельную», вот припев ее:

*Ждать нам больше некого —
Мама, ты да я...
Спи, моя молекула,
Зоренька моя...*

Или вот — из того же автора («Не горюй, верблюдца»):

*Пусть тяжелый груз кладут,
— Пусть не близко вам идти —
Лишь бы твой большой верблюд
Всюду рядом был в пути.
Не горюй, верблюдца,
Стерпится, слюбится...*

Что уж говорить о менее маститых авторах-текстовиках. Вот образчик: *Отвечай спросенно мне тихо,
Бормотанья ловлю я твои,
И стань соловьиной
В дуэте страстном о любви.*

А скажем, в Баку, в издательстве «Язычи», вышла даже целая книжка «Монологи певицы», принадлежащая перу И. Резника, — собрание якобы исповедальных высказываний (рифмованных, разумеется!) эстрадной суперзвезды. Вот уж где шабаш и разгул маскульта! (Только поэту в этом единственном случае я и назвал автора.) Начнем с того, что известная песня «Я люблю тебя, жизнь» под пером Резника несколько преобразилась:

*Эту жизнь я чертовски люблю.
Впрочем, истина эта не нова.
Но я снова ее повторю.
Извините меня за нескромность.*

Где уж тут рассуждать о скромности или нескромности! Это всего лишь полутон в данном случае. Поразительный пласт антикультур обнажается перед нами во всех стихотворных опусах, составивших названный сборник. Но это не наивная халтура, это воинствующая антиэстетика, последовательная и назойливая в своем выражении и весьма предпринимчивая, изобретательная в своем самоутверждении и саморекламе, навязывающая себя и потому далеко не безобидная. Очевидно, именно в ответ на многочисленные укору в бескультурье, в нескромности героиня сборника «Монологи певицы» и отругивается следующим образом:

*Я не скромна, но вы скромны. Спасибо.
Я не тонка. Но вы тонки. Мерси.
Читали вы Платона, Кафку, Скриба
И знаете, кто Бах, кто Дебюсси.*

Далее следует выкрик в духе кухонной свары: *Не став для вашей музыки приправой,
Готовлю я свой собственный обед...*

А заканчиваются эти возгласы следующим набором слов: *По-своему, о сударь, да, вы правы!
По-моему, увы, простите, нет!..*

На каком языке написана вся эта чудовищная «стряпня», этот «свой обед»?

Между тем в эстрадной среде порой все же возникают, как это ни странно, разногласия: «Можно ли такое давать на эстраде?» В таких случаях я вспоминаю рассказ одного из старейших наших

поэтов-песенников, Михаила Исаковича Рудермана, автора легендарной «Тачанки». Зашел он как-то в послевоенные годы в зал заседания правления Союза писателей СССР. Шло бурное обсуждение литературной основы различных оперетт. Председательствовал А. Т. Твардовский. В течение трех часов он не проронил ни слова. А подводя итоги, только и сказал: «Все, о чем здесь говорилось, никакого отношения к литературе не имеет. Заседание окончено». Все ждешь, кто же сейчас произнесет во время бесплодных споров о материи, которой в литературном смысле нет, эти магические слова.

Евгений Осетров. По-моему, прекрасная мысль.

Сколько песен кануло в Лету без следа. Однажды спросили маршала Жукова, какие песни он считает для себя лучшими. И он сказал, что для него самые лучшие и дорогие песни: «Священная война», «Катюша», «Соловьи, соловьи» и др.

Когда полководец дает такую оценку, то с этим не считаться нельзя.

Владимир Лазарев. Самое страшное — это разращение и разрушение народного эстетического вкуса, особенно вкуса молодых поколений. Сколько великих русских писателей неустанной работой своей последовательно создали прекрасный литературный язык, выработали высокие критерии эстетического мира широкого читателя! Бойкие же текстовики и сочинители дешевой «музычки», по существу, с помощью средств массовой информации и эстрады являются разрушителями народного эстетического вкуса. Дело не в том, что они создают развлекательное искусство, а в том, на каком уровне они это делают. В целом ряде случаев школьники не знают, кого слушать: учительницу или популярную певицу? Что победит в юной душе, культура или антикультура? Что повлияет сильнее на них, язык великой русской литературы или «язык» расхожего шлягера? На мой взгляд, ответ здесь далеко не однозначен. Вот что тревожит.

При всем при том, мне кажется, в молодежной среде, даже среди самых молодых (а ведь они главные распространители новых и новомодных песен и песенок!), наблюдается некоторое пресыщение песнями, отличающимися немелодичностью и общей бессмысленностью. (А уж о людях зрелого возраста и пожилых в данном случае и говорить нечего.) Все это начинает чувствоваться и в том огромном интересе, который начали проявлять люди всех возрастов к народным праздникам поэзии, где широко звучат народные самодельные хоры. Да и в профессиональном искусстве начинают ощущаться новые обнадеживающие веяния. Скажем, совсем недавно я присутствовал на концертах музыки и песни своего друга и соавтора — известного композитора Евгения Доги. Творчество этого композитора отличают яркое мелодическое начало, национальная окраска. Концерты проходили в Кремлевском Дворце съездов. Два вечера подряд, причем в летнее время, зал был переполнен.

Евгений Осетров. Хорошую мысль высказала недавно на страницах «Известий» певица Галина Карева: «Я еще застала в театре удивительную романтическую атмосферу традиционной оперы. Каждый спектакль — праздник: море цветов, бесчисленное количество вызовов, восторг у всех от только что пережитого — от артиста до рабочего сцены, от режиссера до зрителя в последнем ряду... На моих глазах, к сожалению, опера стала размываться как жанр, утрачивать дух романтизма. Пришли новые режиссеры и отвели артисту скромное место исполнителя их воли, избавились от декораций Головина, Коровина, Кустодиева, включили в спектакли кино... Опера стала не та. И не только я одна ушла тогда из театра».

Нужны общие усилия — речь идет о всенародной важности деле. И первое слово должно быть обращено к молодежи.

ПРОЗА

Обретение позиции

Рассказы и повести Рустама Валеева, вошедшие в книгу «Вечером в испанском доме» (Южно-Уральское книжное издательство, 1982 г.), обладают внутренним единством. Все его герои — люди «простые»: здесь шоферы и печники, киномеханик и электрик, портной и шпачник — люди разных и скромных профессий. Живут они в небольшом городке на южном Урале, где дуют степные ветры и случаются бури, которые срывают крыши с домов и валют столбы электрических линий. И сами герои связаны между собой если не кровным родством (а здесь почти все приходится друг другу родичами — родными, двоюродными, близкими, далекими), то родством душ, тем острым ощущением любви к своей малой родине, где они родились, живут, трудятся. Объединяет эти произведения и чувство любви автора к своим героям и даже какое-то любовование созданными характерами, которые очерчены резко, крупно.

В этом единстве выражена художественная позиция автора. Выражена она и в языке. В нем нет той холодной отточенности, «безукоризненности» вопреки витиеватости, когда автор, озобоченный чистотой стиля, письма, «художественностью», становится неким сторонним наблюдателем — фигурой далекой, отстраненной. Герои Валеева не говорят лишнего, пустых слов, не пускаются в бесплодные умствования, и сам автор избегает длинных рассуждений, не комментирует, «закадрового» авторского голоса не слышно. Просты внешне и сюжеты этих повестей и рассказов.

С большой теплотой, искренностью и глубоким чувством любви пишет Валеев о женщине-матери. Мать героя повести «Вечером в испанском доме» Наби, овдовев, «не променяла» троих детей на нового мужа. Для нее дети — смысл жизни, и она отдает им себя всю, целиком. Но жизнь сложна, сложные взаимоотношения героев, сложен поиск правды, правоты. Права по-своему мать, бесконечно любящая детей, испытывающая постоянный страх за них и поэтому неустанно опекающая их, следящая за каждым их шагом. «Кто ты без родного гнезда? — говорит она сыну. — Так, перекаати поле. И совесть, и честь, и гордость — все дает родное гнездо». Но постоянная опека матери оборачивается иной стороной, переходит в неосознанный и в то же время несущий собственным детям беду деспотизм. И вот она уже кажется сыну «чужой, сумасбродной хра-

нительницей ветшающего человеческого жилища». Она решает за детей то, что они вправе решать сами. Она насильно женит сына на нелюбимой им девушке. И жених ее дочери, Марсель, которого она опять же, руководствуясь старыми понятиями, может быть, неосознанно, но глубоко оскорбила, тоже по-своему прав, замечая: «Ее старания приносили бы дому счастье и удачу, если бы... если бы это было лет пятьдесят назад».

Автор умеет найти верную интонацию, ритм, создать и сохранить своеобразную «мелодию» повествования, выбрать нужную деталь. Но он владеет и большим. Он является еще и хорошим рассказчиком, который способен увлечь читателя. Ну что может быть интересного в том, как работает парень, подрядившийся переложить печь в совхозной конторе? Как он месит глину, сыплет песок, готовит раствор, кладет кирпичи («Печная работа»)? Но и эти «технологические» страницы читаются с неослабевающим интересом — процесс труда и человек в труде прекрасны.

Средства автора, наверное, могут показаться скучными, но они точны, и ему удается с глубоким проникновением в психологию героев, правдиво, естественно и органично показать их жизнь, становление, мужские характеры.

В героях Рустама Валеева — какое бы время, какой бы возраст ни брал автор — заложена здоровая, крепкая нравственная основа. И писатель убеждает нас в том, что поиск ими жизненной позиции, активной и созидательной, увенчается успехом.

Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ

ПУБЛИЦИСТИКА

Восхождение к природе

Девяносто шесть очерков, включенных в новую книгу Василия Пескова «Птицы на проводах», публиковались в «Комсомольской правде» в течение примерно последних пятнадцати лет. Но даже для тех, кто хорошо знает их разрозненных газетный вариант, повторное знакомство с ними, объединенными в книгу, представит значительный интерес.

Причина, думаю, не в том, что сумма всегда выглядит внушительнее каждого из слагаемых. Просто ранее каждый отдельный очерк рассматривал какую-то одну сторону проблемы. Взятые же вместе, они дают объемное представление о всей ее сложности и многогранности.

Взаимоотношение людей с природой — проблема не новая. Однако в последнее время она достигла чрезвычайно серьезных размеров. Черные бури, кислые дожди, мертвые воды озер и рек, пустыни на месте бывших оазисов — вот только некоторые из ее составляющих. В главе «Красная книга» автор приводит убийственную статистику, настоящее обвинение человеку за его преступное отношение к

животным. «Меньшим своим братьям»: «За последние две тысячи лет с лица Земли исчезло сто десять видов и подвидов крупных животных. Посмотрим, как происходила «раскладка» по времени этих потерь. Одна треть (из ста десяти видов) была уничтожена в течение восемнадцати столетий. Другая треть — за один только прошлый век. И еще одна треть исчезла практически в глазах нынешних поколений — в последние пятьдесят лет! Как видим, «раскладка» находит в явной зависимости от роста числа людей на Земле, от мощи и технической оснащенности человека».

Сложная проблема определила и главную мысль книги: конфликт человека с дикой природой растет у нас на глазах, его примеры видны повсюду, важно о них задуматься. Рассказывая о различных своих путешествиях, встречах, наблюдениях, Василий Песков как бы приглашает читателей поразмышлять вместе с ним об увиденном, подняться до уровня понимания проблемы в целом.

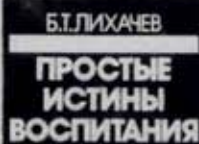
В мире природы для него нет мелочей. Неудивительно, что рядом с рассказом о глобальной проблеме борьбы с колорадским жуком мы находим зарисовку о том, как был спасен от гибели, выращен и выпущен на волю птенец скворца, а критический очерк о промысле сельди в Олиторском заливе Камчатки соседствует с поэтическим повествованием о путешествии по малоизвестной речке Усманке, о ее проблемах.

С особой теплотой В. Песков рассказывает о людях, посвятивших свою жизнь изучению природы, ее защите, популяризации знаний о ней. Очерки о них помещены в главе «Рыцари». Верный своему методу, автор и тут не желает делить общую ее часть. Рассказы об Альфреде Бреме, Жане-Анри Фабре, Дюйе Адамсон стоят рядом с новеллами об охотоведе Борисе Нечаеве, фотожурналисте Николае Немнонове, знатоке природы Подмосковья, фенологе и грибнике Дмитрие Зуеве.

Эпиграфом к книге взяты слова Льва Толстого «Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». И, закрывая последнюю страницу новой книги Василия Пескова, хочется сказать: счастье встретиться с человеком, который много знает о природе, умеет этим поделиться с другими.

Леонид ПЛЕШАКОВ

ПЕДАГОГИКА

Ключ к детству

Огромен и сложен мир детства. Мы не замечали этого, когда были детьми. А повзрослев, невольно стараемся сузить границы нашей бывшей державы до удобных комнатных размеров, заменить ее чем-то простым, домашним, обыкновенным. Потом у нас появляются дети, и вместе с ними на наших глазах рождается новый

мир, который кажется нам непонятным, беспокойным, подчиняющимся уже неведомым нам законам. Тогда начинается поиск дверцы, которая пропустила бы нас в детство нашего сына или дочери. Но даже и найдя эту дверцу, мы зачастую не можем открыть ее, не обладая тем заветным ключиком, который зовется воспитанием.

Как найти этот ключ? Как нам вести себя со своими детьми? Что сделать главным в общении с ними? Как добиться взаимопонимания? Каждый решает эти вопросы по-своему. Правильно решает или неправильно — разберется в этом поможет выпущенная издательством «Педагогика» (Москва, 1983 г.) книга доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента АПН СССР Бориса Тимофеевича Лихачева «Простые истины воспитания».

Это книга о родителях и для родителей, настоящих и будущих. И рассказывается в ней о непреходящих ценностях детской души, формировании которых происходит в семье, в процессе общения ребенка с родителями. Ведь «уже первый крик младенца — инстинктивный сигнал к общению». Основа этого общения, говоря словами автора книги, «оптимистический подход к ребенку, вера в его возможности, постоянное стимулирование лучших черт его личности».

Это книга раздумий. У автора огромный педагогический опыт, глубокое понимание детской психологии, но он не навязывает свои мысли читателю, исподволь подводя его к открытию истин воспитания. А они действительно просты и хорошо известны. Тут и огромное воспитательное значение искусства, облагораживающее влияние природы, необходимость общности интересов детей и родителей, привитие ребенку чувства доброты и милосердия, правды и справедливости. Конечно, в книге нет готовых рецептов того, как сделать, например, чтобы ребенок вырос умным и сильным, добрым и честным. Но автор предлагает родителям серьезно подумать о собственном поведении, задаться вопросом: всегда ли их поступки отвечают высоким воспитательным целям? Не просто критически отнестись к себе. Но это необходимо, если мы хотим вырастить своего ребенка настоящим человеком, строителем светлого коммунистического Завтра.

Эта книга о детстве. О бережном отношении к нему.

Очень ценным качеством книги является то, что в ней много примеров, почерпнутых автором из собственной педагогической деятельности. Эти примеры точны и жизненны. Они как нельзя лучше подтверждают мысль автора о необходимости сохранить и в ребенке и в родителях идеалы детства. Тем самым Б. Т. Лихачев как бы предостерегает родителей от ошибок в воспитании, раскрывает перед читателями причины этих ошибок. С большой искренностью и теплотой пишет он о своих друзьях-педагогах и родителях, сумевших приблизиться к истинам воспитания, сумевших оделить своих воспитанников и детей душевной красотой, гуманностью, активным, творческим отношением к жизни.

Это серьезная и вместе с тем очень добрая книга. Она рассчитана на заинтересованного читателя, с которым можно вести доверительный и честный разговор о проблемах воспитания. Прочтя ее, невольно начинаешь переосмысливать свои отношения с детьми, яснее видеть озабоченный началом жизни мир в детских глазах. А многим взрослым эта книга поможет найти заветный ключик к дверце, ведущей в детство.

Леонид ШАРОВ

ИСТОРИЯ

Ты помнишь, товарищ?

Героическое прошлое нашей Родины волнует всех от мала до велика. И кто, как не сами участники славных событий, может ярко, правдиво рассказать о том, что им пришлось увидеть и пережить. Вместе с молодежью Кировской области ветераны собирают памятные реликвии и воспоминания земляков — воспитанников комсомола.

Первый сборник, «Юность моя», вышел накануне 50-летия Ленинского комсомола, в 1968 году. В нем — цифры, факты, исторические документы, повествующие о ратных и трудовых подвигах комсомольцев-кировчан. Тогда же увидела свет брошюра «Из истории Кировской организации ВЛКСМ в хронике дат и событий».

Накануне другого праздника, 50-летия пионеров, ветераны комсомольского и пионерского движения подготовили к печати сборник «Пионерская летопись», который вышел в 1972 году.

Через год выпущена книга «Так мы начинали» — рассказ о деятельности первых комсомольских ячеек нашей области, об участии комсомольцев в борьбе за укрепление Советской власти, в защите завоеваний Великого Октября.

50-летие присвоения комсомолу имени В. И. Ленина отмечено выходом книги «С именем Ленина в сердце». Это воспоминания кировчан, делегатов семнадцати комсомольских съездов. Среди ее авторов — первый председатель Вятского губкома комсомола, делегат I, II и III съездов РКСМ Р. Я. Юровская, секретарь, а в 1928—1929 годах генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчаков и другие.

Областной совет ветеранов участвовал также в подготовке сборника «Если тебе комсомолец имя», вышедшего в 1977 году. В этом издании рассказывается о комсомольских активистах города Кирова, об их творческом труде, учебе, общественных делах. Со страниц книги встает обобщенный портрет нашего молодого современника во всей широте его интересов и стремлений.

О комсомольцах 80-х, продолжающих традиции старших поколений, об их активном участии в коммунистическом строительстве рассказывает книга «Дела отцов продолжают», выпущенная в 1982 году. А в марте 1983 года вышла книга «На подвиг и труд» — о славных делах наших молодых земляков в годы Великой Отечественной войны.

Все названные издания с большим интересом встречены читателем. Они не залеживаются на книжных полках, а «работают»: к ним часто обращаются комсомольские активисты, учителя, пропагандисты.

Н. ФИЛИПОВСКИЙ,
председатель Кировского областного совета ветеранов партии и комсомола

К 150-летию со дня рождения

МОЛОДОСТЬ МЕНДЕЛЕЕВА

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ, ДОКУМЕНТЫ

«Основы химии» Менделеева, воплотившие в себе периодический закон,— это памятник, который по силе своего замысла, по совершенству выполнения и глубине мысли является таким же величайшим проявлением человеческого гения, как «Божественная комедия» Данте, как «Страшный суд» Микеланджело, как 9-я симфония Бетховена.

(А. А. БАЙКОВ, академик, 1870—1946)

Это было у каждого. Школа. Химическая аудитория. На стене — галерея портретов ученых. Лавуазье. Бутлеров. Ломоносов... И среди них тот, кто сумел систематизировать отдельные факты и разрозненные явления химии.

«От него веяло Русью, которую он

любил» (Я. Д. Минченков, художник-передвижник, 1871—1938). «Длинные седые волосы, ниспадавшие с головы до самых плеч, и седая борода окаймляли его серьезное и задумчивое лицо с сосредоточенными проникновенными глазами...» (А. А. Байков).

Даже Александр Блок, муж его дочери, и тот испытывал волнение и трепет, находясь рядом с ним: «Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности... При нем вовсе не страшно, но всегда не спокойно, это оттого, что он все и давно знает...»

С детства в нашем сознании образ Менделеева запечатлен таким, каким он представлен на портрете в правом верхнем углу своей периодической системы элементов. Высоколобым, седовласым, с бородой. Мы привыкли к этому образу. Даже художник, пытаясь запечатлеть на холсте момент открытия периодического закона, изобразил Менделеева по крайней мере пятидесятилетним. А в том знаменательном 1869

году ему было тридцать пять лет. Только тридцать пять.

И сколько событий вместили в себя эти годы!..

Двадцатого сентября 1850 года, когда ему было шестнадцать, умерла его мать (за три года до этого умер отец).

Тридцать семь лет спустя он посвятит ей свое капитальное «Исследование водных растворов по удельному весу»:

«Это исследование посвящается памяти матери ее последышем. Она могла его взрастить только своим трудом... воспитывала примером, управляла любовью и, чтобы отдать науке, вывезла из Сибири, тратя последние средства и силы. Умирая, завещала: избегать латинского самообольщения, настаивать в труде, а не в словах и терпеливо искать божескую или научную правду... Заветы матери считает священными Д. Менделеев».

Через восемнадцать месяцев умерла сестра Лиза. Шестнадцатилетний студент первого курса Главного педагогического института, уроженец Тобольска

Дмитрий Менделеев остался в Петербурге один.

В огромном, мрачном, чужом Петербурге.

«А в Питере тепло — да не всем, — напишет он в дневнике спустя одиннадцать лет, — чего-то нет, и видишь теперь, что русского элемента там мало в жизни, все решается сплеча, всему свой ранг, вече там не может и быть — явятся деспоты, как есть они во всем».

Перед началом занятий у поступивших в институт были взяты расписки в том, что после окончания курса они обязаны прослужить минимум по два года за каждый год обучения там, куда их направят. «Очень я хорошо помню, что в те 16 лет, которые прожил до поступления... никаких я никому... расписок никогда не давал. А тут заставили всю расписку самому написать. Оно, во-первых, удивило, во-вторых, было как-то лестно чувствовать себя уже решающим свою судьбу; а в-третьих, заставило много и не раз думать в самом начале о том, что каждому из нас предстоит».

С этого момента он начал создавать себя сам.

Ему нужно было не просто выжить, но и состояться.

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Студенческие работы Менделеева поражают разнообразием выбранных тем — от «Описания грызунов С-Петербургской губернии» до «Химического анализа финляндского минерала ортита» и «Школьного образования в Китае». Эта завидная юношеская всеядность впоследствии позволила ему стать широко разносторонним ученым.

«Из всех признаков, отличающих гениальность,— писал его ученик, известный химик профессор Л. А. Чугаев (1873—1922),— два, кажется, являются наиболее показательными: это, во-первых, способность охватывать и объединять широкие области знания и, во-вторых, способность к резким скачкам мысли, к неожиданному сближению фактов и понятий, которые для обыкновенного смертного кажутся далеко стоящими друг от друга и ничем не связанными...» Благодаря этим способностям из Менделеева и получился «гениальный химик, первоклассный физик, плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии, в различных отделах химической технологии (взрывчатые вещества, нефть, учение о топливе и др.) и других сопредельных с химией и физической дисциплинах, глубокий знаток химической промышленности вообще, особенно русской, оригинальный мыслитель в области учения о народном хозяйстве, государственный ум, которому, к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущность России лучше представителей нашей официальной власти».

Эпоха, которая досталась Менделееву для работы, была на редкость тяжелой эпохой. Вот что он сам, двадцатисемилетний, писал в дневнике об обстановке 1861 года: «...правительство развязало руки: стрелять по всем, бить, колотить, лишь только соберется скопище. Их не спросят, что они хотят, их не будут слушать... Только велит ударить 3 раза в барабан, разойтись, и потом по воле начальника военной силы какое хотят оружие то и употребят, ответственности никакой. Ужасные дела... Печаль, тоска, омерзение».

Несмотря ни на что, двадцатидвухлетний Менделеев сумел за полгода сдать экзамены на степень магистра химии и защитить две диссертации — магистерскую и на право читать лекции в Петербургском университете.

«В 1857/58 г. преподавал органическую химию; дали четыреста рублей, а то жил уроками, работал у Никитенко для Журнала министерства народного просвещения. Давал уроки П. П. Демидову. Обедал у Воскресенского». (Из записок Менделеева.) Профессор химии А. А. Воскресенский был настоящим ученым и педагогом. Кроме этого, он был добрым человеком. В свое

время знаменитый немецкий химик Либих назвал Воскресенского самым талантливым своим сотрудником и предложил остаться в Гюссене (после года работы в лаборатории Либиха). Но золотые горы не соблазнили русского ученого, он вернулся в Россию, которая остро нуждалась в таких людях, как Воскресенский.

Александр Абрамович помогал Менделееву, чем мог. Ему был обязан Менделеев многим: и работа, и должности, и заграничная командировка, и профессорское звание, и университетская квартира — во всем этом принимал участие Воскресенский.

Вскоре Менделеев был отправлен за границу «для усовершенствования в науках». «Менделеев... несмотря на молодые годы... был уже готовым химиком, а мы были учениками» — это слова Ивана Сеченова, с которым Дмитрий Иванович познакомился в Гейдельберге.

«Он поехал через Варшаву на лошадей, в почтовой карете. При этом занимал наружное место рядом с кучером. Оно было дешевле внутренних... и хотя сидеть было тесно, зато можно было вытянуть ноги во всю длину; впрочем, путешествие было так «удобно», что 4 месяца спустя у Д. И. еще болели бока» (М. Н. Младенцев).

Менделеев принялся за изучение капиллярности. До него стали доходить слухи, что в Петербурге к его работе относятся как к делу несерьезному. «Знаю, что меня многие упрекнут в бесплодном собирании фактов, потому что сразу высказать цель совокупности своих работ я не решаюсь, чтобы не упрекнули опять в многомыслии без фактов, но и на это еще можно пуститься. Для меня важно, чтобы было несколько людей, мнением которых я дорожу, понимающих мою цель, чтобы они не упрекнули меня так...» — писал Менделеев известному химику Л. Н. Шишкову.

Кроме непонимания окружающих, были и другие проблемы. «Цель моя теперь определилась ясно, беда в средствах. Опять нужны многие приборы, опять нужно кучу времени, а то и другое уходит на курьерских... от меня...» «В денежных средствах Дмитрий Иванович, как мне казалось, все-

«Настаивать в труде, а не в словах», — завещала ему мать. И, на удивление своим будущим биографам, Менделеев из ленивого гимназиста, милостью учителей переводимого из класса в класс, за два года занятий становится одним из лучших студентов института.

«Меня в ту пору поражала обширность взгляда Дмитрия Ивановича на проходимые в этом факультете науки, — вспоминал его товарищ М. Папков. — Однако он не ограничивался науками этого факультета, а интересовался науками, проходимыми на историко-филологическом факультете, так как он успевал выбирать время, чтобы быть на лекциях профессоров и того факультета. Кроме того, он посещал мастерскую гальванопластических работ, устроенную в здании Академии наук».

Огромные, непривычные перегрузки, которые взвалил на плечи юный Менделеев, да и сырой климат Петербурга отрицательно сказывались на его здоровье. Болела грудь, одолевал кашель, открылось кровохарканье. Неужели туберкулез — «профессиональная» болезнь разночинцев?.. А ведь отец и три сестры его умерли именно от чахотки...

Однажды в институтский лазарет, в палату, где лежали девятнадцатилетний Менделеев и еще один студент, вошли врач и директор института. Думая, что больные крепко спят, доктор сказал: «Эти двое уже не встанут». Менделеев не спал — слышал...

Институтский врач направил министру народного просвещения ходатайство о переводе Менделеева в Киевский университет — по состоянию здоровья. Но в будущем великом ученом уже зарождались упорство и несгибаемая воля; и он встает с постели и с разрешения удивленного врача идет на очередной экзамен, чтобы блестяще

сдать его, вызвав тем самым восхищение сокурсников и преподавателей.

Несколькими годами позже Менделеев попадет в Симферополь к знаменитому хирургу Н. Пирогову, который вернет его к жизни, не обнаружив у него чахотки. «Вы нас обоих переживете», — скажет Н. Пирогов, имея в виду себя и доктора, направившего к нему Менделеева. «Вот это был врач! — возторгался потом Менделеев. — Насквозь человека видел и сразу мою натуру понял».

Развивающийся талант не остался незамеченным. И Менделеев начинает ощущать дружескую помощь товарищей и профессоров.

«К Д. И. хорошо относились все его товарищи и знакомые... Это потому, что он не любил злословить, каждому готов был оказать услугу или исполнить просьбу, с которой к нему обращались. А каких только просьб он не исполнял и важных и неважных. Готовность помочь была отличительной чертой его во всю его жизнь» (М. Н. Младенцев, помощник Менделеева, 1872—1941).

После выпускных экзаменов академик Ю. Ф. Фрицше писал директору института И. И. Давыдову: «Присутствовал при экзамене... я с удовольствием слушал объяснение вопросам химии студента Менделеева. Убедившись, что этот молодой человек вполне владеет знанием химии и очень хорошо знаком даже с новейшим направлением этой науки, я долгом считаю сообщить вам об этом свое личное мнение и покорнейше просить ваше пр-во содействовать с вашей стороны тому, чтобы г-ну Менделееву при определении на службу была предоставлена возможность далее усовершенствоваться в химии».

гда был стеснен»,—вспоминал его институтский товарищ М. Палков.

«В Гейдельберге Д. И. начал работать в лаборатории знаменитого химика Роберта Бунзена. Однако условия работы у Бунзена не удовлетворили Д. И. Вскоре он его покинул и создал свою собственную лабораторию, подчеркнув этим лишней раз свою самостоятельность и независимость уже на первых шагах научной деятельности» (М. Н. Младенцев).

Менделеев работал в своей лаборатории подолгу, до изнеможения, рассчитывая каждый час на несколько дней вперед.

«Простите, ради бога, милые мои, что не часто пишу к вам, что не кончаю начатых писем, но, право, здесь дорожишь каждой минутой». (Из письма Менделеева родным, 24 сен. 1860 г.)

Л. Ф. де Роберти, часто встречавшийся с Менделеевым в Гейдельберге, опубликовал в журнале «Русский вестник» за 1861 год небольшую повесть «Гуриин», в которой под именем Давыда Андреевича изображен Менделеев:

«...В дверях показался человек лет двадцати восьми... с круглым, довольно полным лицом и с большими, с первого взгляда светлыми и необыкновенно радушно озирающими каждого глазами... Натура серьезная и цельная, он не бросается ни на что с первого взгляда и во всем ищет ясного и точного понятия. Ему придут, например, говорить о нападках на теорию, которой он держится в своей науке, и о слабостях возражений; он выслушает внимательно, расспросит, задумается немного и потом поскорее уйдет к себе работать...

В кружке товарищей смеялись, полагая, над каким-нибудь бездарным писателем. Давыд иногда посмеется также, потом, когда другие успокоятся, скажет, как будто больше себе самому: «А ведь, господа, труд-то, когда добросовестен, искупает многое, как бы плох он там ни был; свят он, господа, и благороден по тому одному уже, что он труд». Но когда начинали уверять, что талант искупает все личные грехи, как общая польза искупает мелководное зло, он, с недоверием покачивая головою, произносил тихо: «Едва ли, господа, едва ли». Когда заговаривали о грустном разладе между словом и делом... он так же тихо и спокойно, но твердо замечал: «Постарайся, чтоб у меня никогда не было ни одного подобного знакомого... В чем другом, а уж тут я, право, надеюсь на себя и никогда не подам такому руки». И он говорил это так безыскусственно и чисто, что многие безмолвно начинали проверять себя...

Принимал Давыд каждого так радушно, что невольно думалось: «Какие же есть, однако, на свете дорогие люди!» Несмотря на то, что работал почти постоянно, он усаживал всякого приходившего и разговаривал с ним по возможности. «Давыд Андреевич! Скажите, пожалуйста, что, по вашему, за цель жизни?»—спросит его какой-нибудь профан. «Наслаждение»,—ответит он скороговоркой и, живо вскочив, побежит к своим колбам и аппаратам посмотреть, как идет перегонка или на сколько поднялся термометр, и оттуда кричит уже в дополнение: «В обширном и высшем смысле!»

Можно сказать смело, что Давыд не был ничему совершенно чужд; интересовался всем, читал на досуге все. От художественных произведений химик наш приходил в самый наивный восторг... часто, прежде, чем дойдет до конца маленькой пьесы, остановится раза два, опустит книгу и поднимет влажные глаза в потолок: это он оправдывается от впечатлений».

В 1860 году на химическом съезде в Карлсруэ были выяснены основы для определения атомного веса любого элемента. Присутствуя на съезде, Менделеев с точностью усвоил, что атомный вес стал численным выражением массы атома. «Решающим моментом в развитии моей мысли о периодическом законе я считаю 1860 г.—съезд химиков... Идея возможности периодичности свойств элементов при возрастании атомного веса в сущности уже тогда мне представлялась внутренней».

Интуитивным соображениям требовались веские доказательства.

Четырнадцатого февраля 1861 года Менделеев вернулся из-за границы в Петербург, и не прошло еще и двух недель, как он засел за первый русский учебник по органической химии. Восемнадцатого июня рукопись учебника была сдана в набор. «Больше работать, как я с этой книгой работал,—нельзя». Нужно было иметь колоссальную работоспособность, чтобы справиться с таким огромным трудом в столь короткие сроки.

Много лет спустя ученые подсчитают: Менделеев успел сделать девяносто шесть процентов из того, на что был способен. Больше он смог бы сделать, только прожив дольше.

«...Эта книга теперь почти совсем забыта. Тем не менее она глубоко интересна уже по одному тому, что представляет первое крупное литературное произведение Менделеева, когда ему было 26—27 лет... в книге до такой степени выдержана соразмерность частей, так ясно отсутствие всего лишнего... что она дает впечатление художественного произведения. Она так целостна, что, начав ее читать, трудно от нее оторваться... По словам Менделеева, она была написана им в два месяца, почти не отходя от письменного стола. Замечу здесь... что Менделеев вообще являлся противником гигиенического распределения занятий и говорил, что только при односторонних, непрерывных и упорных усилиях, направленных к одной цели, хотя бы и отрывающихся болезненно на организм, возможно создать что-либо ценное, что-либо такое, чем сам останешься доволен. Достоинство книги было тогда оценено всеми» (Г. Г. Густавсон, известный русский химик, ученик Менделеева, 1842—1908).

Весной 1862 года книга была удостоена Демидовской премии, которая намного облегчила материальные трудности ученого.

Кроме университета, Менделеев преподавал в Технологическом институте (до 1872 г.), в Инженерной академии (до 1866 г.), в институте инженеров путей сообщения (до 1864 г.), во втором кадетском корпусе (до 1862 г.).

«Нельзя не упомянуть о той обстановке, в которой ему приходилось работать. Долгое время эта обстановка была прямо-таки нищенской. До 1863 года химическая лаборатория университета получала всего 400 руб. в год и на все кафедры химии полагался один лаборант с таким же годовым окладом. Благодаря этому в лаборатории не хватало самых необходимых вещей и приспособлений... С 1866 по 1872 год лаборатория Д. И. состояла всего из двух комнат, из которых одна к тому же была темной, и только с 1872 года, когда начались работы Менделеева о сжимаемости газов, ему была отведена еще и третья. Постепенно, но так же медленно возрастал и бюджет лаборатории. Словом, в лучшую пору жизни Д. И. Менделеева ему приходилось работать в очень тяжелых условиях. Такова, впрочем, была участь большинства русских ученых того времени» (Л. А. Чугаев).

Он старался выбирать для лекций утренние часы, чтобы побольше времени оставалось для научной работы. До поздней засиживался в кабинете, порой прихватывая и часть ночи. Университетский служитель знал: если молодой профессор не появился в восемь часов пять минут—надо идти будить его. Торопливо одевшись, Менделеев быстро

шел в аудиторию, на ходу потихоньку спрашивал ассистента: «На чем остановился?»—и тут же начинал лекцию.

«Лекции его еще у всех в памяти, и как в недавнее время, так и при начале деятельности аудитория была всегда битком набита» (Г. Г. Густавсон).

«Менделеев не был оратором в обычном смысле слова. Про него кто-то сказал, что он говорит, точно камни ворочает, и это сравнение было, пожалуй, удачное. Интонация его голоса постоянно менялась: то он говорил на высоких теноровых нотах, то низким баритоном, то скороговоркой, точно мелкие камешки с горы катятся, то остановится, тянет, подыскивая для своей мысли образное выражение, и всегда подыщет такое, что в двух-трех словах ясно выразит то, что хотел сказать» (В. Е. Тищенко, академик, 1861—1941).

«Между ним и аудиторией существовала какая-то неясно ощущаемая, но прочная нравственная связь... Говорил он... нам, как равным... Его отношения всегда дышали доброжелательством... он научил нас работать в лаборатории так чисто и аккуратно, как ни до, ни после него не работали...» (В. В. Рюмин, инженер-технолог, умер в 1921).

«Д. И. был глубоким демократом и подчеркивал свое отрицательное отношение ко всем классовым титулам. Как-то на экзамене один из студентов заявил свою фамилию: Князь В. Дело в том, что Менделеев обыкновенно не вызывал студентов на экзаменах, а был заведен такой порядок, что сами студенты выходили экзаменоваться по алфавитному списку и объявляли свою фамилию. «На букву «К» я экзамену завтра»,—сказал Д. И., и князь В. попал в глупое положение. Остальные князья, графы, бароны (их было немного) на экзаменах называли себя просто по фамилии. Теперь это кажется очень логичным, но тогда, при царском режиме, отделявшем «белую кость» от остальной массы народа, требование Менделеева было большим ударом по престижу этой «белой кости»...» (В. А. Кистяковский, академик, 1865—1952).

Вернувшись домой после лекции, Менделеев обычно работал до пяти часов, иногда шел на полчаса прогуляться, обедал, отдыхал, играл в шахматы (однажды выиграл у самого Чигорина) и потом снова уходил в кабинет—работать.

«...работа была его стихией, и в деревне он также сидел над книгами, рукописями. Он почти не гулял и не катался. А если приходилось ехать куда-нибудь по необходимости, то ездил с наслаждением и, как настоящий русский человек, любил тройку, колокольчики и езду во весь дух. Он весело разговаривал с ямщиком и не просто болтал, а говорил иногда о трудных философских и общественных вопросах, как с равным себе, только находил доступный собеседнику подход...» (А. И. Менделеева, вторая жена, 1860—1942). «Хочется стать к народу поближе,—писал он в дневнике 1861—1862 годов,—это ныне модная фраза, да ведь я не модник. Нет, мне просто вольно... с этим народом-то, я и говорю как-то свободнее, и меня понимает тут и ребенок, мне весело с ними, к ним душа лежит... А видишь этот народ, простой и милый, глядящий прямо в глаза, и веришь в его судьбу, и чудится далекое впереди с возвратом свободы, с вольной песней, с удалением многой привитой лжи».

«...познание лежит на нем очень тяжело,—писал о Менделееве А. Блок.—Когда он вздыхает и охает, он каждый раз вздыхает обо всем вместе; ничего отдельного или отрывчатого у него нет—все неразделимо...»

Да, он думал и вздыхал обо всем сразу. Безграничная ассоциативность

его мышления, обширные знания позволяли ему успешно работать в различных областях науки. Нельзя объять необъятное—это неприменимо к нему. Он, как и Ломоносов, мог все.

Тридцатилетний, он еще не представлял, какие преграды ему будет ставить жизнь. Он не знал, что в недалеком будущем, достигнув наивысших высот в науке и всемирного признания, будучи обладателем около сотни иностранных и русских дипломов и званий, он не станет академиком Императорской академии наук—реакционное большинство забаллотировало кандидатуру прогрессивного профессора.

Он не знал, что в пятьдесят шесть навсегда уйдет из университета. Это случится после того, как по просьбе студентов он ответит министру народного просвещения политическую петицию и вызовет тем самым гнев правительства.

В зрелом возрасте, оглядываясь на молодые годы, он напишет «Заветные мысли» и, обращаясь к молодежи, скажет:

«...Гордитесь только тем, что сделано для других, не кичитесь этим, гордитесь внутри себя, этой гордостью возвышайтесь, она не дает заблудиться...»

Главный секрет жизни вот какой: один человек—нуль, вместе—только люди... Удовольствие—пролетит, оно—себе; труд оставит след долгой радости—он другим. Учение—себе, плод учения—другим. Другого смысла нет в ученье, иначе его не надо было. Сами трудясь, вы сделаете все и для близких и для себя, а если при труде успеха не будет, будет неудача—не беда, пробуйте еще, сохраните спокойствие, то внутреннее обладание, которое делает людей с волей, ясных и нужных другим. Иного завета, лучшего, дать не могу. С ним живите, его заведите».

Все это еще будет у него впереди. А пока тридцатилетний профессор, полный сил и энергии, упрямо шел к своей цели...

...Еще будучи студентом, Менделеев заподозрил, что между химическими элементами существует взаимосвязь. Пятнадцать лет он пытался с разных углов изучить этот вопрос. Копил материалы, считал, сопоставлял. Решение зрело—долго, мучительно и многообещающее.

Он чувствовал, что оно где-то рядом, осталось протянуть руку.

Начался 1869 год.

К тому времени было известно только шестьдесят три элемента из девяноста двух существующих в природе. Атомные веса примерно десяти из них были неточны. Менделеев не знал об этом.

Он был возбужден от предчувствия близости открытия; с месяц не мог спать нормально из-за нервного состояния.

Семнадцатого февраля Менделеев должен был сесть в поезд и по просьбе Вольного экономического общества отправиться в Тверскую губернию обследовать местные сыроварни, чтобы потом представить свои мысли о постановке этого дела.

Ехать нужно было на несколько недель.

А открытие уже витало в воздухе. В ночь на семнадцатое февраля (первое марта) он не спал. Писал, считал, бегал по кабинету, пил остывший чай. Наконец схватил стопку визитных карточек—начал делать химическую колоду карт. Стал раскладывать в систему. Вроде прошло. Но опять осечка...

Измученный, обессиленный, он рухнул на диван прямо в кабинете и тут же уснул. Но заведенный мозг продолжал лихорадочно работать.

И вдруг во сне Менделеев ясно и четко увидел свою таблицу...

Он проснулся великим.

Подготовил
Юрий РАГОЗИН

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

СТАТИСТИКА БЕДЫ

Специалисты в области экологии бьют тревогу: животный и растительный мир в Федеративной Республике Германии под угрозой. Последней в списке жертв значится болотная утка, прежде широко распространенная на севере страны, — она стала двадцатым видом птиц, полностью вымерших в ФРГ. Ученые считают, что из 255 видов птиц, которые выводили или выводят птенцов на территории страны, 133 вымерли или находятся в опасности. Составленная в 1977 году Красная книга зарегистрировала в качестве исчезнувших 70 видов животных и 92 вида растений; в только что вышедшем новом издании эти цифры возросли поистине устрашающе: 345 видов животных и 125 видов растений прекратили свое существование на западногерманской земле.

Болотная утка, жертва № 20...

«ШТЕРН», ФРГ

Без вины виноватый

Почтовая открытка, отправленная в Неаполь из Ортоны, небольшого провинциального городка, расположенного в двухстах километрах от Неаполя, шла 21 год! Почтовые служащие не смогли найти объяснения этому необычному случаю. А вот получатель открытки оказался в положении «без вины виноватого»: дело в том, что он должен был уплатить 600 лир в качестве почтового сбора: марка, наклеенная 21 год назад, уже не соответствовала почтовой таксе сегодняшнего дня.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

«Резиновые» параграфы и резиновые дубинки

Эльберфельдский фонтан в Вуппертале (ФРГ) был излюбленным местом встреч городской молодежи. Он расположен в торговом центре — здесь самое людное и оживленное место города, можно посидеть, поесть мороженое, поглазеть на людей...

Однако эти «посиделки» очень раздражали торговцев: что могут кушать ученики с предприятий, школьники, студенты и прочая безденежная молодежь? В лучшем случае какую-нибудь мелочь. И было решено объявить эти встречи «опасными». Для кого или для чего? Объявили: для... окружающей среды. Городской совет Вуппертала принял новую редакцию «Постановления о поддержании обще-

ственного спокойствия и порядка на улицах и в помещениях». Многочисленные параграфы этого бюрократического шедевра столь «гибки», что их смело можно называть резиновыми. Постановление вступило в силу, и оказалось, что от «резиновых» параграфов всего один шаг до резиновых дубинок. В этом убедились те, кто в знак протеста против нового распоряжения хотел позавтракать на открытом воздухе: полицейские просто побросали их в свои машины и увезли в участок.

Следует ли полагать, что «опасность» для окружающей среды Вуппертала ликвидирована?

«ЭЛАН», ФРГ

В помощь детективам

Японский врач Судзуки исследовал губы нескольких своих пациентов — от 6 до 57 лет — и пришел к выводу, что отпечатки губ не просто отличаются друг от друга, но и не меняются с возрастом. Полицейские власти Токио проявили интерес к этому перспективному, по их мнению, с позиций криминалистов открытию Судзуки.

«АСАХИ»,
ЯПОНИЯ

Рекордсмены океана

Самым крупным и тяжелым животным в мире считают голубого кита, называемого также китом-полосатиком Сиббальда. Среди голубых китов есть и свои чемпионы. В 1994 году в Южной Джорджии (США) измерили выловленную самку голубого кита. Ее длина составила 33 м 58 см.

Голубые киты живут в холодных морях и зимой мигрируют в более теплые воды, чтобы откармливать детенышей. Новорожденный детеныш голубого кита весит в среднем 3000 кг и имеет от 6,5 до 8,5 м в длину. Голубой кит является животным-долгожителем. По наслоениям серообразного вещества, скапливающегося во внешнем ухе кита и выполняющего функцию тампона, ученые установили, что срок жизни этого животного составляет 90—100 лет.

В 1981 году во всех океанах мира насчитывалось от 21 до 23 тысяч голубых китов. С 1967 года по решению Международной комиссии по китам голубые киты взяты под юридическую защиту.

«КНИГА РЕКОРДОВ ГИННЕСА»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

КАРЛИКОВАЯ ЛИПА

Многие знают, что липовый цвет обладает ценными лечебными свойствами. Его используют и как успокаивающее средство. Однако сбор липовых соцветий — дело довольно сложное и трудоемкое, если учесть значительную высоту деревьев. Специалисты Бухарестского научно-исследовательского института лесного хозяйства путем прививки вырастили карликовую липу, высота которой не превышает двух метров. В качестве подвоя была выбрана серебристая липа, образующая пышную крону. Привой имеет крупные, душистые соцветия, которые привлекают рои пчел.

На опытных плантациях уже высажено несколько тысяч таких лип.

«СКЫНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

ПОДПОЛЬНЫЙ ЗООПАРК

Свыше 300 змей, из которых большинство — ядовитые, 4500 крыс и мышей, служивших кормом для этих рептилий, 17 кайманов, 2 нильских крокодилов, более 100 черепах и 4 ядовитых скорпионов голландская полиция конфисковала в одной из квартир в городе Лек, на северо-западе страны.

«Квартиранты» коротали свои дни в клетках, из которых они могли сравнительно просто улизнуть. Владельцы домашнего зверинца арестованы за нарушение закона о редких животных и за незаконное содержание ядовитых пресмыкающихся.

«СКЫНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

МИНИ-МОТОЦИКЛ

Весьма уверенно чувствует себя на оживленных городских магистралях этот житель Гамбурга. Он сам смастерил себе мини-мотоцикл мощностью в 1,2 лошадиной силы, способный развивать скорость до 30 километров в час. Стоит где-нибудь на перекрестке образоваться пробка, и владелец миниатюрного мотоцикла, подхватив его под мышку, пробирается сквозь строй остановившихся автомашин...

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НОСТАЛЬГИЯ НА РЕЛЬСАХ

15 лет назад британская государственная железнодорожная компания поставила на запасной путь последний паровоз. И вот теперь эти дымящие и пылящие чудовища вновь выкатились из депо на свет божий. «Бритиш Рейл» решила, что паровозы будут отличным дополнением к живописным ландшафтам туманного Альбиона, и распорядилась прицепить к ним составы для желающих провести уикэнд на лоне природы. Несмотря на то, что «наценка за пар» составляет 2 фунта, билеты на поезд «ретро» всегда распроданы. Наибольший успех у публики снискал особо живописный паровоз «Летучий голландец».

Единственной проблемой, с которой столкнулась «Бритиш Рейл», осуществляя свою ностальгическую затею, оказалась нехватка подготовленного персонала: ведь почти все машинисты и паровозные кочегары уже на пенсии. Пришлось организовать специальные курсы по «повышению квалификации» молодых железнодорожников...

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Залог верности?

Участившиеся случаи, когда новобрачные не появляются на обряд венчания, заставили священника одной из церквей в Плимуте (Великобритания) ввести новое правило: желающие обвенчаться должны теперь вносить как гарантию твердого решения о женитьбе 18 фунтов стерлингов. Если новобрачные передумали, залог не возвращается.

«НАРОДНА МЛАДЕЖ»,
БОЛГАРИЯ

Скаптерты на траше

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Они вышли из больницы.
— Да, ножичек нужен позарез,— задумчиво сказал Журавлев, сам не замечая, что сострил, хотя и не первосортно. Это получилось смешно, но Синельников скрыл улыбку. Он относился к Журавлеву с уважением, и не по той только причине, что был лет на пятнадцать

моложе. Журавлев был добрый человек и принадлежал к тому многочисленному племени людей, над которыми легко подшутить и которые готовы поверить самой невероятной небылице. Ходила легенда, что как-то в день полочки один из его молодых сослуживцев попросил у Журавлева в долг сто двадцать рублей, объяснив, что именно столько ему не хватает для покупки поздравительных открыток — дело происходило под Новый год. Ста двадцати рублей у Журавлева не нашлось, но он, кротко вздохнув, отдал всю свою полочку, между тем как у него было двое сыновей-школьников и жена зарабатывала не ахти. Деньги, конечно, возвратили займодавцу в тот же вечер, но Журавлев так и не догадался, что над ним шутили.

Зато в чисто профессиональной области он был на редкость трезвомыслящ, прозорлив и даже хитроумен. Самый продубный мошенник не смог бы его провести. Он умел добыть факты там, где, казалось, были одни химеры.

Как это в нем сочеталось, никто понять не мог. Синельников, во всяком случае, был рад, что дело попало в руки Журавлева...

Они сели в автобус и до управления ехали молча, а когда сошли, Синельников предложил:

— Зайдем к Ковалеву?
Журавлев, кажется, угадал его мысль.
— Пожалуй. Возможно, у него все уже определилось с Казалинским.

Ковалева они застали с телефонной трубкой в руке.

— А я вам поочередно называю — нет и нет,— сказал он.

— Как на базе? — спросил Синельников.
— Там раскопали столько — всеми излишками кровельного железа не укроешь.

— Что это вдруг Казалинский так крупно прокололся?

— Сам не пойму. Последняя ревизия — я ж тебе, кажется, говорил, — проводилась три месяца назад. Тогда ничего не нашли.

Они помолчали немного, а потом Синельников сказал, поднимаясь со стула:

— Жалко выпадать из команды, но остальное не по моей части.

Дальнейшее и впрямь не касалось инспектора Синельникова. Он и так уже несколько — правда, совсем немного — вышел за рамки своих обязанностей в деле об утонувшем Перфильеве, которое теперь разрослось и приобрело совсем иной характер и окраску.

— Мы тебя в курсе будем держать,— сказал Ковалев.

— Спасибо. Ты Казалинскому какую меру пресечения просить будешь?

— Под стражу.
Синельников повернулся к Журавлеву.

— Короткову, надеюсь, тоже?

— Пока мало оснований.

— Они тут есть. А первым делом очень тебе желаю ножичек отыскать.

— Постараемся.

— Какой еще ножичек? — заинтересовался Ковалев.

— Он тебе разъяснит,— сказал Синельников и не упустил случая подшутить: — А вообще-то ножички — это не для тебя. Ты копайся в бумажках, вешай железки, считай усушки.

Ковалев не обиделся.
Они пожелали друг другу удачи и разошлись.

Глава 7

ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Перед Журавлевым сидел Казалинский — плотного телосложения мужчина лет пятидесяти пяти, с загорелым лицом, с серыми, усталыми, но недобро глядевшими глазами, с сединой на висках, в дешевом полушерстяном коричневом костюме. Пиджак был чуть тесноват ему в плечах, и, может быть, от этого он держался скованно, хотя по всем повадкам в нем чувствовался человек, привыкший не смущаться.

При первой встрече он показался Журавлеву вполне интеллигентным, по крайней мере внешним видом и осанкой, но впечатление было ложным.

— Что вы мне подсовываете какую-то липу? — грубым густым баритоном произнес Казалинский и швырнул на стол три листа, скрепленных маленькой металлической скобочкой.

Это было заключение экспертов научно-технического отдела о проведенном ими исследовании трех ножей и двух тормозных шлангов автомобиля марки «Жигули» с помощью лазерного микроанализатора.

— Вы напрасно называете это липой,— спокойно и слегка назидательно заговорил Журавлев.— Суд, любой суд, будет считать это совершенно неопровержимым доказательством. Мой долг предостеречь вас от заблуждений. Вот, прошу вникнуть...

У Журавлева на отдельном столике лежали под газетой три разномастных ножа: один — складной, второй — финский, с рукояткой в форме козьей ноги, третий — самоделка, смастеренная из лезвия опасной бритвы, со сточенным обухом и наборной флексигласовой рукояткой. Журавлев откинул газету и продолжал таким тоном, словно читал лекцию:

— ...Вот смотрите. Эти ножи были изъяты у вас в присутствии понятых. Финка — в гараже, складной и бритва — в принадлежавшей вам машине. Ни на одном из них, разумеется, нет видимых следов вещества тормозных шлангов. Но аппарат, производивший анализ, очень точный и чувствительный аппарат. Он не обнаружил вещества шлангов на финке и складном, а на сделанном из бритвы обнаружил. Почему?

— Мало чего он там обнаружит... Бред какой-то, — отмахнулся Казалинский.

Журавлев был терпелив.

— Хорошо, но все же постарайтесь усвоить: это заключение имеет для суда силу вещественного доказательства.— Он накрыл ножи газетой и продолжал: — Скажу более. Следствие располагает еще одним заключением, а именно: надрез на шлангах сделан в тот самый день, когда принадлежавшая Короткову машина находилась на автобазе номер два. Это установлено экспертизой совершенно точно. В тот же день вашу машину проверяли на автобазе — развал колес, не правда ли?

— Проверяли, ну и что? Я туда не приезжал.

— Машину приводил какой-то молодой человек. Кто он?

— Так, попросил одного.

— Кто он? Как фамилия?

— Зовут Сашкой, а фамилию не знаю. Я его пару раз всего видел.

— Где он живет?

— Не знаю. Кажется, не здешний.

— И так вот, без сомнений, доверили машину?
— А что бы он с ней делать стал?

— Для него нужно было резать шланги?
Казалинский подался вперед, вытянул перед собой руки ладонями вверх.

— Вот и я спрошу: ну для чего мне резать эти проклятые шланги? Что мне — моей базы мало? Еще и это на свою голову?

— У вас были с Коротковым общие интересы?
— Были.

— Какого рода?
— Известно какого — он мне записочки от Перфильева носил, я исполнял.

— Вы хотите сказать, что хищения на базе производились по приказу Перфильева?
— Не хочу. Уже сказал.

— Значит, главным был Перфильев?
— Неужели я?..

Журавлев позвал из-за двери конвойного. Казалинского увели. У Журавлева была давно выработавшаяся манера — кончать допрос на болевой, как он называл, точке. Это часто помогало.

Достав из сейфа личное дело Казалинского, он еще раз перечитал его.

Из анкеты явствовало, что гражданин Казалинский — 1928 года рождения, беспартийный, образование — семь классов, трудовой стаж с 1945 года — всю жизнь работал, имея дело с материальными ценностями. Он начинал учеником в мясном магазине и дослужился до поста директора овощного магазина. Под судом не был, но под следствием состоял. В трудовой книжке, где значилось, что он был уволен с должности директора по статье Кодекса законов о труде, записано, что ему отказано в праве занимать в торговых организациях должности, связанные с материальной ответственностью. В тот год Казалинский сменил специализацию и стал работать на различных складах и базах. А восемь лет назад сменил и местожительство и приехал сюда, в родной город Журавлева. На центральной базе он за это время прошел путь от кладовщика до директора.

Журавлева вовсе не интересовало сейчас, кто его продвигал, хотя в делах подобного рода знать это бывает бесполезно. Существенное состояло в том, чтобы точно установить характер субординации в связке Перфильев — Коротков — Казалинский. Это Журавлев считал чем-то вроде мерительного инструмента, с помощью которого можно выверить версию о покушении Казалинского на жизнь Короткова и в конце концов определить меру вины каждого.

Чисто технической, если так можно выразиться, стороной деятельности преступной группы занимался Ковалев, и он быстро подвигался к окончанию. Журавлев должен был не отстать, поэтому он отказался от своего первоначального намерения отложить на несколько дней допросы Короткова, который лежал теперь в изоляторе для подозреваемых. Журавлев хотел дать ему как следует опраться после аварии, но врач объяснил, что Короткова, если бы не переломы, хоть сию минуту можно зачислять в авиацию, так что никакими допросами ему не повредишь.

Журавлев захватил кассетный магнитофон и отправился в изолятор. Кроме магнитофона, у него был небольшой чемоданчик, а в чемоданчике в числе других бумаг имелся один документ. Когда Короткова переводили в изолятор, среди его вещей обнаружили старый, наверняка военных времен кожаный кисет, пузатенький и неизмеримо тяжелый, набитый под горло, перетянутый шелковым шнурком. В нем оказались перстни, брошки, серги, браслеты и золотые десятирублевки царских времен. Опись содержимого кисета, лежавшая в чемоданчике, была важным документом.

Он предвидел, что Коротков обрадуется его появлению, и не ошибся. Все подсудственные стремятся к какой-то определенности и трудно переносят мед-

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

ленное течение следствия. Коротков не составлял исключения.

Войдя в палату, Журавлев спросил Короткова о самочувствии. Тот не жаловался. Журавлев объяснил, что хочет записать допрос на магнитную ленту, но, может быть, лучше сначала просто поговорить откровенно.

— Можно и поговорить, — охотно согласился Коротков.

Журавлев поставил магнитофон на стол, не включив его, заложил руки за спину и прошелся вдоль кровати взад-вперед.

— Вы, Коротков, при последней нашей встрече сказали инспектору Синельникову, что познакомились сначала с Казалинским, а потом уже с Перфильевым. Обрисуйте, пожалуйста, на какой почве произошло знакомство с Казалинским.

Коротков здоровой рукой взъерошил свои и без того спутанные волосы и спросил:

— Вы в колхозе «Золотая балка» с Сидоренковым говорили?

— Нет, но я знаю, чем он занимается. С ним беседовал работник ОБХСС.

— Ну так вот... Сидоренкову надо было десять кубометров стройматериалов достать. Он мне сказал, что директор базы Казалинский в принципе всегда готов это устроить, но он терпеть его не может, Сидоренкова то есть. Не хочет с ним связываться. А я ему неизвестен, со мной он согласится иметь деловые отношения. А я внакладе не останусь. Так говорил мне Сидоренков.

— А почему Казалинский не терпел Сидоренкова?

— Просто из осторожности. Этот Сидоренков три раза сидел.

— За что?

— За такие вот штучки.

— Но как же вы подошли к Казалинскому?

— У него есть слабость.

— А именно?

— Он любит золотые червонцы царской чеканки.

— Они у вас были?

— Не у меня. У Сидоренкова.

— Такой осторожный человек... — с сомнением сказал Журавлев. — Как же от незнакомого принимать?

— Я сказал, что от Сидоренкова. Как он просил.

— Непонятно. Казалинский же его, как вы говорите, боялся. Не увязывается, знаете ли.

— Все на месте. Клешня не хотел контактировать с ним напрямую. А через прокладку не возражал.

— Вы, значит, служили только прокладкой? — Вопрос был не без подвоха, но Журавлев и не скрывал этого, зная, что Коротков тоже все поймет.

— Вы ж предлагали откровенно, а сами ловчите. Я не пешка, — сказал Коротков.

— Я не считаю вас пешкой. Наоборот. — В этих словах Журавлева заключался уже не подвох, а очень опасный для Короткова смысл.

— Не надо лишнего, — деланно-умоляюще попросил Коротков. — Я получал свою долю, но не надуйте этот шарик так сильно, может лопнуть.

Журавлев не собирался разубеждать Короткова, будто имел в виду не то, о чем он подумал, а совсем иное — ну, например, его личные качества.

— С Александром Антоновичем Перфильевым вы познакомились позже, — сказал он, оставив слова Короткова без внимания. — Как это произошло?

— Сначала я познакомился с его дочерью.

— Случайно?

Коротков ухмыльнулся.

— С красивыми девочками не знакомятся случайно. Это делается умышленно.

— По-моему, теперь неоткровенны вы.

— Есть немного, — жестко сказал Коротков. — А вы ходите вокруг да около. Давайте в лоб.

— С удовольствием... Я предполагал, что на Перфильева вас вывел Казалинский. Так должно быть по логике вещей. Но я могу и ошибаться.

— Не ошибаетесь.

— Значит, это он подсказал относительно Елены Перфильевой?

— Да.

— У вас что же, был открытый разговор: мол, сойди с дочерью, чтобы войти в доверие к отцу?

— Не так примитивно. Просто затеялся мужской разговор...

— В первую же встречу?

— Нет, это было уже после тех десяти кубометров. Мы стали видеться.

— Ну и?..

— Казалинский сказал: есть в городе одна девчон-

ка — пальчики оближешь. Жалко, он для нее староват. Да и не очень-то легко подступиться.

— Мало ли в городе красивых девушек... Он что же, адрес вам сообщил?

— У нее автомобиль. Он сказал, где она заправляется. И номер машины.

— А кто она, чья дочь, кем работает Перфильев — не объяснил?

— Он объяснил: хоть у нее и автомобиль, но девочка, кажется, нуждается в деньгах.

— Вы не сочиняете? — Журавлев с трудом переваривал такие вещи.

— Сочинить можно и похлестче. Я вам правду.

— Ну и что же дальше?

— Познакомились. У нее тогда недавно умерла мать. Ездили на юг. На моей машине. Она неважно водила. Я ее заодно и подучил. Потом дал займы пятьсот.

— Она вернула?

— Нет, конечно. Мы собирались пожениться.

— Казалинский радовался вашему успеху?

— А как вы думаете?

Они еще ни разу не притронулись к тому главному предмету, ради которого велся этот долгий разговор, но у Журавлева сложилось отчетливое ощущение, что Коротков отлично сознает его осведомленность. Идя сюда, Журавлев допускал, что Коротков примет ту же линию поведения, какую выстроил Казалинский: сваливать основную вину на мертвого Перфильева. Но из того уже, что было тут сказано, можно сделать заключение: Коротков решил вести себя иначе. Даже если у них с Казалинским существовал на сей счет предварительный сговор. Поэтому Журавлев перескочил через ненужные ему сейчас подробности и приступил к основному.

— С вашего позволения, давайте определим роли. Образовался, как говорится, триумvirат — вы, Казалинский и Перфильев...

— Не тот порядок, — перебил Коротков. — Казалинский, Перфильев и я.

— А не желаете поставить себя в середину?

— Я только передатчик. Ну и приемник, если уж вам так хочется.

— Значит, главным был Казалинский?

— Да.

— А роль Перфильева в чем заключалась?
— Он выписывал столько материалов, сколько требовал Казалинский.
— Вы, должно быть, плохо знаете, как распределяются фондируемые материалы. Существует разрядка.

— В этой кухне я не разбираюсь. Знаю, что определенным лицам выписывалось больше, чем надо. Их указывал Казалинский. От них я получал деньги, отдавал Казалинскому, а он выделял часть Перфильеву.

— А вам?
— Маленькую часть.
— А что значит указывал?
— Казалинский через меня называл Перфильеву фамилии толкачей, из тех, которые приезжали что-нибудь получить.

Тут была некая шаткость. Журавлев отвел взгляд в сторону, сказал как бы в пространство:

— Такой осторожный человек...—Он в точности повторил ту же фразу, которую произнес полчаса назад, имея в виду Казалинского.— Не похоже на него. Сам себе искал клиентов... Их было довольно много. Это опасно. Вот с Сидоренковым он вел себя правильно...А здесь, простите...

— Намек понял. Были клиенты и от меня,— признал Коротков.

— Мы все это зафиксируем в протоколе. Я не предупреждал вас об ответственности за дачу ложных показаний, но, надеюсь, вы сознаете...

— Не беспокойтесь, сознаю.

Журавлев сел за стол и на разлинованных бланках записал по порядку вопросы и ответы. Он записал их в самой сжатой форме. Закончив, прочитал протокол и сказал:

— Вы подозреваете, что тормозные шланги мог повредить Казалинский?

— Больше некому.

— Сейчас вы в этом уверены, судя по вашему тону.

Откуда появилась уверенность?

Не показав вида, Журавлев, однако, был действительно удивлен уверенным тоном Короткова. Если версия о предумышленном убийстве Перфильева верна, Короткову ни с какой стороны невыгодно обвинять Казалинского в покушении на его собственную жизнь, ибо ничто другое не может так подкрепить эту версию. Не иначе Коротков что-то замыслил.

Журавлеву пока оставалось только гадать и внутренне поражаться холодной расчетливости этого совсем еще молодого человека. В самый раз было задать себе наивный вопрос: «И откуда такие типы берутся?» Но Журавлев во время работы подобных вопросов самому себе не задавал. Разве что после, по дороге домой.

— Я говорю, больше некому,— повторил Коротков.

— Нужна веская причина для таких чрезвычайных мер.

— Зачем ему свидетель, который все знает?

— Все-таки одним этим трудно объяснить поведение Казалинского.

— Чужая душа—потемки.

— Может быть, есть какие-то другие мотивы?

И тут Коротков дал осечку. Он спросил:

— У него?

Лживые люди, привыкшие врать даже без надобности и по ничтожным поводам, когда, например, у них интересуются: «Ты вчера в кино ходил?», обычно переспрашивают: «Кто, я?» Чтобы дать себе время придумать ответ. Тут было нечто похожее, но в вопросе Короткова содержался еще и подтекст, который можно было прочесть и так: «У меня?» Коротков и сам сообразил, что слегка поскользнулся, но это не сбilo его с толку. Так как Журавлев счел нужным промолчать, он пояснил:

— Клешня—страшная личность. Никто не знает, на что он способен.

— Александр Антонович был другого толка человек, не правда ли?

— Небо и земля!—воскликнул Коротков.—Александр Антонович—взрослый ребенок.

Позиции сторон, что называется, окончательно определились. Журавлев подкинул Короткову возможность продемонстрировать свою любовь к покойному Перфильеву.

— Вы никогда не ссорились?

— С ним невозможно было ссориться. И потом я намного моложе. Я уважал его. Он, правда, не разрешил Лене выйти за меня замуж до окончания института. Но в общем-то это понять можно. Он был справедливым мужик.

Ну, разумеется. Все так и должно быть. Кому придет в голову после таких слов подозревать человека в убийстве потенциального тестя?

Последнюю часть разговора Журавлев не стал оформлять в виде вопроса. К сожалению, бумага не способна передать оттенков тона и настроения. Он вынул из чемоданчика опись драгоценностей, дал ее Короткову и сказал:

— Во время аварии при вас был кисет с драгоценностями. Тут они перечислены. Это все принадлежит вам?

— Не все,—внимательно прочитав опись, ответил Коротков.

— Уточните, пожалуйста.

— Серьги и браслеты не мои.

— Чьи же?

— Елены Перфильевой.

Журавлев вспомнил о настоятельном совете Синельникова—дознаться, зачем Коротков приезжал к дочери Перфильева в ночь после несчастья с ее отцом.

— Вы навещали ее ради этого?

— Да.

— Принадлежащие вам ценности хранились у нее?

— Да.

— А к чему же было брать ее собственные?

— На всякий случай.

— Опасались конфискации?

— Можно считать и так.

— Ее драгоценности, значит, нажиты нечестным путем?

— Кое-что осталось от матери. Кое-что я подарил.

— А Казалинский не дарил?

— И он тоже.

Это Журавлев внес в протокол, попросил Короткова прочесть и подписать его, что тот и сделал.

Журавлев закрыл чемоданчик, взял магнитофон и сказал:

— Ну, до свидания. Завтра я вас потревожу.

Придется доставить вас в управление на очную ставку с Казалинским.

Коротков нахмурился.

— Это что, так уж необходимо?

— Дело требует.

— Не хочу я видеть эту морду.

— Вы думаете, я получаю удовольствие?

— Вам зарплата идет.

Журавлев укоризненно покачал головой:

— Кажется, до сих пор вы были вежливы.

— Ну, ставка так ставка. Переживем. Извините.

Глава 8

ОЧНАЯ СТАВКА

Маленький кабинет Журавлева был непригоден для очной ставки: в нем едва умещались стол и четыре стула. Коротков будет на каталке. Журавлев пригласил Ковалева, да еще надо усадить отдельную секретаршу-стенографистку. Выход нерасторопному Журавлеву подсказала сама секретарша: заместитель начальника отдела позавчера отбыл в отпуск, а у него кабинет побольше. Пока утрясался этот пустяковый вопрос—пустяковый для всех, кроме Журавлева,—прошло каких-нибудь десяток минут, а он перенерничал так, словно отстал от поезда, в котором уехали его дети. Секретарша даже сказала ему: «Да успокойтесь вы, Николай Сергеевич!»

Вот почему, когда все собрались в кабинете заместителя, у Журавлева на щеках пылал девичий румянец. Кто его плохо знал, ни за что бы не поверил, что обладатель таких щек способен моментально преобразиться, едва ступив в сферу своих привычных профессиональных обязанностей.

Ковалев уже допрашивал и Казалинского, и Короткова, и их многочисленных клиентов-взятокдателей. Ревизия установила все—или почти все—эпизоды отпуска дефицитных материалов в нарушение законного порядка. ОБХСС неопровержимо изобличил Казалинского в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах.

Задача теперь заключалась в том, чтобы изобличить Казалинского как инициатора создания преступной группы и как ее руководителя, а также в злоумышленной порче автомобиля Короткова, повлекшей за собой аварию, в результате которой владелец автомобиля получил тяжелые увечья. Вторая половина задачи, собственно, была уже решена.

Журавлеву, конечно, очень хотелось бы выявить истинную причину гибели Перфильева, но, как и Синельников, он видел, что тут все глухо, прямых улики против Короткова нет и добыть их не удастся...

В кабинете было два стола—один обыкновенный канцелярский письменный, второй, стоявший перпендикулярно ему, длинный полированный, на хилых ножках. Расположились так: Журавлев сел в кресло за письменный, Ковалев рядом, на углу, Казалинский за длинным, лицом к окнам, а на торце длинного секретарша. Коротков лежал на каталке, с двумя подушками под головой, каталка стояла вдоль длинного стола по противоположную от Казалинского сторону. Перед Ковалевым стоял магнитофон, снабженный микрофоном. Журавлев предупредил Короткова и Казалинского, что все будет записываться на ленту, и приступил к делу.

— Итак, обращаюсь к вам, Коротков. Расскажите, где, как, когда и с какой целью вы познакомились с гражданином Казалинским.

Коротков рассказал. Казалинский при этом ерзал на стуле, стул под ним скрипел.

— Теперь изложите историю вашего знакомства с Еленой Перфильевой.

Коротков изложил. Казалинский сказал громко:

— Врет он все, прохиндей. Я ему...

— Спокойно,—остановил его Журавлев.—Говорить будете, когда вас спросят.—И к Короткову:—Расскажите о вашей первой совместной с Казалинским и Перфильевым сделке. В чем она состояла и когда это было?

— Казалинский мне сказал, что отец Лены может устроить машину. Есть человек, который готов переплатить тысячу. Надо через Лену уговорить Перфильева, а потом сделать ему подарок. Так все и было.

— Казалинский, что вы скажете по этому поводу?

— Врет он.

Журавлев раскрыл папку с закладками, в которой были подшиты разномастные бумаги.

— Зачитываю собственноручные показания гражданина Соколова. Вашего знакомого, Казалинский. «В августе семьдесят девятого года Казалинский сказал мне, что есть возможность приобрести машину «Жигули» без очереди. Для этого я должен связаться с Владиславом Коротковым. Он дал мне его телефон в гостинице «Юность». Коротков при встрече сказал, что это будет стоить на тысячу рублей больше. Я согласился». Казалинский, вы признаете, что этот эпизод имел место в действительности?

— Да.

— Коротков, как распределили вы эту тысячу рублей?

— Казалинский велел купить что-нибудь для Лены рублей за шестьсот, а остальное я оставил себе. Лене купил сережки.

— В данном эпизоде Казалинский не преследовал цель личного обогащения. В чем, по-вашему, состояла его цель?

— Замазать Перфильева.

— То есть вовлечь в преступную группу?

— Можно называть и так.

— Расскажите, каким образом и когда состоялась первая сделка, в результате которой Казалинский и Перфильев получили деньги в виде взятки.

— Это было, кажется, в октябре семьдесят девятого. Сидоренков получал для колхоза «Золотая балка» кровельное железо. Казалинский попросил меня, чтобы я уговорил Перфильева выпустить для колхоза больше, чем ему полагалось.

— Вы опять действовали через Елену Перфильеву?

— Нет, мы с ним к тому времени были уже на «ты».

— Перфильев согласился без колебаний? Вы обещали ему вознаграждение?

— Он тогда пил. Денег не было. Уговаривать особенно не пришлось. А насчет вознаграждения я сказал сразу.

— Сколько дала эта сделка?

— Не помню.

Журавлев опять раскрыл папку на закладке.

— Вот показания Сидоренкова: «Я дал Короткову тысячу семьсот рублей». Кто из вас и сколько получил?

— Семьсот взял Казалинский, семьсот я отдал Перфильеву, триста оставил себе.

Журавлев захлопнул папку, положил на нее ладонь.

— Из материалов дела явствует, что именно с октября одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года подобные сделки приобрели регулярный характер. Вы, Казалинский, на последнем допросе показали, что при этом вы лишь исполняли приказание Перфильева. Он якобы передавал вам записки. Вы по-прежнему утверждаете это?

— Да. Он приказывал, я исполнял.

— У вас сохранилась хотя бы одна записка?

— Кто же такие бумажки собирает?

— Жаль. Сейчас это послужило бы вам на пользу.

— Стало быть, не рассчитал.

— Коротков, что вы можете сказать на сей счет?

— Никаких записок не было, ничего Перфильев не приказывал, все наоборот. Казалинский через меня передавал ему, что для кого сделать.

— Следовательно, фактическим организатором и руководителем вашей группы является Казалинский?

— Да.

— Гад ползучий,—сказал сквозь зубы Казалинский, посмотрев с прищуром на Короткова.

— Ведите себя прилично,—сделал ему замечание Ковалев.—Вы не на базаре.

— Скажите, Коротков, не выражал ли Перфильев желания прекратить все эти преступные сделки?

Коротков подумал немного.

— В прошлом году, осенью, был у меня с ним разговор. Позвонил мне ночью, попросил зайти. Лены не было, ездила в Москву. Трясаясь весь. Басти, говорит, пора кончать, выхожу из компании. Велел передать Казалинскому, что больше между ними ничего нет. Я передал.

— Как реагировал Казалинский?

— Скажи, говорит, этому слонтяку, что поздно хватился. Он у меня, говорит, в кармане.

— И Перфильев раздумал? Испугался?

— Да.
— В дальнейшем он не возвращался к этой мысли?
— Нет.
— Но во время пикника вы старались от чего-то его отговорить. При этом было произнесено слово «конфискация». Объясните, пожалуйста.

Казалинский сидел, словно окаменев, и исподлобья глядел на Короткова. Тот тоже поглядел на него, отвернулся и, помолчав, произнес задумчиво:

— Это была совсем другая мысль.
— А именно? Уточните, прошу вас.
— Александр Антонович решил идти с повинной.
— Когда же он пришел к такому решению?
— На майские праздники.
— Казалинский был осведомлен об этом?
— Конечно.
— И вы пытались Перфильева отговорить?
— Я пытался. — Коротков сделал ударение на «я».
— А что Казалинский?
— Он сказал, что Перфильева надо обезвредить.
— То есть?
— Убить.

— Болван! — крикнул, привстав со стула, Казалинский. — Что ты несешь!
— Да-да, гражданин следователь, — не обращая на него внимания, объяснял Коротков. — И он убеждал меня убить, обещал отдать половину всех денег, какие у него есть. Но я отказался.

— Гаденыш проклятый, кто тебе поверит?! — кричал Казалинский.

— Правильно. — для одного Журавлева продолжал Коротков. — Разговаривали с глазу на глаз, не докажешь. Но я говорю чистую правду.

Заявление Короткова было совершенно неожиданно. Чтобы его переварить и усвоить, требовалось время. Ковалев даже пренебрег чересчур шумным поведением Казалинского. Журавлев вынужден был признать самому себе, что сильно недооценил этого «гаденыша проклятого», как, вероятно, недооценивал его и Казалинский.

Лучший способ отвести от себя подозрения в убийстве изобрести было трудно. Коротков обезоруживал следствие, психологически одним шагом заняв неуязвимую позицию. Казалинского он мог не опасаться, Казалинскому эту карту бить было нечем. Не станет же он в отместку сознаваться, что действительно склонял Короткова к убийству и что тот по его просьбе утопил Перфильева.

И это еще не все. Коротков своим заявлением построил для следствия прочный мостик к автомобильной аварии, к ее причинам.

— Почему вы умалчивали об этом на допросах? — спросил наконец Журавлев.

— Побаивался. Надо было все обдумать. — с хладнокровной откровенностью ответил Коротков.

— Казалинский, вы признаете, что склоняли Короткова к убийству Перфильева?

— Чуть! Бред собачий!
— Спокойно. Значит, не признаете?

— Нет!
— Вам было известно о намерении Перфильева явиться с повинной?

— Нет. Это все байки. База — да, согласен, виноват, судите. А это — нет.

— Относительно базы вашего согласия не требуется. Там все доказано документально. Перейдем к аварии. Вы, Коротков, высказали на допросе подозрение, что тормозные шланги на вашей машине надрезал Казалинский. Подтверждаете эти свои слова?

— Да.
— Вы говорили, что мотивом действий Казалинского служило желание избавиться от вас как от свидетеля и соучастника в преступных сделках.

— Абсолютно правильно.
— В свете вашего предыдущего заявления мотивы действий Казалинского выглядят несколько иначе. Как вы считаете?

— Да не резал я никакие шланги! — криком перебил размеренный диалог Казалинский.

— Я не у вас спрашиваю. Отвечайте, Коротков.

— Все понятно. Из-за одних только взяток зачем ему такой грех на душу брать?

Журавлев обернулся к Казалинскому.

— Теперь вопрос к вам. Шланги вы не резали собственной рукой. Но я уже объяснил: экспертиза точно установила, что их резали принадлежащим вам ножом, сделанным из бритвы. Это является достаточным доказательством вашей причастности. Вашу машину привели для проверки на базу некий молодой человек. Кто он? Как его фамилия?

Было бы вполне естественно, если бы Казалинский сказал: а я тут все-таки ни при чем, этот малый сам, по своей охоте резал шланги, что я его заставлял — вам не доказать. Но Казалинский не воспользовался этой возможностью, может быть, приберегая ее для суда. Он ответил просто:

— Я вам тоже объяснял: не знаю, два раза всего виделось.

— Это, наверно, Борька, — сказал Коротков.

— Кто такой Борька? — спросил Журавлев у Казалинского.

Тот стукнул кулаком по столу, так, что стенографистка вздрогнула.

— Гаденыш ты проклятый!
— Кто такой Борька? — повторил Журавлев.

За Казалинского ответил Коротков:

— Племянник его.
— Фамилия?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Какая фамилия у вашего племянника? — спросил Журавлев, обращаясь к Казалинскому.

— Петров, — ответил тот странно вдруг севшим голосом. Как будто в легких у него не было воздуха.

— Иванов, Петров, Сидоров? — насмешливо спросил Ковалев.

— Петров. Это сын моей сестры.
— Где живет?

— В Северном микрорайоне.
— Адрес?

— Ломоносова, двенадцать, квартира тридцать четыре.

— Он в городе?
— Должен быть.

Ковалев записал адрес и вышел.
— Ну что ж, достаточно, — заключил Журавлев.

— Я свободна, Николай Сергеевич? — спросила секретарша.

— Да, Галина Александровна. Спасибо.
Конвойный увел Казалинского. Для Короткова надо было вызвать конвойного и санитаря. Журавлев позвонил, и они быстро явились.

Потом он собрал свои папки, взял магнитофон, запер кабинет и отнес ключ секретарше.

— Ну и терпение у вас, Николай Сергеевич! — сказала она. — Я и то вся измочаленная.

— Что же делать, Галенька, — извиняющимся тоном отвечал Журавлев. — На том стоим...

Омерзительно он себя чувствовал после этой очной ставки.

Вечером Журавлев допрашивал Борьку. Тот сначала отпирался, утверждал, что не приезжал на базу на машине Казалинского. Пришлось провести опознание.

Привезли Румерова, пригласили с улицы двух более или менее похожих на Борьку молодых людей.

Румеров четко опознал его. И Борька незамедлительно во всем признался. Его арестовали.

Домой Журавлев шел вместе с Синельниковым. Пешком им было минут двадцать, они жили на одной улице, только в разных домах. Журавлев рассказал Синельникову об очной ставке, обо всем, что выяснилось.

— Не ухватишь его, — сказал Синельников.

— Ты про Короткова? — спросил Журавлев.

— Про кого же...

Журавлев потер подбородок смятым носовым платком, который держал в кулаке.

— Да. Это, знаешь, подлец выдающийся. Откуда они берутся такие?

— От верблюда.
— Ты все шутишь.

— А ты что, первый раз видишь?

— Не в этом дело. Мне, знаешь, что страшно?

— Ну-ка.
— Мама этого Борьки тут же приехала, ей про сына сказали, и у нее — инфаркт. Отвезли в больницу.

— Она что, ничего не знала?

— Ровным счетом.

— И началась вся эта поганая история тоже с инфаркта.

— Ах, люди, люди... — вздохнул Журавлев.

— А вот у Елены Перфильевой никогда ничего с сердцем не случится, — помолчав, сказал Синельников.

— Это почему же?

— Нет у нее сердца... Так, просто насос для прокачки крови...

Синельников проводил Журавлева до дома, и шли они всю остальную дорогу молча.

Синельников улетал в отпуск. Самолет на Адлер отправлялся в 8.15, и в киоске аэровокзала он сумел купить лишь местную областную газету. Когда «ИЛ» набрал высоту, Синельников развернул газету. На третьей полосе была обширная перепечатка из центральной газеты, рассказывавшая о том, как один молодой человек, мастер подводного плавания, спас, рискуя собственной жизнью, двадцать человек из упавшего в водохранилище троллейбуса. А ниже статьи была подверстана заметка под рубрикой «Из зала суда», где кратко излагалась суть дела Казалинского и компании и сообщалось, что глава преступной группы приговорен к высшей мере наказания за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах, что Коротков осужден на двенадцать лет; получили по заслугам взятодатели.

Хотела того газета или не хотела, но огромная статья и маленькая заметка, повествовавшие о противоположных проявлениях человеческого духа, напечатанные рядом, встык, говорили каждому, кто умеет сопоставлять, гораздо больше, чем любая лекция на моральную тему...

Недавно я женился. Для подготовки к свадьбе брал три дня отпуска за свой счет. А теперь бригадир требует, чтобы я отработал эти дни. Правильно ли это?

Н. ЗОТОВ, Свердловск

Да, бригадир прав. В постановлении Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» говорится о необходимости усилить контроль за предоставлением кратковременных отпусков без сохранения заработной платы.

Предоставление таких отпусков должно оформляться приказом (распоряжением) администрации с обязательным указанием причин и срока отпуска.

В необходимых случаях отпуска, взятые за свой счет, могут быть отработаны в последующий период, исходя из условий и специфики производства.

Условия отработки устанавливаются по соглашению работника с администрацией: отработка производится только в нерабочее время в течение ближайших трех месяцев после окончания отпуска. Число дней (часов) устанавливается в зависимости от продолжительности отпуска — из расчета один день работы соответствующей продолжительности за каждый день отпуска.

Время для работников, которым по закону установлена сокращенная рабочая неделя, соответственно уменьшается.

Отработка не может расцениваться как работа в сверхурочное время или в выходные дни, поэтому оплата за нее производится во всех случаях в одинарном размере.

Администрация обязана обеспечить учет отпусков без сохранения заработной платы и времени их отработки. Запись о предоставлении таких отпусков вносится в личную карточку работника.

Собираюсь снять комнату или однокомнатную квартиру. Расскажите, пожалуйста, какой существует порядок найма и условия оплаты сдаваемой квартиры.

В. КУЗНЕЦОВ, Ленинград

Прежде всего, товарищ Кузнецов, вам необходимо знать, что в поднаем обычно сдается часть занимаемого жилого помещения, а при временном выезде (при сохранении права пользования жильем) может быть сдана и вся квартира. Лица, проживающие в снятой ими комнате (квартире), самостоятельного права на это жилое помещение не имеют.

Нельзя сдавать помещение, когда в нем проживают лица, страдающие тяжкими формами отдельных хронических заболеваний. Причем для сдачи жилого помещения в поднаем требуется согласие совершеннолетних членов семьи и соседей, проживающих в одной квартире.

Размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги по договору поднайма определяется личным соглашением сторон, но не может превышать размера установленной квартирной платы и платы за коммунальные услуги. В случае превышения установленной платы незаконно полученная сумма подлежит взысканию в доход государства.

Если жилье систематически сдается в поднаем с целью извлечения нетрудовых доходов, сдаваемая изолированная жилая площадь подлежит изъятию в судебном порядке.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА ЭРУДИТОВ

Первый тур

Нынешний конкурс эрудитов будет разнотемным, и его вопросы коснутся многих сторон жизни и знаний. Для каждого из трех туров конкурса мы постараемся отобрать самые интересные вопросы из ваших писем.

В первом туре вы встретите как трудные, так и сравнительно простые вопросы. Но в любом случае не спешите с ответом, так как и самые простые вопросы не всегда столь просты, как кажется на первый взгляд.

В конкурсе может участвовать любой читатель нашего журнала. На сколько вы вопросов вы ни ответили, присылайте письмо.

Тридцати победителям первого тура будут вручены призы — книги, альбомы, почётные дипломы.

Поскольку членам жюри приходится изучать сотни ваших писем, у них к вам обычная просьба: писать четко и разборчиво, на одной стороне листа; отвечать на вопросы в том порядке, как они заданы; предварить каждый развернутый ответ кратким, но точным, причем желательно другим цветом чернил. Желательно указать источники, где вы нашли тот или иной ответ. Со своей стороны, хотим сказать вам, что почти все источники, из которых взяты публикуемые ниже вопросы, вышли из печати в 1982 и 1983 годах. Разумеется, ответы могут оказаться и в других источниках.

Приятного вам досуга, дорогие читатели!

Домашнее задание первого тура конкурса эрудитов таково:

1. Как известно, Карл Маркс хорошо знал русский язык и мог свободно читать на нем. В его библиотеке было много книг на русском языке. На титульном листе одной из них — «Из огня да в полымя!» — стоят данные: сочинение Вас. Маркова, С.-Петербург, 1876. Где на самом деле была издана эта книга и кто ее настоящий автор? К чему она призывала?

Г. ИВАНОВ, г. Ковров Владимирской области

2. Два мальчика бежали из детского дома и 1 мая 1919 года оказались на демонстрации на Красной площади. Сохранился снимок этого дня: В.И. Ленин в открытом автомобиле повернул голову к этим улыбающимся двум мальчикам, один из которых впоследствии стал академиком. Через 47 лет в Кремле ему, выдающемуся ученому, была вручена медаль лауреата Ленинской премии. Он писал стихи, и одно его четверостишие приведено в «Сказке о Митьке и Маше, о Веселом трубочисте и мастере Золотой руки». Назовите ученого и автора сказки.

А. САДРИДДИНОВ, г. Нафталан Азербайджанской ССР

3. В столице социалистического государства стоит памятник: всадник, скачущий к восходящему солнцу. Памятник посвящен выдающемуся национальному деятелю, который в 1921 году беседовал с В.И. Лениным. На постаменте-скале старинной вязью высечен завет. Прочитайте завет и назовите его автора.

В. ЕРМАКОВА, г. Таштагол Кемеровской области

4. Когда поступила в обращение первая почтовая советская марка? Кто был ее автором?

Н. ШАЦИЛО, г. Бендеры Молдавской ССР

5. Где и когда в нашей стране уже при Советской власти деньги печатали на шелке?

Д. ЗАЙГРАЕВ, пос. Усть-Мая Якутской АССР

6. Московское уличное освещение началось 252 года назад по петровскому указу. Что предписывал этот указ вообще и домовладельцам в частности? Что горело в уличных фонарях?

З. КРУПЧАТКИНА, Саратов

7. Через 15 лет после того, как советская космическая станция «Луна-3» вышла на орбиту спутника Селены и начала фотографировать ее обратную сторону, старший научный сотрудник Днепропетровского исторического музея В. Пименов, просматривая в библиотеке отдельные номера газеты «Московские губернские ведомости» за 1848 год, наткнулся на хроникальную заметку, в которой упоминалось поселение Байконур. В связи с чем?

Я. ЧУРСИН, г. Алмалык Ташкентской области

8. О мастерстве этого музыканта ходили легенды. Иезуиты, травившие его, говорили, что он продал душу дьяволу, откуда будто и бесовское очарование его игры. Музыкант выступал только для широкой публики. Когда английский король предложил ему выступить перед ним за большое вознаграждение, артист с достоинством отказался. «Его величество... — сказал он, — может услышать меня за значительно меньшую сумму, если посетит концерт в театре». О ком идет речь? Сколько фуг он написал без помощи инструмента?

С. АБЕЛИНА, Владивосток

9. В одном индийском музее выставлена горошина диаметром 17 миллиметров. Неизвестный мастер сделал ее полой. Внутри горошины — 40 слоников. Уральский умелец, узнав об этом, сделал из органического стекла коробочку и внутрь нее поместил шарик, равный «индийской горошине». Назовите умельца. Что он поместил внутри шарика?

Н. ГРИБОВ, г. Хотин Черновицкой области

10. Первыми Джомолунгму (Эверест) 29 мая 1953 года покорили новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей. А когда на Вершину Земли поднялась первая женщина? Назовите ее. Какое и когда принято официальное название Джомолунгмы в Непале? Что оно значит в переводе?

А. СЫСОЕВ, пос. Анна Воронежской области

11. Назовите самое старое на земле озеро. Сколько ему лет и во сколько раз оно старше следующего за ним по возрасту озера?

Ф. АЛЕКСЕЕВ, Архангельск

12. Когда и кем была составлена первая в мире программа для вычислительной машины?

В. ДАМДИНОВ, Улан-Удэ

13. В 1825 году в Париже был издан сборник пьес «Театр Клары Гасуль». Теперь все знают, что это была мистификация и пьесы написал Проспер Мериме. Но часть тиража издания украсил портрет выдуманной испанской комедиантки. Кто на самом деле был изображен на портрете и кто его автор?

В. ЦАГАРАЕВ, г. Моздок Северо-Осетинской АССР

14. Больше всего спутников у Сатурна. Ученые предполагают, что их 21. Но достоверно открыты 17. Назовите их.

15. На землю падает неисчислимо количество снежинок. Сколько разновидностей их, хоть в чем-то отличающихся друг от друга, известно?

А. ЛЕВ, Москва

Ждем ваших писем с ответами на вопросы первого тура. Последний срок отсылки их — 30 марта. На конверте пометьте: «Конкурс эрудитов. Первый тур». Дорогие читатели! Ждем от вас также новых писем с вопросами для третьего тура конкурса.

«СМЕНА» ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС «ЮМОР-84»

Изоконкурс, проводившийся редакцией в минувшем году, явно пришелся читателям по вкусу: получено 992 письма! И более пяти тысяч рисунков!

Ничего не скажешь, «кладовая юмора», банально выражаясь, пока не иссякла.

Но приходится к вышеописанному добавить ложку дегтя: количество карикатур явно не в ладах с качеством. В самом деле, может ли, к примеру, называться юмористическим рисунком смятый клочок оберточной бумаги, небрежно исчерканный карандашными каракулями? Когда достаешь из очередного конверта замусоленную

промокашку (бывало и такое), становится как-то не смешно. Что и говорить, шансы таких «работ» быть опубликованными в журнале равны нулю. Все же, к счастью, большинство участников конкурса «Юмор-83» правильно оценили его идею и основные требования, предъявляемые к рисункам.

Итоги уже подведены, а лауреаты конкурса названы и премированы («Смена» № 24, 1983 г.). И редакции ничего не остается, как на радость себе и — хотелось бы верить — читателям организовать очередной «юмористический марафон».

Итак, на старте — изоконкурс «Юмор-84». Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие абсолютно все желающие независимо от возраста и профессии. Кстати, на этот раз мы предлагаем нашим друзьям из социалистических стран также стать полноправными и активными участниками конкурса юмористов. Рисунки должны быть остроумными, оригинальными, выполненными на белой (по возможности плотной) бумаге черной тушью. Примерный их размер — 15 × 20 сантиметров.

Авторы могут присылать рисунки в течение года, до 1 ноября 1984 года, по

адресу: 101457, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», с пометкой «Юмор-84». Тематика и количество рисунков не ограничиваются. Лучшие работы, отобранные членами жюри, будут публиковаться в течение года. Итоги конкурса жюри подведет в конце 1984 года.

Победителям будут вручены дипломы «Смены» и призы.

Рисунки, присланные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.

До встреч на страницах «Смены», друзья!

Рисунок
Славика ВОСКАНЯНА,
г. Кировоград

Рисунки
Олега ТЕСЛЕРА,
Москва

Рисунок Павла ДЖАНГИРОВА,
Ереван

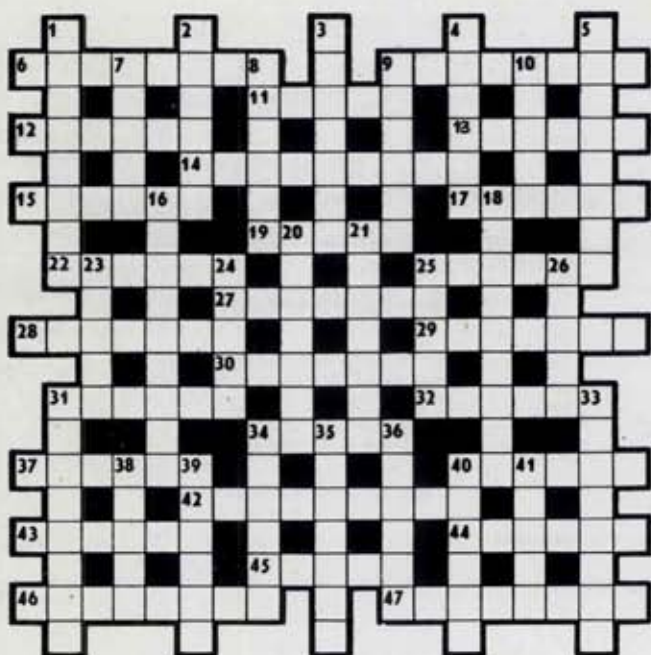

ТРЕСТ
ВОДОКАНАЛ

СЛУЖЕБНЫЙ
ВХОД

Конкурс кроссвордистов

В минувшем году «Смена» провела конкурс кроссвордистов. В нем приняли участие тысячи читателей, причем свыше двух тысяч из них прислали свои домашние задания. Судя по письмам, конкурс приобрел к занимательной и полезной игре немало молодежи.

Большинство читателей высказали пожелание, чтобы наш журнал проводил подобные конкурсы периодически. Откликаясь на ваши просьбы, дорогие читатели, «Смена» объявляет новый конкурс создателей кроссвордов. Мы предложим вам три задания. В этом номере задание первое.

«Быт и обычай народов мира»

Сетку, которую вы здесь видите, надо заполнить словами на предложенную тему. При этом под бытом надо понимать сферу внепроизводственной социальной жизни людей, в которую входят как удовлетворение материальных потребностей в пище, одежде, жилище, забота о здоровье, так и освоение духовных благ и культуры, общение, отдых, развлечения. То есть в кроссворд можно включать слова, относящиеся, допустим, к литературе и искусству, этнографии, фольклору, мифологии, спорту, и нельзя включать слова, выходящие за пределы понятий быта и обычая, например, из области природы, географии, физики, промышленности и т. д.

Составляя кроссворд, надо обязательно соблюдать такие правила: включать в него не больше трех однородных понятий и не включать однокоренные слова;

имен собственных не должно быть больше одной трети от всех загаданных, а слов с правильным чередованием согласных и гласных букв — не больше половины;

начальные буквы загаданных слов должны как можно полнее представлять алфавит, то есть нельзя загадывать много слов на одну букву;

слова надо стараться пересекать на согласных буквах.

Оформлять толкование слов надо так:

1. Шашки — настольная игра (источник толкования).

Каждую позицию начинать с новой строки, а писать только на одной стороне листа. Толковать слова старайтесь в известной мере творчески, емко и точно.

Названия болезней, религиозные и вызывающие неприятные ассоциации слова в кроссворд не берите.

Обязательно приложите четко выполненный рисунок, заполненный загаданными словами.

Главный приз — публикация в «Смене» лучшей читательской работы. Десять других читателей, чьи кроссворды жюри конкурса найдет самыми интересными, редакция наградит почетными дипломами.

Конкурсные работы надо отослать не позднее 30 апреля.

Итак, конкурс кроссвордистов начался. Удачи вам, дорогие читатели! Ждем ваши работы с пометкой на конверте: Конкурс кроссвордистов, I тур.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Играй, король!

В задачах-миниатюрах, где экономия материала близка к предельной, белый король тоже вынужден активно участвовать в создании матовой сети. Как-никак, а три поля у неприятельского короля он может отнять! Но гораздо интереснее, когда белый король не ограничивается подобными техническими функциями, а сам выступает в заглавной роли, осуществляя идею. Как, например, в классической миниатюре П. Раш-Нильсена (1937).

Мат в 3 хода

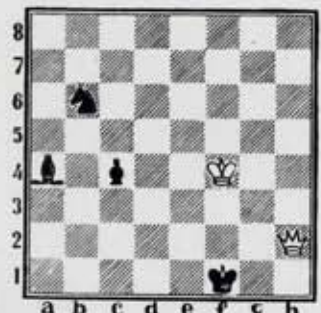
Попытка прямолинейно притеснить черного короля путем 1. Крg4? встречает столь же открытое опровержение — 1... f5+! 2. Крf4 Се5+. Этот верный план может быть реализован, но только более тонким способом. 1. Крg5!!

Король идет под два шаха, создавая угрозу 2. Фе2+. Идеальные варианты: 1... f6+ 2. Крf4! — пешка перекрыла слона, и нет 2... Се5+; 1... Сf6+ 2. Крg4! — слон перекрыл пешку, и нет 2... f5+. Блестящее выражение комбинации Гришоу (взаимное перекрытие двух разноходящих фигур на одном поле) с острой игрой белого короля! А теперь три тематических задания для участников нашей шахматной олимпиады.

Четвертый тур I

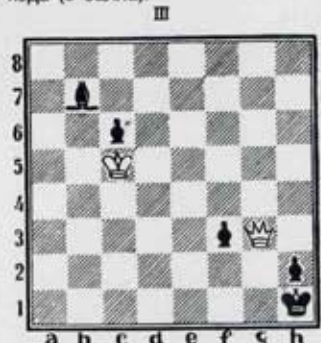

Белые: Крe7, Сf7, Ch8 (3)
Черные: Крh6, Kh2, пп. g5, h7 (4)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крe7, Сf7, Ch8 (3)
Черные: Крh6, Kh2, пп. g5, h7 (4)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крf4, Фh2 (2)
Черные: Крf1, Са4, Kb6, п. с4 (4)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Белые: Крс5, Фg3 (2)
Черные: Крh1, Сb7, пп. с6, f3, h2 (5)
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (4 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой: «26-я шахматная олимпиада. 4-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 апреля.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Ход в конверте
Игра по переписке является од-

ним из видов шашечных соревнований. У нас в стране проводится чемпионаты областей, республик и СССР. Проходят также и чемпионаты мира. Чемпионами мира были омский мастер Б. Фельдман и московский гроссмейстер В. Агафонов. Сейчас заканчивается очередной чемпионат мира. Большие шансы стать победителем имеет В. Агафонов.

В чем же специфика таких соревнований?

В игре по переписке отсутствует жесткий контроль времени на обдумывание, открываются широкие возможности анализа, можно пользоваться литературой.

На первый взгляд кажется, что в заочной игре нельзя сделать ошибку, ведь на обдумывание каждого хода дается несколько дней, можно советоваться с кем угодно, разобрать все варианты. Но на проверку выходит, что ошибки допускают даже гроссмейстеры.

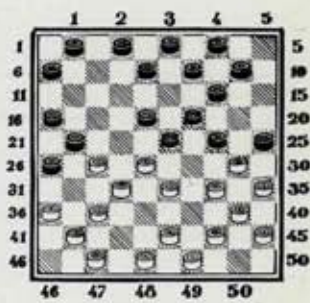
Игра по переписке воспитывает такое важное качество, как выдержка, развивает способности к расчету сложных вариантов, углубляет знание дебютов. А сколько создано в игре по переписке партий, которые по своей глубине и красоте замысла и исполнения вошли в мировой фонд шашечного искусства!

Четвертый тур

Для заданий этого тура предлагаем две партии Н. Матюшевского, сыгранные в полуфинале чемпионата СССР. Комбинационный путь минчанин добывается победы.

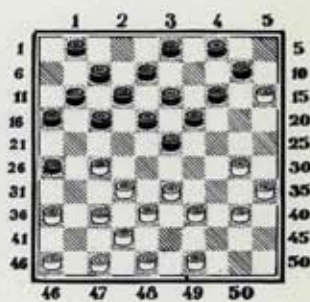
I
Н. Матюшевский (Минск) — Г. Григорьев (Перь)

Белые начинают и выигрывают (5 баллов).

II
В. Романов (Севастополь) — Н. Матюшевский (Минск)

Здесь ход черных. Они начинают и выигрывают (6 баллов).

III
Назовите первую чемпионку мира по шашкам (1 балл).

IV
Ответы на задания четвертого тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 4-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 апреля (по почтовому штемпелю).

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.01.84. Подписано к печати 19.01.84. А 09913. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 553. Заказ № 2016. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

АНАТОЛИЙ ПИСАРЕНКО

Спортивный автограф

«Стожеданна начинателна спортисману: Тосиавленна целя определент възможности и своео организма...! Барзайте!»

А. Писаренко

Дорогие читатели! Напоминаем, что материалы этой рубрики мы готовим по вашим просьбам. О чемпионе мира по тяжелой атлетике А. Писаренко просили рассказать школьник А. Шустов (Москва), С. Здобняков (Свердловская обл.), А. Левчук (Приморский край), В. Токиной (Измаил), каменщик П. Александров (Тюмень), инженер Ю. Васильев (Чебоксары), учащиеся ПТУ (Калининград), студент Ю. Власов (Ленинград).

Его бурный рывок в лидеры супертяжеловесов оказался неожиданным даже для знатоков штанги. Когда после многолетнего царствования в высшей весовой категории Василий Алексеев оставил место, его законным наследником на престоле был признан Султан Рахманов. Он успел одержать ряд блестящих побед, стать олимпийским чемпионом в Москве, обладал завидной силой и столь убедительными габаритами, что, казалось, не оставлял никаких надежд своим менее именитым соперникам. И вот как гром среди ясного неба: первого сентября 1981 года на традиционных всесоюзных соревнованиях в Подольске киевлянин Анатолий Писаренко устанавливает два новых мировых рекорда — в рывке и сумме двоеборья. Восемнадцать дней спустя Писаренко доказал, что его успех не был случайным: на первенстве мира завоевал звание чемпиона.

Его путь к вершине спортивной иерархии был логичен и последователен. Результаты росли достаточно быстро, но не были даром судьбы, а зарабатывались тяжелым трудом, методичными тренировками и жестким режимом. Так что в этом плане достижения Писаренко явились закономерными. Неожиданными их делал существенный «изъян» нового супертяжеловеса, он весил непривычно мало для этой категории — всего 123 килограмма.

Результат в супертяжелой категории в значительной мере зависит от собственного веса атлета, поэтому многие искали облегченный путь к победе, искусственно «наедавая» лишний вес. Спорт терял эстетическое начало. Писаренко же доказал, что высших достижений можно добиться другим способом: усиленными тренировками и отточенной техникой. Сломав устоявшийся стереотип, он как бы снял психологический пресс с молодых, талантливых, но относительно легких тяжеловесов, заставил их поверить в свои силы, последовать его примеру.

И они последовали. На Спартакиаде народов СССР из одиннадцати атлетов ведущей группы во втором тяжелом весе шестеро были легче ста тридцати килограммов. Белорусский штангист

Фото Евгения ВОЛКОВА

Александр Курлович повторил рекордную сумму 460 килограммов, которую только что набрал Писаренко. Звание чемпиона и рекордсмена мира было отдано Курловичу: его собственный вес был на три килограмма меньше. Так было в Москве в июле 1983 года. А уже в октябре на том же помосте во Дворце тяжелой атлетики в Измайлово Писаренко в третий раз выиграл звание чемпиона мира, оставив Курловичу «серебро».

Писаренко всего двадцать пять лет — возраст, когда супертяжеловесы только начинают восхождение к своим высшим результатам.

В его спортивном дневнике на годы вперед подробнейшим образом расписаны план предстоящих тренировок, «количество» металла, которое нужно поднять за это время, и результаты, которых надо достигнуть на соревнованиях.

— Хватит ли сил выполнить намеченное? — спрашиваю я.

— Возможности спортсмена определяет цель, которую он ставит перед собой, — говорит Анатолий.

Если выделять главную черту его личности, то на первое место надо ставить не силу и спортивный талант, а собранность и целеустремленность в достижении намеченного.

В детстве он страдал астмой, поэтому был постоянным пациентом врачей. Дядя Валера, моряк по профессии, решил лечить племянника собственным способом: отвел в секцию плавания. Здоровье Анатолия поправилось, он даже выполнил разрядную норму. Полюбив спорт, он поочередно занимался гимнастикой, баскетболом, легкой атлетикой, вольной и классической борьбой. В секцию штанги его привело любопытство и естественное мальчишеское желание «накачать силу». Михаил Петрович Кемель, тренер киевского «Динамо», угадал в Писаренко дарование штангиста.

Он и в личной жизни такой же. После школы окончил военное училище, получил высшее образование, стал офицером. Счел, что знает недостаточно, — поступил учиться в университет.

Когда много лет назад мама привела его в первый класс, то в первый же школьный день ему понравилась симпатичная одноклассница. «Вырасту — женюсь», — решил он. Все десять лет он оставался верным рыцарем Валентины, а она, круглая отличница, помогала ему в учебе, когда соревнования или тренировки вынуждали пропускать уроки. Теперь Валя — его жена, лучший друг, советчик, помощник, мать его трехлетнего сынишки Владислава.

Леонид ПЕТРОВ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820